

Татьяна Ларина

Чёрная Марта

18+

Татьяна Ларина

Черная Марта

<https://litres.ru/74504884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одним летним днем в подмосковный особняк distinguished семейства Куприяновых-Нестеровых на вакансию компаньонки пожилой дамы приходит молодая девушка Марта. Она сразу очаровывает нанимательницу, и та берет ее на работу.

Казалось бы, обычная история неопытного социального работника, однако Марта явилась не за деньгами или новым опытом. Ее цель — месть каждому члену семьи за зло, причиненное некогда родным девушки. Никто не должен избежать суровой кары: от маленьких детей до последнего взрослого. Марта уверена, что готова на все, но на пути к цели возникает препятствие — неожиданная симпатия к врагам.

Сможет ли Марта переступить через свои чувства и отомстить? Пойдет ли она до конца, если в стане врагов найдет настоящую любовь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	49
Глава 4	72
Глава 5	93
Глава 6	112
Глава 7	131
Глава 8	155
Глава 9	175
Глава 10	195
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Татьяна Ларина

Черная Марта

Глава 1

Первая половина лета была невыносимо жаркой. Синоптики раз за разом повторяли, что побит очередной температурный максимум. Зато, как только июль перевалил за середину, Московский регион накрыла приятная прохлада. Такая погода оказалась Марте на руку. В тридцать с лишним тяжело поддерживать «товарный вид»: колготки, туфли с закрытым носком, блузка с рукавом хотя бы три четверти. Конечно, никто не озвучивал ей этот дресс-код, но Марта понимала, что обязана соответствовать высоким требованиям своей нанимательницы.

Дорога до пресловутого особняка, спрятанного в сосновом лесу на южной окраине новой территории столицы, занимала по меньшей мере часа четыре — Марта жила в скромной однушке на севере. Сначала ей нужно было ехать на маршрутке до электрички, потом полчаса трястись в переполненном вагоне, затем метро и снова электричка, а дальше от станции — на такси. До таких мест, как то, где проживали Куприяновы-Нестеровы, не ходил общественный транспорт, а идти пешком означало угробить дорогие лодочки. Такого

Марта позволить себе не могла, тем более обувь должна быть идеально начищенной, когда она предстанет перед потенциальной нанимательницей.

Это собеседование было важнее любого экзамена, который Марте когда-либо приходилось сдавать, а она за свою жизнь не раз оказывалась в ситуации, когда от результата ее стараний зависела дальнейшая судьба. ЕГЭ в школе, поступление в университет, подтверждение стипендии каждый семестр, получение степени бакалавра, а затем магистра — каждый из этих пунктов был исключительно ее заслугой. В отличие от домашних мальчиков и девочек, которые могли рассчитывать на родительскую поддержку в случае неудачи, Марта была этого лишена. Ей исполнилось тринадцать, когда обожаемый папа умер после недолгой борьбы с раком, а спустя три года ушла и мама. Других родных у нее не было. Так, в шестнадцать лет, уже не ребенок, но пока еще не взрослая, Марта оказалась в детском доме. С этого момента она могла рассчитывать лишь на себя.

Говорят, серьезные испытания ломают слабаков, а сильных — закаляют. Все так. Марта не просто сумела выжить в негостеприимном детдоме, но и нашла возможность окончить с отличием школу и поступить на бюджет в университет. Она научилась отказывать себе в желаемом во имя того, что было необходимо, не обращать внимания на боль, тоску и одиночество. Да, Марта превратилась в сильную молодую женщину, способную свернуть горы. Только у всего это-

го была и оборотная сторона — она напрочь разучилась любить. Хотя к чему ей это умение, ведь у нее не осталось никого, к кому можно было бы испытывать это чувство?

Марта еще раз взглянула на себя в зеркало. Сегодня она постаралась сделать свою яркую внешность как можно более невзрачной: черные, как самая темная ночь, волосы заплела в тугую косу, а из косметики воспользовалась лишь гигиенической помадой, и то только потому, что от нервов покусала губы. Марта, в принципе, редко красилась: она с юности была привлекательной, а с возрастом еще больше расцветала. Унаследовав от отца молочно-белую кожу с россыпью еле заметных веснушек, шоколадные глаза, пышные ресницы, точеный нос и пухлые губы, она не нуждалась в каких-либо дополнительных средствах, чтобы подчеркнуть свою красоту. Однако на предстоящем собеседовании такие завидные данные могли сыграть против нее. Должность, на которую она метила, предназначалась серьезной девушке, а не кокетке.

Одежда Марты тоже соответствовала необходимому образу. Специально для собеседования она купила новые туфли-лодочки на невысоком каблуке, серую юбку чуть ниже колен и розовую блузку в мелкий горошек. Жемчужные гвоздики достались ей от мамы. Когда-то, в счастливые времена, их вместе с бусами подарил маме папа. Кажется, это был подарок на годовщину свадьбы или знакомства — Марта уже не помнила, за что всякий раз себя корила, ведь воспоминания — это все, что у нее осталось от семьи. Бусы девушке при-

шлось продать, чтобы купить ноутбук для учебы, а вот серьги она берегла. Других украшений у нее не было, разве что недорогая бижутерия, но она не могла показаться в ней перед нанимательницей.

Иной раз, собираясь куда-то, Марта заходила в парфюмерный магазин и, делая вид, что выбирает духи, брызгла себя теми, что стояли на витрине с самыми дорогими. В этот раз она решила этого не делать. Вдруг аромат парфюма не понравится пожилой даме? Она так много читала про Майю Александровну, что создалось ощущение, будто знает ее лично. Главное — не оплошать на собеседовании.

Все четыре часа дороги Марта прокручивала в голове свои ответы на гипотетические вопросы потенциальной работодательницы. Образование — высшее, специальность — социология. Почему откликнулась на вакансию? Во-первых, она в той или иной мере относится к ее специальности, во-вторых, это, безусловно, отличный опыт... Нет! Нет! И еще раз нет! Куприянова-Нестерова не та женщина, которая удовлетворится стандартными ответами. Столько лет проработав главным редактором журнала, она наверняка научилась читать людей. Ложь она сходу распознает, значит, нужно быть максимально правдивой.

К удивлению Марты, ее такси впустили на территорию особняка. Точнее, на общую территорию трех особняков, но все эти шикарные постройки в прессе давно окрестили единственным числом. Пусть будет так. Кто она, чтобы с этим

спорить?

— Надеюсь, я смогу выехать? — недовольно пробурчал таксист.

— Конечно, вы же видели, что у ворот будка охраны. Вас выпустят, когда вы поедете обратно, — ответила Марта.

— Вообще-то точка была *за* воротами, — он специально выделил голосом предлог, — а тут лишние метров четыре-ста, если не больше.

— Я доплачу за это чаевыми, — отмахнулась Марта, заведомо зная, что водитель не только не получит чаевых, но и схлопочет от нее всего три звезды за дурно пахнущий салон, неаккуратную езду, разговор по мобильному и отвратительную музыку, от которой теперь гудела голова. И это она еще накинёт два балла за то, что не высадил ее за воротами, а так — светило бы ему не больше единицы.

Марта с любопытством разглядывала территорию особняка. Если сегодня ничего не выгорит, то она хотя бы постарается запомнить, как все выглядит в реальной жизни, а не на экране телевизора. Асфальтовая дорожка, по которой они ехали, огибала небольшой пригорок, на котором стояла деревянная беседка семидесятых годов. О ней Марта прочла в журнале, где Майя Александровна с гордостью рассказывала, что это было любимое место чтения ее мамы.

Проехав чуть дальше, она увидела первый дом — самый маленький из трех. Это было двухэтажное строение, отделанное с фасада неотесанным камнем, с широким деревян-

ным патио. Марта знала, что за этим патио находится гостиная-столовая, центральное место которой занимал длинный стол из цельного куска дерева. Год назад тут снимали кулинарное шоу для центрального канала. Эту программу Марта пересматривала по меньшей мере раз шесть, стараясь разглядеть каждую деталь интерьера. Здесь могло бы вольготно жить семейство с целым выводком детишек, но дом подарили младшему внуку Майи Александровны — холостяку и повесе Юрию. Двадцать девять лет, ни образования, ни достойной профессии, а такие хоромы... Дом Михаила, среднего внука, походил на этот, но был чуть больше и стоял в отдалении. К сожалению, увидеть его сегодня Марте было не суждено.

Дорога вела дальше за коттедж Юрия. Как только такси повернуло, Марта увидела тот самый особняк, с которого все началось. Пятьдесят четыре года назад его купил отец Майи Александровны как дачу, но в скором времени перебрался сюда с женой. Постепенно они стали расширять владения, перестроили дом, облагородили территорию, а в девяностых купили соседние участки, но по старой памяти продолжали называть все это словом «особняк».

— К этому дворцу? — усмехнулся таксист.

— Да, пожалуйста, — ответила Марта, игнорируя его сарказм.

— Горничной, что ли, работать идешь? — лишив себя еще двух звезд в оценке, не унимался мужчина.

— Именно. Сортиры мыть, — бросила Марта и выскочила из осточертевшего «Логана».

Наконец она могла вдохнуть полной грудью свежий воздух. Сейчас Марта пожалела, что не воспользовалась духами из торгового центра у метро, потому что ей казалось, что вся ее одежда пропахла несвежестью затхлого салона такси. Одернув юбку и расправив воротничок на блузке, она направилась ко входу во «дворец», как выразился водитель.

Этот дом был также отделан неотесанным камнем, что подчеркивало общий дизайн трех построек и объединяло их в ансамбль. Несмотря на это, главный коттедж сильно отличался от меньших. Над большими деревянными дверями возвышались три этажа, средний из которых был полностью стеклянным; при этом из-за особенности окон изнутри можно было видеть улицу, а вот с улицы — лишь зеркальное отражение сосен. Об этом ноу-хау Марта узнала из другой телепередачи, где Вадим, старший внук Майи Александровны, устраивал экскурсию по своему дому. Кстати, он жил здесь вместе с бабушкой.

От центральной части особняка полукругом, опоясывая подъездную дорогу, шли два трехэтажных крыла. Что было в них, Марта могла лишь гадать. Рассказ Вадима ограничивался двумя гостиными, кабинетом и столовой. Логично было предположить, что дальше шли спальни, гостевые комнаты, возможно, детские, игровые и комнаты прислуги. Для такой домины нужен целый штат работников, и, если все сложится

удачно, Марта сможет войти в их число.

Не успела она подняться на первую ступень, как дверь распахнулась, и на пороге показалась статная дама со старомодными короткими буклями седых волос на голове. На вид ей было хорошо за пятьдесят, а серый льняной костюм не по размеру делал ее похожей на шкаф. Эту женщину Марта не узнала, хотя старалась разыскать информацию обо всех, кто здесь работал.

— Марта Олеговна, прошу вас, — дама посторонилась, впуская Марту в дом, и та заторопилась по лестнице вверх.

— Здравствуйте, — произнесла она, сознавая, что не имеет смысла представляться и в то же время не зная, как обращаться к даме.

— Идемте за мной, — закрыв за Мартой дверь, дама прошла мимо нее и легко махнула рукой.

Оказавшись внутри злополучного особняка, вся решимость Марты куда-то испарилась. Дама вышагивала в обуви, но на ней были домашние туфли. Нужно ли разуваться, если пришел с улицы? Да, Мартина обувь была новой, но все же тротуары, обшарпанные подземные переходы, полы в электричках и метро отнюдь не были чистыми. Заметив, что девушка замешкалась, дама обернулась и недовольно на нее посмотрела.

— Разуваться? — все-таки решилась спросить Марта.

— Нет. Это будет неприглядно, — проговорила дама и, чуть помолчав, дополнила: — В вашем случае.

Такой тон мигом вернул Марте прежнюю уверенность. Она не терпела пренебрежения своей персоной. Любой выпад в ее сторону моментально оборачивался ответным ударом. Однако в этот раз она не могла себе позволить ни колкости, ни дерзости; пришлось стерпеть молча, но теперь ее голова была высоко поднята. Если все сложится как надо, эта «тетя-шкаф» будет вынуждена ее уважать.

Они прошли холл, размером превосходивший всю Мартину однушку, проследовали мимо гостиной, куда Марте так хотелось заглянуть, но она сдержалась, и подошли к высоким дверям в кабинет Майи Александровны.

— Ждите, — приказала Тетя-шкаф, и после трех негромких стуков и ответного «войдите», скрылась внутри.

Марта ждала недолго. Она даже толком не успела как следует изучить большой портрет статного мужчины на стене напротив кабинета. Его девушка узнала сразу: Александр Константинович Куприянов кисти Владимира Вейсберга¹, написанный в тысяча девятьсот пятьдесят девятом. Подойдя к картине, она стала всматриваться в густые мазки, которыми художник передал суровый взгляд отца Майи Александровны, но тут ее окликнули:

— Вы можете войти, — сухо сообщила Тетя-шкаф и, оставив открытой дверь кабинета, направилась в сторону гости-

¹ Владимир Григорьевич Вейсберг (1924 – 1985) — советский художник и теоретик искусства, принадлежащий к послевоенному поколению авторов, становление которых пришлось на середину 1950-х — начало 1960-х годов, один из видных мастеров «неофициального искусства».

ной. Марта набрала в легкие побольше воздуха, будто готовясь нырнуть в воду, и шагнула внутрь.

Кабинет представлял собой просторное светлое помещение, поделенное на три зоны. Справа — диван с двумя креслами и небольшим столиком между ними, где можно было выпить чаю или кофе за беседой. Слева — мини-библиотека: стеллажи под потолок, заставленные толстыми фолиантами, придвинутая к ним лесенка для того, чтобы снимать книги с верхних полок, и высокий круглый столик, приспособленный, видимо, для того, чтобы складывать отобранные издания. Сама кабинетная зона располагалась по центру, где напротив большого арочного окна стоял массивный стол, за которым на высоком кресле восседала она... Майя Александровна Куприянова-Нестерова.

Ей было восемьдесят четыре, но никто не дал бы этой женщине больше шестидесяти. Майя Александровна всегда отличалась худобой и сейчас продолжала подчеркивать фигуру облегающей одеждой. Несмотря на то что на ней была наде-та простая кремовая водолазка, она смотрелась очень дорого, дополненная ярким шейным платком от KENZO. Марта плохо разбиралась в брендах, но всемирно известные марки могла отличить. Снежно-белые волосы были уложены в высокий пучок, и ни одна прядка не смела выбиться из идеальной прически. Если Майя Александровна и прибегала к пластике, то совсем чуть-чуть. На ее лице были видны неглубокие морщины, но они смотрелись органично, подчеркивая

зрелый возраст их владелицы. Легкий макияж не пытался скрыть эти возрастные изъяны, а лишь подчеркивал данные природой достоинства — большие глаза, длинные ресницы, острые скулы и совершенной формы губы, пусть и слишком узкие на современный лад.

— Проходите, садитесь, — Майя Александровна указала Марте на одно из кресел, стоявших напротив ее стола, и та послушно исполнила указание.

— Вас зовут Марта Олеговна Чернова, так? — Майя Александровна надела очки в тонкой золотой оправе и поднесла к глазам листки с распечатанным резюме. Марта заметила, что ее тонкие пальцы с безупречным нюдовым маникюром слегка дрожат.

— Да, так.

— Я не буду просить вас рассказать о себе, написанного в резюме достаточно. Скажите, почему вы откликнулись на вакансию, которую я дала? Буду откровенна: должность компаньонки больше подходит женщине постарше или же совсем молодой, неопытной девушке...

Вот он. Тот самый вопрос, ответ на который Марта так усердно репетировала. Думалось, что именно от того, что сейчас она скажет, будет зависеть дальнейший ход собеседования.

— Вы сами обозначили требования: высшее образование, опыт работы и возраст до сорока, — ответила Марта и, тут же сообразив, что это могло прозвучать слишком резко и

даже невежливо, продолжила: — Ваша вакансия размещалась в отделе социальной работы, а это моя специальность. Я бы не хотела кардинально менять сферу деятельности, однако моя нынешняя должность, к сожалению, не дает мне того необходимого финансового обеспечения, какого бы хотелось...

— То есть вы решили устроиться ко мне ради зарплаты? — Майя Александровна чуть прищурилась и с интересом посмотрела на Марту. Для женщины эта беседа была скорее игрой, чем собеседованием.

— Майя Александровна, все люди работают ради денег. Мне нравится то, чем я занимаюсь сейчас, и с коллегами мне повезло, но я живу одна. У меня старая, требующая ремонта квартира. Проезд до работы тоже стоит денег. Мне двадцать пять, и я хочу иметь возможность купить себе больше, чем пачку макарон. И все же отвечу на ваш вопрос так: нет, не ради зарплаты. Меня заинтересовала вакансия по ряду причин, одна из них финансовая — вы предлагаете больше, чем я получаю сейчас; другая — то, что, работая вашей помощницей...

— Компаньонкой, — поправила Марту Майя Александровна. — Я предпочитаю это старомодное слово. Помощь мне не нужна, — она развела руками, — а вот компания... Мой сын живет в Петербурге, внуки давно выросли, у них своя жизнь, правнукам со мной неинтересно. Я не люблю выезжать в город, он стал чересчур суетливым, а здесь мне по-

просту скучно. Именно поэтому мне «взбрело в голову», как выразился Вадим, мой старший внук, пригласить к нам молодую девушку, которая бы проводила со мной время. Скажите, как вы относитесь к Вольтеру²?

— Мне нравится эпоха Просвещения³ за свой рационализм, но более по душе Дидро⁴.

— А к Солженицыну⁵?

— Думаю, что я еще до него не доросла. Его сочинения для меня слишком тяжелые.

— А до Дидро вы доросли? — Майя Александровна выгнула бровь и подалась вперед, опустив на стол резюме Мар-ты и накрыв его своими руками, сложенными в замок.

— Французское Просвещение молодой девушке понять проще, чем сочинения Солженицына, ведь литературу мы

² Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) (1694 – 1778) — французский писатель и философ, один из главных представителей просветительской мысли XVIII века.

³ Эпоха Просвещения — одна из ключевых эпох в культуре Европы (XVII – XVIII вв.), связанная с развитием науки и философии. В основе Просвещения лежали рационализм и свободомыслие, а также вера в то, что человек способен понять мир с помощью логики и наблюдений.

⁴ Дени Дидро (1713 – 1784) — французский писатель, философ-просветитель и драматург. Он основал «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел».

⁵ Александр Исаевич Солженицын (1918 – 2008) — русский писатель, драматург, эссеист, публицист, поэт, общественный деятель, академик Российской академии наук, лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). В своих произведениях он одним из первых открыто рассказал о ГУЛАГе и массовых репрессиях в СССР. Остается спорной фигурой на родине, несмотря на то что его произведения входят в российскую школьную программу.

воспринимаем через призму собственного опыта, — уверенно ответила Марта.

— Да, здесь я с вами соглашусь, — Майя Александровна еле заметно улыбнулась и тут же сменила тему: — Марта... можно я буду обращаться к вам просто по имени?

— Да, конечно.

— Марта, вы обмолвились, что живете одна, вдали от семьи. Я правильно поняла?

— У меня нет семьи, Майя Александровна. Папа умер, когда мне было тринадцать. Рак. Мама — через три года после папы. Других родных у меня нет. Родители сами были сиротами.

— Ясно. Детский дом?

— Да.

— Что ж, при таких обстоятельствах то, что вы пишете о себе в резюме, делает вам честь. Золотая медаль в школе, бакалавриат и магистратура с отличием... Весьма похвально. Но позвольте спросить напрямик: раз вы настолько целеустремленная, не покажется ли вам работа на меня скучной? Вы ведь можете смело метить выше! — Майя Александровна театрально взмахнула рукой, и огромный бриллиант в ее перстне ярко сверкнул на солнце.

— Скажу честно, я воспринимаю эту работу как временную. Естественно, это не означает, что через пару месяцев я решу уйти от вас. Нет. Но если вас устроит моя кандидатура и вы меня наймете, я смогу подкопить определенную сумму.

Раз вы предоставляете жилье, мне не придется оплачивать коммуналку, а свою квартиру могу сдать в аренду, что станет еще одним подспорьем. Но главное не это, Майя Александровна: я уверена, что за время, проведенное подле вас, сумею получить такой опыт, которого никогда не наберусь ни в какой коммерческой или государственной организации. Кроме того, ваша семья знаменита на всю страну. Проработав у вас, я смогу идти дальше и подниматься выше.

— Да, Марта, вы правы, работа временная. Мне восемьдесят четыре, и в лучшем случае через несколько лет я умру, но пока смогу выплачивать вам достаточное жалование, чтобы вы могли откладывать сбережения. Если не секрет, на что вы хотите накопить?

— Майя Александровна, я не это имела в виду, — разволновалась Марта, испугавшись, что ее прямолинейность поставит крест на желаемой должности.

— Это — не это, какая разница? Я говорю как есть. Мои родители не были долгожителями, их родители — тоже; вряд ли и я дотяну до ста, да и не нужно мне такое счастье, — гордо заявила Майя Александровна и чуть тише, скорее для себя, добавила: — Не выношу немощность.

— В любом случае, я не оценивала срок моей службы длинной вашей жизни, — Марта подняла голову и посмотрела в глаза нанимательнице. — А что до накоплений, то мои жилищные условия оставляют желать лучшего. Я бы хотела через какое-то время купить квартиру попросторнее.

— Похвальное желание, — Майя Александровна довольно улыбнулась, будто услышала именно то, что хотела. — Расскажите немного о вашем образе жизни. Вы сейчас проводите какие-то социологические опросы?

— В общих чертах — да. Я работаю в маркетинговом агентстве, но в направлении социальной рекламы. В мои обязанности входит общение с фокус-группами, разработка опросных листов, подготовка статистики.

— Для социальной рекламы? — недоверчиво уточнила Майя Александровна.

— Да, в качестве отчетности заказчику, то есть городской администрации и министерствам.

— Ясно. А свободное время как проводите? Любите театр, оперу, балет? Или предпочитаете нечто более молодежное?

Марта давно заготовила ответ на этот вопрос, но вдруг заученные слова встали поперек горла. Ей хотелось сказать правду: что каждую свободную минуту она проводит за кропотливым поиском информации о каждом члене семьи Куприяновых-Нестеровых. Марта могла сходу назвать дни рождения всех внуков и правнуков Майи Александровны; год, когда та пришла редактором в журнал «Киноальманах сценариев» — в шестьдесят четвертом, и когда стала его главредом — в шестьдесят девятом, за год до того, как ее отец купил этот дом.

— Марта? — переспросила Майя Александровна. Ее

взгляд вдруг стал встревоженным, словно она догадалась о том, что на уме у девушки.

— Да, извините... просто думала, как бы лучше объяснить. Мне нравится классическое искусство, но, к сожалению, не всегда есть возможность им насладиться. Я стараюсь куда-нибудь выходить хотя бы раз в два месяца, но чаще всего это бывают мероприятия, на которые продают последние билеты со скидкой.

— Например? На какой спектакль вы ходили в последний раз? — не унималась Майя Александровна.

— «Мертвые души» в Вахтанговском, — слету ответила Марта. Ей повезло урвать билет на приставное кресло. Постановка была шикарной. Играли всего два артиста, но как! Она уже была готова пуститься в хвalebный рассказ о спектакле, пусть Майя Александровна оценит ее любовь к прекрасному, но нанимательница ее опередила:

— Ладно, оставим это и перейдем к административным моментам. Я жду, что моя компаньонка будет проживать в этом доме. В ее задачи будет входить выполнение мелких поручений, совместные прогулки и сопровождение меня на мероприятия. Компаньонка — не прислуга, но и не друг. Естественно, в рабочее время внимание нужно будет уделять исключительно мне и моим потребностям. Я просыпаюсь в семь, встаю в семь пятнадцать после чашки чая. Чай приносит Валентина, наша управляющая. Вы с ней познакомились, именно она вас встретила. В семь сорок пять вы долж-

ны быть у меня. К этому времени я уже успеваю принять душ и привести себя в порядок, вам останется помочь с прической и сопроводить меня на завтрак. Завтрак в восемь. Далее все будет зависеть от моих планов на день. По домашнему распорядку у нас так: двенадцать тридцать — легкий перекус (сыры, печенье, фрукты, кофе), в два — обед, в пять...

«Чай», — подумала Марта, но не осмелилась перебивать.

— Чаепитие, — произнесла Майя Александровна, — в семь — ужин, в девять я уйду спать. Итак, ваш рабочий день начинается в семь сорок пять утра и оканчивается в семь вечера. Почти одиннадцать часов с перерывами на трапезы. Выходные — стандартные. В эти дни вы можете уезжать из особняка или оставаться здесь. Однако я могу попросить вас быть со мной и в эти дни. Об оплате сверхурочных или компенсирующих отгулах договоримся по факту. Такие условия вас устраивают? Подумайте хорошенько, прежде чем ответить.

Марте нечего было думать. Чем больше времени она будет проводить рядом с Майей Александровной, тем скорее добьется своего. Затребуй дамочка каждую минуту быть под боком, и на это бы она пошла.

— Да, я согласна, — стараясь не выдать свои эмоции, проговорила Марта.

— В таком случае, вон принтер, — Майя Александровна грациозно, подобно королевской особе, ладонью указала на тумбу, где стояло массивное МФУ, которое Марта сначала

не заметила. — Снимите копии с паспорта, ИНН и СНИЛС. Официально вас оформят как сотрудника в компании моего внука. Социолог — понятие пространное. Будем считать, что и ваши обязанности попадут под это определение.

Пока Марта копировала документы, Майя Александровна посвящала ее в тонкости того, каким образом сумела разместить вакансию на сайте по поиску работы. Ее внук долго отказывался идти на хитрость и давать объявление со странички своей организации. Он настаивал на том, чтобы поиском компаньонки занималось специальное агентство, однако Майя Александровна не хотела брать себе кого-то вроде сиделки или медсестры, поэтому отмела все иные варианты. В результате внук сдался.

— Когда вы сможете приступить к работе, Марта? Вы же пока не получили расчет на прежнем месте? — забирая из рук девушки копии документов, спросила нанимательница.

— Я попробую уговорить начальство отпустить меня без отработки, но, если не выйдет, могу попытаться взять больничный на положенные две недели, — заявила Марта.

— Иными словами, вы готовы пойти на обман вашего работодателя? — Майя Александровна сняла свои очки и пристально посмотрела в лицо соискательницы. Стало ясно, что тут Марта прокололась. Неужели можно так глупо потерять это место?! Она не знала, что ответить, точнее, как правильно объяснить...

— Мне бы этого не хотелось, но если вы потребуете, что-

бы я вышла немедленно, то пойду на это. — Она решила сказать правду, ведь начини сейчас оправдываться, Майя Александровна точно все переиграет.

— Я не настаиваю. Спокойно оформляйте свое увольнение. Если с вас потребуют законную отработку, пожалуйста. Пусть все будет по правилам. Завтра сообщите, когда вас ждать.

На этом Майя Александровна решила закончить беседу. Она сняла трубку стационарного телефона — именно такого, какие показывают в старых голливудских фильмах, в ретроstile, правда, с кнопками вместо диска, — и, когда на том конце ответили, распорядилась, чтобы зашли за Мартой. Вскоре в кабинете появилась Валентина.

— Марта, представляю вам Валентину Михайловну, управляющую особняком и мою правую руку. Она организует вашу обратную дорогу. До свидания. — Не дожидаясь ответа Марты, Майя Александровна взяла из позолоченной подставки ручку, а с края стола — пухлый кожаный ежедневник, открыла его на заложенной ленточкой странице и стала что-то записывать.

— До свидания, Майя Александровна!

Ответа не последовало. Марта поднялась и, снедаемая любопытством попыталась подсмотреть, что же пишет эта женщина, но с того расстояния, которое было между ними, оказалось невозможным разобрать даже ее размашистый почерк.

— Идемте, я попрошу нашего водителя отвезти вас до станции, — придерживая открытую дверь, нетерпеливо произнесла Валентина Михайловна.

Пока Марта шла за управляющей обратно к выходу, она старалась еще раз рассмотреть дом. Она хотела запомнить каждую деталь, потому что до конца не верила, что в скором времени здесь поселится.

— Ждите в холле. Я распоряжусь, чтобы подали машину, — Валентина Михайловна резко остановилась и указала на длинную антикварную тахту.

Марта послушно села. Ее юбка неприятно заскользила по гладкой коже обивки, и пришлось поддержать себя руками, чтобы не съехать на пол. Как только удалось устроиться более или менее удобно, Марта обратила внимание на фотографии в массивных позолоченных рамах, которыми была увешана стена напротив.

На самой большой из них было запечатлено почти все семейство Куприяновых-Нестеровых. Майя Александровна — в центре на диване, рядом с ней Полина, жена сына Александра и Марина, бывшая супруга старшего внука. Интересно, чья была идея разместить женщин семейства в самой середине? Марта вдруг представила, как фотограф дает указания семейству, но Майя Александровна парой слов заставляет всех встать по-своему.

За гранд-дамами разместились мужчины: единственный сын Майи Александровны — Александр Куприянов-Несте-

ров, чье высокомерное лицо было точной копией лица его отца в молодости; по правую руку от него — старший внук нанимательницы Вадим с самодовольной улыбкой; рядом с ним — Михаил, средний внук и самый талантливый, как принято считать; слева от отца — младший Юрий. Даже через объектив камеры видно, как ему претит сниматься для семейного портрета. Неудивительно, ведь это не фото для его соцсетей, где миллионы подписчиков завалят лайками и комментариями, как только он его выложит. Марта плотно сжала зубы, думая об этом. Она не переносила никчемных людей, которым все подают на блюдечке с голубой каемочкой, а уж если речь шла о ком-то из этой семьи, ее неприязнь разрасталась в настоящую ненависть. Даже к их детям Марта не испытывала ни толики симпатии — на семейном фото Артема и Варю усадили на переднем плане, прямо на ковер.

Марта перевела взгляд на другую, более старую фотографию. На ней Майя Александровна стояла в обнимку с красивым, высоким мужчиной. Кадр был явно не постановочный. Фотограф удачно поймал мгновение, когда Борис Нестеров что-то шепнул на ухо своей молодой жене и та громко рассмееялась. После его смерти в семьдесят девятом Майя Александровна так и не вышла замуж. Марта старалась найти информацию о каких-либо ее романах, но у нее ничего не вышло. Куприянова-Нестерова либо хранила верность супругу, либо умело скрывала свою личную жизнь. Эту шараду Марта тоже планировала разгадать, но позже, когда сумеет

завоевать доверие женщины. Дальше шли детские и юношеские фотографии внуков Майи Александровны и фотопортрет ее сына, однако Марту привлекла иная карточка.

Фотография ниже была сделана меньше года назад. Стоило на нее взглянуть, как сердце Марты пропустило удар. Она не могла равнодушно смотреть на то, с какой гордостью Михаил Нестеров демонстрирует камере экземпляр своей последней книги. Этот роман вмиг стал бестселлером. Только те, кто живет в бункере, о нем не слышали, а всякий, кто его прочел, обязательно восхитился слогом автора и хитросплетением сюжета.

Когда-то, в другой жизни, Марта тоже зачитывалась книгой Нестерова. Тогда ей только исполнилось шестнадцать, и мама еще была жива. Будучи несмышленым подростком, она даже была слегка влюблена в молодого писателя, но потом, когда узнала правду... Марта вздрогнула, вспомнив, как обожгла правую руку, сжигая чертову книгу за углом дома, одновременно с этим кремируя все доброе и светлое, что было в ее душе. А потом мама умерла, и в этом была вина проклятого семейства! Однако теперь пришел конец их безнаказанности. Марта собиралась заставить всех их заплатить за зло, причиненное ее семье. Впустив ее в свой дом, Куприяновы-Нестеровы подпишут собственный приговор.

Глава 2

Прошло две недели со дня собеседования до момента, когда Марта смогла выйти на новую работу. Ее, казалось бы, незначительная должность в фирме, где она трудилась последние пару лет, вдруг оказалась незаменимой, а проекты, которыми она занималась, неожиданно приобрели важность. Начальник напрочь отказался увольнять ее одним днем и настоял на положенных четырнадцати днях отработки. Несмотря на то что Майя Александровна уверила, что спокойно подождет свою новую компаньонку, все это время Марта переживала, что с трудоустройством что-то не срастется. К счастью, опасения оказались напрасными.

За полмесяца особняк ничуть не изменился, но когда Марта вышла из такси со своим небольшим чемоданчиком, в котором легко уместились все ее вещи, девушке почудилось, что она не была здесь целую вечность. Как и в прошлый раз, на пороге ее встретила Валентина Михайловна. На ней был тот же самый серый льняной костюм, делающий ее похожей на шкаф, отчего у Марты возникло ощущение дежавю.

— Марта Олеговна, добрый день, — в этот раз Тетя-шкаф решила поздороваться, и Марта расплылась в улыбке.

— Можно просто Марта. Добрый день, Валентина Михайловна! — она вбежала по лестнице, стараясь не замечать веса чемодана.

— Идемте, покажу вашу комнату. Оставьте вещи и направитесь к Майе Александровне. — Пройгнорировав Марино дружелюбие, Тетя-шкаф повернулась на каблуках и вошла в дом, оставляя за собой открытую дверь, чтобы новая сотрудница успела в нее заскочить.

— Я сразу приступаю к работе? — удивилась Марта, ведь надеялась, что ей дадут хотя бы полчаса, чтобы устроиться и переодеться. В этот раз она надела джинсы, футболку и кеды, чтобы в транспорте было удобнее управляться с чемоданом, но предстать в таком виде перед своей новой начальницей никак не могла.

— Естественно. Сегодняшний день оплачивается в полном объеме, при том что вы прибыли так поздно. Майя Александровна сейчас в зимнем саду пьет чай. Где-то... — Валентина Михайловна посмотрела на часы, чуть притормозив, отчего Марта едва не влетела в ее спину, и снова прибавила ход, — через десять минут у нее нужно забрать посуду. К этому моменту вы должны к ней явиться.

— Да, хорошо. Я бы только хотела переодеться...

— На это нет времени, — еще сильнее раздражилась Тетя-шкаф и, посчитав вопрос закрытым, заговорила: — Сотрудники особняка живут в западном крыле. Нам выделено несколько комнат. Молодые девушки ночуют вместе в общей спальне, но вам Майя Александровна распорядилась выделить отдельную комнату. Есть определенные правила, которые вам необходимо соблюдать: естественно, не курить, да-

же электронные сигареты...

— Это не проблема, я не курю, — сразу откликнулась Марта, за что получила укоризненный взгляд Валентины Михайловны через плечо. Перебивать ее было нельзя — это тоже правило, правда, Тетя-шкаф его не озвучила.

— ...соблюдать чистоту — уборка на вас. Все, что для этого нужно, есть в кладовой, я вам позже покажу. Горничные занимаются только спальнями членов семьи и общими помещениями. Не шуметь: в дневное время не слушать громкую музыку, после девяти — говорить в полголоса, даже если вам позвонят по телефону, а связь будет плохая. Естественно, никакого алкоголя. Постельное белье меняете сами. Раз в четыре дня с семи до восьми утра вы относите его в корзину, которую горничные выставляют в коридоре. Чистое белье получаете накануне вечером у меня. Расписание смены белья я вам дам. Стиркой занимаетесь сами. В подвале прачечная. Наше время — вечер с семи до девяти.

Они миновали гостиную и холл, где повстречали молоденькую горничную, которая махнула Марте, при этом не стесняясь ее рассматривать. Валентина Михайловна проигнорировала работницу, продолжая говорить. Так они поднялись на второй этаж и вошли в длинную полукруглую пристройку, видимо, то самое западное крыло. От лестничного пролета здесь шел длинный коридор с рядом дверей. Марта логично предположила, что это спальни обслуги, но не успела начать гадать, которая из них ее, как Тетя-шкаф остано-

вилаась.

— Вот, — она достала из кармана пиджака ключ и протянула его Марте, — это ваша комната. Сейчас она открыта. Утром здесь прибирались. На день дверь можете запирасть или нет — дело ваше. Воров в доме нет, но некоторым служащим некомфортно, если спальня открыта, когда в ней никого нет. Дубликаты есть у меня и у Вадима Александровича, старшего внука Майи Александровны. Он живет с нами в главном доме и после Майи Александровны — главный человек в семье.

— Спасибо. — Марта взяла ключ от комнаты, делая в уме пометку: придумать что-то такое, чтобы запирасть спальню на день так, чтобы она не отпиралась дубликатами ключей, и потянулась к ручке, однако Валентина Михайловна ее опередила и сама открыла дверь.

Эта женщина явно не терпела инициативы: первое действие и последнее слово должны были оставаться за ней. Что ж, Марта примет правила этой игры... до поры до времени, пока все домочадцы не начнут плясать под ее дудку.

— Вещи можете оставить прямо тут, у входа. Вечером, когда освободитесь, все разложите, — Валентина Михайловна указала на огромный и совершенно точно дорогуший шкаф. Марта не разбиралась в древесине, но подумала, что сделан он, должно быть, из дуба.

— Можно я все-таки быстро переоденусь? — с надеждой спросила она. В конце концов, стянуть с себя джинсы и ке-

ды, надеть юбку с туфлями — дело полминуты, Но Валентина Михайловна покачала головой и махнула рукой, чтобы Марта не мешкала.

Они вышли обратно в коридор, спустились по лестнице, опять натолкнулись на ту самую горничную, которая на этот раз улыбнулась Марте, но снова осталась без внимания Валентины Михайловны. Направились в сторону кабинета Майи Александровны, однако проследовали мимо него под суровым взглядом нарисованного Александра Куприянова и оказались у широкой арки.

Марта знала о моде иметь зимний сад, но не представляла, что в частном доме, пусть и таком огромном, как этот, могло быть нечто подобное. Удивительно, как телевизионщики еще не сняли здесь дюжину своих программ о прославленном семействе и не только. Сейчас, когда стоял теплый август, огромные стеклянные двери, выходившие в сад, были распахнуты, и обилие растений вокруг словно хлынуло внутрь дома с улицы. Здесь росли и небольшие деревца, и нечто, напоминавшее настоящие баобабы, а вокруг них в глиняных горшках распускались всевозможные цветы, кустистые растения: одни — с пальмовыми резными листьями, другие — напоминавшие ослиные уши в розовых пятнах, будто вырастали прямо из пола. Но больше всего Марту впечатлили орхидеи. Здесь было не менее трех десятков видов этих цветов: какие-то росли в горшках, иные — в кокосовых скорлупках висели на деревьях.

За всем этим тропическим великолепием Марта не сразу заметила Майю Александровну. С лейкой в руках она стояла у большого растения с плакучими, как у ивы, ветвями, но круглыми серовато-дымчатыми листьями. Даже занимаюсь цветами, Куприянова-Нестерова была одета как для приема президента: снова водолазка, на этот раз темно-синяя, брюки в тон с широким ремнем, подчеркивающим ее осиную талию, нитка черного жемчуга на груди и такие же серги-пусеты.

— Майя Александровна, вы уже закончили? — поинтересовалась Валентина Михайловна, направляясь к круглому столу, уставленному посудой. — Мы припозднились. Извините.

— Нет-нет, вы как раз вовремя, — сказала Майя Александровна, отставляя лейку. — Валентина, ты можешь убрать со стола и быть свободна. Дальше я сама займусь Мартой.

— Как скажете, Майя Александровна.

Марте показалось, или Тетя-шкаф действительно слегка поклонилась своей начальнице, хотя тут, скорее, подошло бы слово «хозяйка». В этом доме, видимо, все было, как во времена крепостничества. Интересно, неугодных отводят на конюшню, чтобы дать кнута? Марта бы не удивилась.

— Марта, проходите, садитесь, — Майя Александровна махнула рукой в сторону ротанговых кресел, стоявших вокруг стола, за которым она перекусывала.

Марта не сразу решилась последовать указаниям женщи-

ны. Несмотря на то, что Валентина Михайловна ей определенно не нравилась, сидеть, пока та убирает со стола, показалось ей чересчур неуважительным.

— Садитесь, — заметив замешательство своей новой сотрудницы, более требовательно повторила Майя Александровна.

Марта молча подчинилась. Валентину Михайловну это совершенно не смутило. Она закончила составлять на большой поднос кофейник, чашку с блюдцем, две тарелки и овальное блюдо, ловко все подхватила и, сохраняя идеально прямую осанку, направилась в сад. Пока Марта еще не разобралась с планировкой особняка, но предположила, что так она быстрее доберется до кухни. В то же время ей стало жаль Тетю-шкаф, ведь, как ни крути, она была уже в возрасте.

— Давайте я помогу! — не выдержала Марта, но Валентина Михайловна даже не обернулась.

— Она справится. Не думай, что Валентине тяжело, она привыкшая, — произнесла Майя Александровна, усаживаясь напротив Марты.

— Хорошо, — кротко ответила та, хотя внутри нее разгорался огонь. Какая бесчувственность — заставлять пожилую управляющую тащить кучу фарфора! Догнать бы Тетю-шкаф, отобрать у нее поднос и всучить этой высокомерной дамочке, а вдогонку, когда она поплетется на кухню, крикнуть, что это не тяжело. Марта сглотнула, чтобы хоть как-то унять свое возмущение, надела на лицо благожела-

тельную улыбку и посмотрела на Майю Александровну.

— Хм... Марта, мы не обсудили ваш дресс-код. Я не настаиваю на чем-то определенном вроде «белый верх, темный низ», но хотелось бы, чтобы вы одевались более... — Майя Александровна выдержала паузу, — женственно. Конечно, сейчас джинсы уже не воспринимаются одеждой для рабочих, но все же давайте с вами договоримся, что такой наряд вы будете носить в свои выходные.

Даже без этих слов, по одному взгляду, которым Куприянова-Нестерова наградила Марту, она поняла, что начальница ею недовольна. Однако обидно было не столько из-за этого, сколько потому, что она как раз-таки хотела переодеться перед встречей с Королевой-бабушкой (это прозвище Марта придумала после собеседования). Если бы не Тетя-шкаф, то сейчас бы ей не пришлось выслушивать эти придирки. Что ж, раз так, то, пожалуй, у нее есть все права заложить Валентину Михайловну.

— Я с вами полностью согласна, Майя Александровна, — Марта виновато потупила взгляд. — К сожалению, мне не позволили переодеться после дороги, а в юбке и на каблуках ехать с чемоданом в транспорте не очень удобно — все эти переходы, лестницы...

— Почему же вам не дали переодеться? — искренне удивилась Майя Александровна.

— Ну так как? Вы же распорядились, чтобы я пришла сразу после вашего перекуса. Валентина Михайловна очень вол-

новалась, что я опоздаю...

— Ах, Валентина! — рассмеялась Майя Александровна и вмиг подобрела к Марте. — Она у нас самая строгая. Откровенно говоря, даже я иногда ее побаиваюсь. Для нее крайне важно, чтобы все было по правилам, никаких исключений. Если бы я знала, что вы приедете в такое время, то предложила бы присоединиться ко мне позже.

— Простите, я задержалась, — проговорила Марта. — Обычно я всегда пунктуальна, но в этот раз попала в пробку из-за аварии.

— Марта! Прекратите извиняться! Скажите, вам нужно время, чтобы прийти в себя с дороги?

Неожиданная учтивость Королевы-бабушки заставила Марту напрячься. Что это? Очередная проверка или действительно попытка проявить понимание? В последнее верилось с трудом. Так как же себя повести?

— Со мной все в порядке, но я могу пойти переодеться, чтобы...

Чтобы что? Не раздражать дамочку? Соответствовать своей роли или ее ожиданиям? Выглядеть прилично?

...чтобы не быть похожей на подростка во дворе, — нашла Марта, чем явно позабавила Майю Александровну. Та негромко хохотнула.

— Меня это не смущает. Если честно, то подростков в этом доме как раз и не хватает. После того, как мой старший внук развелся, дом опустел. Правнуки бывают тут набегам.

Особняк в удалении, во время учебного года Артемка, ему четырнадцать, тут бывает только по выходным. Остальное время с матерью в Москве. Варю привозят также. Марта, вы любите детей?

— Да, — слету соврала она.

На самом деле Марта не знала, как относится к детям. Своих у нее, естественно, не было, братьев и сестер тоже. В детдоме ее окружали сплошь подростки, а от них она знала только неприятности. Возможно, когда-нибудь, если ей доведется встретить хорошего мужчину и к тому времени она не загремит за решетку, Марта задумается о детях, но это слишком туманные перспективы.

— Тогда скоро познакомитесь. Послезавтра, в воскресенье, их привезут. Артем — мальчик непростой, но Варенька-куколка... — и Майя Александровна затянула пластинку о том, какие славные у нее правнуки. Марта слушала ее вполуха, потому что и без нее прекрасно знала, чем живут младшие отпрыски семейства, благодаря страничке в соцсети их матери. Дети были избалованными и невоспитанными. Им позволялось абсолютно все, а это значит, что вырастут они такими же, как их родители.

— Опа-опа-опа!!! — неожиданно разнеслось на весь зимний сад.

Марта сначала не поняла, что происходит, но потом увидела направленную на нее камеру смартфона.

— А ну-ка представься, куколка! — подобно ведущему

дешевого телешоу, воскликнул Юрий Нестеров. — Внимание, котятки, в нашем доме пополнение!

— Юра! Немедленно прекрати! — Майя Александровна ударила ладонью по столу. Ее лицо мгновенно стало суровым, а во взгляде вспыхнула неподдельная ярость.

— Моя distinguished grand-mama снова ругается на вашего Юрку, а все потому, что эта куколка — ее новая игрушка! — не унимался Юра, переводя камеру телефона с Марты на свою бабушку и обратно.

Марта не ожидала, что кто-то может позволить себе так вести себя с Майей Александровной. Она замечала, что блог Юры порой подходит к грани, преступив через которую, можно спровоцировать семейный конфликт, но он всегда вовремя останавливался. Что же произошло на этот раз?

— Юра, ты ведешь себя безобразно! Взрослый мужчина, а играешь в смартфон! — фыркнула Майя Александровна и отвернулась от внука. — Марта, извините его. Юра считает, что тысяча подписчиков дают ему право пренебрегать правилами этикета.

— Итак, котятки, grand-mama крайне недовольна моим поведением, как я и говорил. — Юрий навел на себя камеру и, игнорируя бабушку и Марту, стал прохаживаться по зимнему саду, общаясь со зрителями. — Убедились, что мне не слабо вывести из себя даже великую Куприянову-Нестерову? Пранк засчитан? А что до этой малышки, — он перевел камеру на Марту, а потом снова на себя, — то моя бабуля

взяла себе в услужение компаньонку. Мы уподобляемся английской аристократии позапрошлого века! — Юра громко рассмеялся и помахал рукой. — Ждите продолжения. Пока-пока!

Как только съемка окончилась, Юра убрал телефон в карман, в два шага подлетел к Марте и опустился перед ней на корточки. В жизни он был еще красивее, чем на экране. Темные волосы, карие глаза, аккуратный точеный нос и острые скулы — этот парень взял все лучшее от своих родителей. Неудивительно, что его интернет-странички пользовались такой популярностью. Майя Александровна покривила душой, заявив, что у него всего тысяча подписчиков. Их было несколько сотен тысяч.

Юра жил вальяжной жизнью золотой молодежи — вечеринки, тусовки, дорогие автомобили, подружки одна искусственнее другой. При всем этом огромное количество людей, точнее девушек, с замиранием сердца следили за всеми, даже самыми незначительными событиями его будней.

Марта терпеть не могла таких выскочек, а уж подобных мажоров — тем более. С рождения его кормили с золотой ложки, покупали самые лучшие игрушки, баловали, потакали всем капризам. И что в итоге? Блогер? Разве это профессия? Юра рекламировал новые заведения, косметику для мужчин, турагентства, машины, отели, часы и прочее, прочее. За все это он имел не только бесплатные услуги, но и гонорары, а вся суть его работы сводилась к любованию со-

бой через камеру смартфона последней модели!

— Эй, привет! Извини за это все. Мне срочно нужно было что-то выкинуть. Понимаешь, проспорил корешу и должен был на камеру позлить бабулю, — выпалил Юра с такой обезоруживающей улыбкой, что, если бы Марта годами не лелеяла к нему неприязнь, обязательно бы простила.

— Юра! Бессовестный! — воскликнула Майя Александровна и снова ударила ладонью по столу. Ее тонкие брови были сведены к переносице, во взгляде не убавилось злости. Она продолжала сердиться на внука, и Марта решила, что сейчас она выгонит бездельника взащей.

— Ба... — протянул парень и вскочил на ноги.

— Мне стыдно за тебя! Стыдно! Этот телефон! Этот твой блог!

— Бабушка, я согласен, но ты пойми, у меня статистика ни к черту...

— Что за выражение?! — еще рьянее возмутилась дама.

— Ба, ну прекрати! Seriously! Ты же знаешь, как бесишь этим всем своим показушничеством, — тут уже Юра начал раздражаться.

— Нормы приличия, воспитанность и правила этикета — не показуха! Тебе не мешало бы научиться русскому языку! И как только ты пишешь эти свои посты?

Майя Александровна махнула рукой и отвернулась от внука, словно он был ей противен. Но уже в следующую секунду, тяжело вздохнув, снова на него посмотрела, теперь

с любовью. Юра не преминул воспользоваться этим неожиданным расположением своей бабушки и уселся на подлокотник ее кресла. Марта окончательно запуталась. Как можно было так быстро сменить гнев на милость?

— Марта, позволь представить вам моего младшего внука, Юрия. К сожалению, у него есть огромный недостаток — он слишком любит выставлять напоказ свою жизнь, но на самом деле это всего лишь образ. Юра — хороший парень. В скором времени, я надеюсь, вы это поймете, — произнесла Майя Александровна, похлопав внука по коленке.

— Марта — красивое имя, — заметил Юра, улыбнувшись девушке. — Тебя назвали в честь кого-то? Кинозвезды? Героини романа?

— В честь месяца, — пожала плечами она. — Я родилась в последний мартовский день, и папа, недолго думая, записал меня так в свидетельстве.

— А мама не возражала? — тут же спросил парень.

— Мама?.. — Марта чуть запнулась. — Мама тогда была не в состоянии. У нее были очень сложные роды. По правде говоря, маме вообще не рекомендовали иметь детей. Я — ее третья попытка.

— Бог троицу любит, — подмигнул Юра, и эта его неприужденность покорила Марту.

— Мама долго лежала в реанимации после моего рождения, поэтому имя дал мне папа. Ему показалось очень необычным назвать меня Мартой.

— Красивое имя, мне нравится. — Юра встал с подлокотника и потянулся. — Ты не бери в голову, что я назвал тебя игрушкой бабули. Мне нужно было замутить скандальный контент. Отклики уже идут, — он с гордостью поднял вверх руку с телефоном. — Ладно, мне пора. Нужно ответить на комменты моих котятков.

Юра резко наклонился, с громким чмоком поцеловал бабушку в щеку и чуть ли не бегом направился обратно на улицу. Майя Александровна выпрямилась в кресле и, проводив взглядом внука, обратилась к Марте:

— Эта сцена была отвратительной на первый взгляд, но на деле все не так ужасно. Юра действительно хороший мальчик, только не может найти себя...

— Разве? Мне кажется, он нашел себя как блогер. На подобных видео он наверняка немало зарабатывает, — Марта не хотела, но вышло чересчур резко.

— Ты права. Мой внук действительно получает огромные деньги за свои недалекие видео, — отчеканила Майя Александровна, — но это не то, чем следует заниматься члену нашей семьи. Каждый из Куприяновых и Нестеровых чего-то добился. Его прадед Нестеров, отец моего мужа, был летчиком-испытателем. Прадед Куприянов, мой папа, прославился на всю страну как культурный деятель. Каждое последующее поколение подтверждало славу отцов. Юра способен на большее, много большее, только он пока выбирает легкие деньги.

— Майя Александровна, у вас такая интересная семья... а расскажите о них побольше. Вы ведь дочь того самого Александра Куприянова, который написал «Приключения Пашки Журавлева»?

Марта знала, что правильные комплименты отлично умеют расположить к себе человека. Важно помнить, что следует хвалить таланты и заслуги, поэтому она упомянула одно из самых известных литературных произведений советского времени — «Приключения Пашки Журавлева». Это жизнеутверждающий роман о простом парне, ребенке гражданской войны, октябрёнке, пионере, а позже — комсомольце, труженике-метростроевце, весельчаке и балагуре. Сначала — герой книги, потом — фильма, а позже — сериала, Пашка Журавлев стал путеводной звездой советской молодежи, а еще увековечил имя отца Майи Александровны как автора этого бессмертного произведения. Все члены семьи Куприяновых-Нестеровых тем или иным образом были обязаны своим успехом тому самому Пашке.

— Не сейчас, — к разочарованию Марты, отмахнулась Майя Александровна. — Давайте лучше выйдем на улицу и прогуляемся. До обеда побудем на свежем воздухе.

Почти всю их прогулку говорить приходилось Марте. Майя Александровна проявила неподдельный интерес к жизни своей молодой компаньонки: она расспрашивала ее о прежней работе, учебе в университете, детском доме. К счастью, темы Мартиных родных она не касалась, видимо, ре-

шила, что может ее расстроить. Таким образом, правило стараться всегда говорить правду сработало, и Марте не пришлось обманывать свою работодательницу.

Когда подошло обеденное время, Майя Александровна отпустила Марту, условившись, что та придет в гостиную к половине четвертого, и они снова пойдут на прогулку. Таким образом, у девушки появилось чуть больше полутора часов свободного времени, за которые она могла разложить свои вещи, принять душ и переодеться. Неплохо было бы и перекусить, но Марте не объяснили, как и где обедают служащие, а рыскать по особняку в поисках кухни — не лучший выход. И вообще, Валентина Михайловна крайне мало рассказала Марте о том, что она может здесь делать, сосредоточившись на том, чего делать нельзя. Еще один пункт не в пользу Тети-шкафа.

Дойдя до крыла, где была ее комната, Марта прислушалась в надежде услышать за одной из дверей шум или голоса. Тогда бы она могла постучать, представиться новой сотрудницей и узнать, где можно поесть, вот только на этаже стояла гробовая тишина.

— Сегодня без обеда. Ладно, буду стройнее, — пробормотала себе под нос Марта, доставая из кармана ключ от комнаты.

Она быстро управилась со своими вещами, тем более их у Марты было не так много. Большую часть чемодана занимал ноутбук, семейный фотоальбом, где между страниц береж-

но хранилось письмо ее прабабушки, и книги: «Приключения Пашки Журавлева» и пять романов Михаила Нестерова. Все их Марта проштудировала от корки до корки, чтобы поддержать разговор, если речь зайдет о творчестве писателей этого семейства. С Александром Куприяновым уже не разобраться — этот подонок умер тридцать один год назад, зато его правнук за все заплатит. Марта еще не придумала, как именно поставит крест на карьере писателя Нестерова, но точно знала, что лишит Михаила его статуса «молодого дарования».

Неожиданно кто-то постучал в дверь. Марта дернулась от неожиданности, но потом, сообразив, что это наверняка Тетя-шкаф вспомнила о ее голодном существовании, поспешила открыть. Однако на пороге стояла не Валентина Михайловна, а та молоденькая девушка, которую Марта дважды видела этим утром.

— Привет, я — Лида, работаю тут горничной. Ты же Марта?

Она была невысокой, худенькой блондинкой с миловидным личиком. Бледно-голубая униформа ей шла, и, если бы не белый кружевной передник, можно было бы предположить, что она надела обычное повседневное платье, которое выбрала сама.

Для того чтобы стать ближе к семье, нужно не только втереться в доверие к ним самим, но и подружиться с обслуживающим персоналом. Марта отлично знала, что сотрудники всегда подмечают

у своего начальства то, что те стараются скрыть. А кто самый осведомленный в доме? Конечно же, горничные! Интуиция подсказывала, что сблизиться с Лидой будет несложно, значит, надо действовать.

— Да, это я. Привет, — Марта растянула губы в самой лучшей своей улыбке. — Зайдешь?

— Ой, нет... Мне нужно убирать в столовой после обеда и помогать Сереже с кофе, — надула губки Лида. — Давай вечером заскочу, чтобы познакомиться получше. Тут молодых девушек не хватает. А зашла я потому, что Валентина прислала.

Горничная скривилась, как от кислого лимона, при упоминании управляющей, и Марта догадалась, что она не жалует Тетю-шкаф и ищет в ней союзницу. Этот факт не мог не радовать.

— Она не объяснила тебе, что мы обедаем и ужинаем одновременно с хозяевами на кухне. Ты не появилась, вот ее и осенило, что Майя тебе не сказала, куда идти, — dokonчила Лида.

— Ага, — вздохнула Марта. — Я сама не решилась искать кухню, потому что не очень хорошо ориентируюсь в доме. Не хотела забрести, куда не следует.

— Об этом не беспокойся. В будни тут пусто, а в обед уж подавно — все или в саду, или в столовой. Давай завтра устрою тебе экскурсию?

— Давай. Буду тебе очень благодарна, — Марта чуть скло-

нила голову набок и снова улыбнулась.

— Тогда договорились! — радостно воскликнула Лида.
— А сейчас, если голодная, приходи на кухню. Там Тамара, наша главная по сковородкам, тебя накормит. Это, значит, надо на первый этаж, прямо от лестницы по коридору, мимо столовой, двойные белые двери.

— Спасибо большое, — искренне поблагодарила Марта.
— Немного освежусь и спущусь.

— Окей! Тогда я побегу, а вечером часов в девять заскочу к тебе, — Лида наклонилась к Марте и чуть тише добавила:
— У меня есть полбутылки вина.

— О! Супер! — поддержала ее Марта.

Не было ничего хорошего в том, чтобы нарушать правила Тети-шкаф в первый же вечер в особняке, но упускать возможность подружиться с болтливой горничной нельзя. В конце концов, полбутылки — это по бокалу каждой. Свой Марта могла и не пить, а вылить, например, в странный зелено-синий цветок на окне.

Полтора часа свободного времени пролетели совершенно незаметно. Когда Марта приняла душ, высушила волосы и переделась, было уже двадцать минут четвертого. Пришлось жертвовать обедом, чтобы явиться вовремя к Майе Александровне, а завтракала Марта спозаранку одним пирожком с яблочным повидлом и чашкой кофе. Есть очень хотелось, и подбадривало то, что до ужина оставалось не так

долго.

Гостиная являлась главным местом особняка. В лучших традициях огромных домов, она представляла собой просторное помещение с настоящим камином, который затапливали долгими зимними вечерами, двумя диванами, четырьмя креслами, обтянутыми одной гобеленовой тканью, несколькими кофейными столиками и настоящей барной стойкой. Западная стена была полностью стеклянной, и только сейчас Марта увидела, что одно из огромных окон в пол могло служить дверью в сад. В данный момент его сдвинули в сторону, впуская в комнату аромат роз от большой клумбы. Гостиная удивительным образом сочетала в себе классику и современность. Несмотря на то, что каминную полку украшали антикварные статуэтки и фотографии в массивных позолоченных рамах, а на стенах развесили классические пейзажи, ощущения, что ты находишься в музейном зале, не возникало.

Марта огляделась. Майи Александровны нигде не было, зато на барной стойке стоял поднос с остатками маленьких сэндвичей. Лида говорила что-то про кофе и какого-то Сергея; наверное, они обслуживали хозяев здесь. «Обжорливые буржуи, после обеда бутерброды жрут!» — со злостью подумала Марта, и тут, словно в подтверждении ее слов, живот предательски заурчал. Она еще раз взглянула по сторонам и, убедившись, что никого поблизости нет, стянула один сэндвич с подноса.

Ароматный кусочек курицы, мягкий сыр и кругляшек хрустящего свежего огурца между двумя треугольничками мягкого, пропитанного то ли соусом, то ли подливой хлеба показались Марте райским наслаждением. Однако один малюсенький бутерброд только разжег аппетит, и она не удержалась и взяла еще один, а за ним еще. Чтобы не попасться, Марта старалась быстрее жевать и проглатывать сэндвичи, но вдруг поперхнулась. Она закашлялась, и несколько крошек с кусочком огурца вылетели у нее изо рта. И, конечно же, именно в этот момент сзади послышался мужской голос:

— Вы очень голодная?

Сочувственный тон Марта восприняла как издевку. Она обернулась и, к своему ужасу, увидела перед собой никого иного, как Михаила Нестерова. «Самый талантливый внук» с интересом рассматривал новую сотрудницу. В отличие от своего младшего брата, он не был гламурным красавцем, но привлекал другим. Высокий, статный шатен с большими глазами, носом с небольшой горбинкой и чересчур пухлыми для мужчины губами, Михаил напоминал грека. Марта знала, что он больше походил на мать и почти ничего не взял от отца. Правда, речь шла именно о внешности, ведь, несмотря на свой образ благородного интеллектуала, Михаил являлся лжецом и шарлатаном. Больше, чем всех остальных, Марта хотела вывести на чистую воду именно его. Вдруг она поняла, как надо действовать: влюбить мерзавца в себя!

Глава 3

Марта скромно улыбнулась Михаилу. Да, сейчас она перед ним опозорилась, но в его взгляде не было ни отвращения, ни неприязни, а значит, можно попробовать обернуть не слишком красивую ситуацию себе на пользу. Мужчины падки на слабых женщин, такой она себя и покажет Нестерову.

— Извините, пожалуйста! Понимаю, это выглядит... очень некультурно. Просто я не ела с раннего утра, и живот свело от голода.

— Вы же новая компаньонка бабушки? — Михаил подошел к Марте и протянул ей руку. — Михаил, ее внук.

— Марта, — она охотно ответила на рукопожатие.

— Если бы бабуля нас сейчас видела, то обязательно бы пожурила, — усмехнулся мужчина. — По правилам этикета я должен был с вами поздороваться, затем вы здороваетесь со мной и первой подаете мне руку.

— Правда? — растерялась Марта и тут же отдернула руку.

— Угу, но раз бабули тут нет, то давайте забудем о моем проступке, — Михаил подмигнул Марте.

— Кстати, а где Майя Александровна?

— Ей нужно было позвонить из кабинета. Бабуля до сих пор предпочитает городской телефон, мобильным пользуется от случая к случаю, а чтобы вы тут не скучали, она по-

просила вас встретить. Но, вижу, вы не скучали, — Михаил покосился на поднос.

— Простите, — опять пробормотала Марта и почувствовала, как вопреки желанию, ее щеки заливаются краской.

— Эй, за что вы извиняетесь? Лучше объясните, почему не пообедали? Вам не досталось еды? — Михаил театрально нахмурился, и Марта улыбнулась.

— Нет, все куда проще. Мне забыли объяснить, где кухня, и я решила спокойно разобрать в комнате вещи. Потом Лида за мной зашла, но, когда я со всем закончила, времени пообедать уже не осталось. Если честно, то я была уверена, что спокойно дотяну до ужина, но тут увидела эти маленькие сэндвичи и не удержалась...

— Так... пойдете-ка на кухню, и я вас накормлю, — деловито заявил Михаил.

— Нет, ну что вы? Я... я уже наелась. Давайте подождем Майю Александровну. Не хочу, чтобы она пришла, а меня тут нет.

— Как знаете, — пожал плечами Михаил и сел на диван. Марта прошла к креслу напротив дивана и опустилась на краешек огромной подушки. Ей очень хотелось произвести на Михаила правильное впечатление. Из прессы Марта знала, что последние отношения с женщиной Михаил закончил около трех лет назад, с тех пор у него не было постоянной подруги. Возможно, он с кем-то встречался, но скрывал ее от общественности? Если так, то это она сможет выведать вече-

ром у Лиды. Был, конечно, и другой вариант... но нет, что-то Марте подсказывало, что Нестеров предпочитает женщин. В любом случае, пока не стоит гнать коней.

— Знаете, Марта, у нас со старшим братом произошел спор на ваш счет.

— Вот как?

— Да, бабушка, наверное, упоминала, что Вадим был против того, чтобы нанимать компаньонку по объявлению? А вот мне, наоборот, это показалось отличной идеей. Если брать на работу только своих, то что останется тем, у кого нет связей? Кстати, Марта, а чем вы занимались до того, как устроиться к бабушке?

— Я работала... — начала Марта, но не договорила. В гостиную вошла Майя Александровна.

— Миша, ты можешь быть свободен. Я переговорила с Владимиром Кирилловичем. В следующую субботу он присоединится к нам на ужине. — Она присела на диван рядом с внуком и чуть тише, уже скорее сама себе, сказала: — И как это Вадим про него забыл?

— Специально, бабушка. Это праздник Вадима, и он хотел, чтобы собрались только члены семьи.

— Владимир Кириллович — почти член семьи! — воскликнула Королева-бабушка. — Он лечил вас троих, вашего отца, меня, вашего деда, прадеда, прабабушку!

— Да, бабуль, но это — помолвка. На свадьбу Владимир Кириллович обязательно получит приглашение, — попытал-

сы урезонить Майю Александровну Михаил, но бесполезно.

— Нет! Это возмутительно. Он зовет какого-то режиссера, с которым знаком несколько месяцев и не состоит в дружеских отношениях, а семейного врача и нашего доброго друга — нет.

— Этот режиссер будет снимать Юлю в новом фильме. Уверен, что это она настояла на его приглашении...

— Миша, хватит сглаживать углы и выгораживать брата. В любом случае, я решила вопрос так, как считала нужным. А теперь не смею тебя задерживать. Сам говорил, что тебе нужно работать. Иди, оставь меня с Мартой. — Майя Александровна похлопала внука по коленке и повернулась к Марте. — Извините за подобную сцену. Я все вам объясню и, надеюсь, вы поймете мое возмущение...

Михаил поднялся, поцеловал бабушку в щеку и, бросив короткий взгляд на Марту, ушел. Возможно, ей следовало бы с ним попрощаться, но теперь было слишком поздно. Майя Александровна не дала Марте времени подумать над этим и стала рассказывать, что послужило причиной ее негодования.

Оказывается, через неделю в особняке намечался большой праздник — помолвка старшего внука. Его невеста, начинающая актриса Юлия Винер, настояла на традиционном торжестве, но круг гостей решили ограничить лишь близкими. В «близкий круг» в понимании Майи Александровны входил давний друг семьи — их лечащий врач Владимир Ки-

риллович Левоненков. Однако за обедом Королева-бабушка узнала от Михаила, что Вадим и Юлия его не пригласили, и это при том, что позвали какого-то новомодного режиссера, который собирался снимать госпожу Винер в своем фильме. По тону Майи Александровны Марта догадалась, что дамочка не жалуется невесту внука.

— Марта, возможно, я не права, но считаю, что поступила по совести. Если среди гостей будет тот, кто выгоден для карьеры невесты, то близкий друг семьи и подавно должен быть приглашен, — приложив руку к груди, заявила Майя Александровна и выжидающе посмотрела на Марту.

— Майя Александровна, может быть, произошло простое недоразумение? Может быть, Михаил все не так понял?

— Приглашения на ужин в честь помолвки направили полторы недели назад. Обмолвились, что будет одиннадцать человек, не считая детей. Десять — члены семьи, а одиннадцатый, как я была уверена, наш дорогой друг, но нет! Оказалось, они пригласили этого режиссера... Я даже имени его не знаю. Да и не уверена, что у него вообще имеется хоть одна достойная работа!

Марта не знала, что ответить. Принимать чью-либо сторону в конфликте — это последнее, что ей было нужно. И тут, как по заказу, в гостиную вернулся Михаил, неся большой поднос с чайником, пиалами и чем-то съестным.

— Бабуля, ты все еще возмущаешься? — Михаил опустил поднос на кофейный столик между креслом, где сидела Мар-

та, и диваном, и стал снимать с него посуду.

— Миша, ты решил устроить чаепитие? — Майя Александровна изогнула бровь. Марта отметила, что она так делает далеко не в первый раз, подчеркивая удивление или сомнение в чем-то.

— Да. Это чай с ромашкой и мятой. Успокоительный. Ты, конечно, извини, но мне показалось, что вся эта ситуация тебя чересчур взволновала, а я не хочу, чтобы моя любимая бабушка переживала понапрасну. Я зашел на кухню, а там Тамара испекла свои плюшки. Вот не удержался, — Михаил указал на тарелку с ароматной выпечкой, от которой еще исходил пар.

— Что ж... ромашка, Melissa... Дорогой, налей нам всем чаю, — Майя Александровна взмахнула рукой, как царица-лебедь, и отвернулась к окну.

Михаил стал разливать чай, и Марта подорвалась ему помогать. Он протянул ей первую пиалу, и она специально, будто бы нечаянно, коснулась его руки. Дешевый мелодраматичный прием, но работает со многими мужчинами. Нестеров не был исключением. Он поднял глаза и краешком губ улыбнулся Марте. Она в ответ отвела взгляд и отдала чай Майе Александровне.

— Сегодня день погожий. Выпьем чаю и гулять. До ужина, — Майя Александровна взяла пиалу, поднесла ко рту, но не отпила, а лишь вдохнула аромат.

— Ваш чай, — Михаил поухаживал за Мартой. — И обя-

зательно возьмите плюшку. Знаю, что вы не голодны, — он незаметно для бабушки ей подмигнул, — но Тамарина выпечка — это нечто. Такого ни в одной пекарне не купишь.

Против воли Марта почувствовала благодарность к Нестерову. Интересно, что стояло за этой заботой? В его бескорыстие она не верила, значит, Михаил хотел что-то получить взамен.

— Спасибо, — Марта слегка кивнула и нерешительно взяла с тарелки плюшку. Она откусила небольшой кусочек, и на ее губах остались сахаринки. Не смея посмотреть на Михаила, но надеясь, что он это видит, Марта кончиком языка их слизнула.

— Да, мой внук прав. Нам очень повезло с кухаркой. Говорят, лучшие повара — мужчины, но Тамара вне конкуренции. Конечно, налегать на мучное молодой девушке не следует, но изредка побаловать себя можно. Миша, будь любезен, передай и мне плюшку.

После недолгого чаепития Марта и Майя Александровна направились в сад, а Михаил, к разочарованию девушки, ушел работать. Со слов бабушки, он писал новую книгу и сейчас уже был на середине. Его агент Евгений, который довольно часто заглядывал в особняк, настаивал на том, чтобы Михаил закончил роман к Новому году, тогда получится его отредактировать и выпустить к весенней литературной выставке. Однако Михаил ненавидел давление в творчестве и писал с той скоростью, какую диктовало вдохновение. Сего-

дня он мог создать пару глав, а завтра и послезавтра не выдать ни строчки.

К семи часам рабочий день Марты окончился, но Майя Александровна не отпустила свою компаньонку. Королеве-бабушке сообщили, что Юра уехал, Михаил решил перекусить у себя, а Вадим остался со своей невестой в Москве, и, чтобы не сидеть в столовой в одиночестве, она предложила новой сотруднице отужинать вместе. И пусть Куприянова-Нестерова оговорилась, что это приглашение, а не приказ, и Марта вольна отказаться, девушка понимала, что на самом деле выбора ей не оставили.

Столовую Марта видела лишь мельком. Это был продолговатый зал с длинным столом по центру. Сейчас он был накрыт на две персоны и сервирован по всем правилам: несколько вилок, ножей, ложек, составленные одна в другую тарелки, отдельное блюдечко для хлеба и выстроенные в ряд бокалы. Никто не учил Марту столовому этикету, да ей он нигде и не требовался. Достаточно помнить, что нож держат в правой руке, а вилку — в левой. Но тут она поняла, что может ударить в грязь лицом. Кажется, брать приборы следует с краю и двигаться к центру при смене блюд... Но что, если подадут какое-нибудь вычурное яство, а Марта ошибется, переменяв вилку? Решение ей подсказал один фильм, где не умеющая играть в шахматы героиня сыграла вничью с двумя мировыми чемпионами, повторяя по очереди их ходы. Нужно просто повторять за Майей Александровной все, что та

будет делать, и тогда она не ошибется.

В гостиную вошли два мужчины: лет шестидесяти и помладше. Оба были одеты в костюмы, с зачесанными назад, блестящими от геля волосами. Тот, что постарше, катил перед собой тележку с большой супницей, а младший нес на подносе графин с красным вином.

— Марта, позвольте представить нашего управляющего Леонида Борисовича, — произнесла Майя Александровна, и старший мужчина легко кивнул. — Его помощника Сергея, — и младший добродушно улыбнулся, чем сразу понравился Марте. — Сергей помогает с подачей блюд, а на Леониде Борисовиче — прочая хозяйственная работа, но в некоторых случаях он также может присутствовать в столовой. Я попросила его выйти к ужину, чтобы вас познакомить. Сегодня ваш первый день в особняке, и вы еще не успели освоиться. По мере возможности я буду представлять наших сотрудников.

Марта отметила, как деликатно Королева-бабушка определила роли двух мужчин: она ни разу не сказала таких слов, как «обслуживать» и «прислуга». Хотя, вряд ли Королева-бабушка боялась их обидеть, скорее, не хотела выставлять себя помещицей. Интересно и то, что Леонида Борисовича она представила управляющим. Выходило, он был сменщиком Тети-шкаф? Все это неплохо бы выведать вечером у Лиды.

— Ужин мы традиционно начинаем с консоме⁶, — сообщила Майя Александровна и кивнула Леониду Борисовичу.

Тот подкатил к столу супницу, открыл крышку, наполнив столовую ароматом вареной курицы с какой-то пряностью, и налил каждой в тарелку по половнику жирного бульона. После того, как он отошел в сторону, Сергей разлил по бокалам немного вина.

— Марта, вы не против глотка Кьянти⁷? — поинтересовалась Майя Александровна. — В конце концов, ваш рабочий день окончен.

— Спасибо, — кивнув, ответила Марта. — И приятного аппетита.

— М... — словно уколовшись иголкой, негромко вскрикнула Майя Александровна. — Марта, не хочу вас обидеть и искренне надеюсь на ваше понимание. Есть некоторые тонкости хорошего тона, которые отличаются от того, что считается привычной повседневной вежливостью. Так вот, желать приятного аппетита принято только в том случае, если блюдо готовили вы. Наш ужин — заслуга повара, поэтому данное пожелание неуместно.

Марта едва не закрипела зубами. Впервые она слышала подобную чушь. Если на то пошло, то куда сильнее она хоте-

⁶ Консоме – французское блюдо; крепкий, прозрачный, хорошо посоленный бульон, обычно куриный или говяжий, реже – рыбный или овощной.

⁷ Кьянти (ит. Chianti) – сухое красное вино, производимое в итальянском регионе Тоскана из винограда сорта санджовезе.

ла бы пожелать Королеве-бабушке подавиться. Чтобы унять в себе эмоции, Марта крепко сжала под столом руку в кулак.

— Простите, пожалуйста, я не знала, — виновато проговорила она, продолжая впиваться короткими ногтями в ладонь.

— Не стоит извиняться, Марта. Подобные мелочи не столь важны в повседневной жизни, но в то же время могут сослужить хорошую службу в будущем, если вы окажетесь в придирчивом обществе.

Ужин длился без малого сорок пять минут. При этом ели только суп, салат и ростбиф с киноа. Большую часть времени Майя Александровна рассуждала о поэзии. Сначала Марте это показалось скучным, ведь никак не помогало продвинуться в ее деле, но в какой-то момент она перестала думать о мести и увлеклась рассказом начальницы. Потом Майя Александровна поднялась из-за стола и предложила Марте разойтись по комнатам.

В этот же момент в столовую вошел Сергей, вкатывая перед собой пустую тележку, чтобы убрать со стола. Он будто бы стоял за дверью и ждал момента, когда сможет показаться. Марта сразу же вызвалась ему помочь. Он не отказал и заметил, что это будет очень любезно с ее стороны. Марте показалось, что ее порыв понравился и Майе Александровне. Она наградила свою компаньонку довольной улыбкой и удалилась.

— Марта, спасибо за помощь. Вообще вы не обязаны, точ-

нее, даже не должны помогать убирать со стола. Я справляюсь сам либо подключаю девочек-горничных, но сегодня решил воспользоваться вашим предложением, чтобы перекинуться парой слов.

— На самом деле мне совсем не трудно составить грязную посуду.

— Спасибо, — вновь поблагодарил ее Сергей. — Я хотел вам сказать, что этот дом кажется слегка холодным и пустым, но работать здесь хорошо. Майя Александровна — специфичная, но справедливая начальница. С Вадимом Александровичем посложнее, с ним рядом лучше помалкивать. Он из тех, кто четко разделяет слуг и господ. Миша — свой, он всегда относится к нам с пониманием, но бывает резок, если дело касается его книг. А вот с Юркой держи ухо востро. Он у нас парень легкомысленный и падок на молоденьких девушек. Он будет тебя обхаживать, флиртовать, а потом резко переключится на кого-то другого.

— Я сюда устроилась не для того, чтобы кокетничать с внуками начальницы, — сказала Марта, закончив убирать посуду.

— И это правильно, — улыбнулся Сергей. — Завтра утром не пропустите завтрак, всем остальным не терпится с вами познакомиться. Ну, Лида вас введет в курс дела.

— Она рассказала, что собирается ко мне зайти? — удивилась Марта.

— Да. Кстати о ней: девчонка отличная, но язык без ко-

стей. Все, что ей расскажете, уже наутро будут знать все в доме.

— Ясно. Спасибо за предупреждение, Сергей.

— Можно просто Сережа и на «ты». Я, хотя и постарше, но еще не так стар, как Леонид Борисович, — он подмигнул Марте.

— Хорошо. Тогда и ко мне обращайся на «ты».

— Договорились. А теперь я пойду, Тамара ждет, чтобы запустить мойку. До завтра.

Времени еще было мало, и Марта решила немного прогуляться. Ей хотелось освежить голову после долгих разговоров с Королевой-бабушкой, выпитого вина и того, что узнала от Сережи. Хотя он и предупредил, что с Лидой нужно быть аккуратной в беседе, Марта решила, что это можно обернуть в свою пользу. Наверняка, для горничной появление в особняке компаньонки Майи Александровны станет главной темой сплетен, и тут важно, чтобы она разнесла по дому то, что сыграет Марте на руку.

В тени высоких сосен, куда почти не проникал свет уходящего дня, было достаточно прохладно. Марта даже пожалела, что ничего на себя не накинула, но все равно продолжала идти по дорожке за главный дом. В этой части владений она еще не была, но знала, что совсем скоро увидит жилище Михаила. И вот, как по заказу, он показался из-за широкого хозяйственного строения. Выдержанный в том же архитектурном стиле, что и два других коттеджа, этот все же выде-

лялся. В нем не было стеклянных стен или окон в пол, но вдоль всего первого этажа тянулось патио, где сейчас горел свет. Марта подошла ближе и разглядела, что два торшера подсвечивают рабочую зону: стол, заваленный какими-то бумагами, тетрадами и книгами, а в центре — ноутбук, и простой стул, даже не кресло. Кажется, всего несколько минут назад здесь был хозяин дома, но где он сейчас?

Марта встала на цыпочки и заглянула в окно первого этажа. За ним открывалась кухня, а в ней Михаил в одних спортивных штанах заваривал себе чай. Невольно она залюбовалась этой картиной. Каким бы ни было ее отношение к Нестерову, Марта была женщиной и не могла отрицать, что средний внук начальницы ее привлекал. Возможно, именно поэтому она так легко решила его соблазнить. Михаил размешал чай, вынул ложку, бросил ее в раковину и с кружкой направился обратно на патио. Марта же поспешила скрыться, чтобы он ее не заметил. Как-нибудь она обязательно «случайно» попадется ему на глаза, но не сегодня — еще слишком рано.

Лида постучалась в дверь точно в назначенное время. Марта не ожидала от девушки такой пунктуальности, но была рада, что та не задержалась. Первый день в особняке, хотя и не был изнурительным, все равно ее вымотал. Хотелось уже забраться в свою новую кровать с ортопедическим матрасом (это Марта успела проверить) и уснуть. Все же со-

слаться на усталость она еще успеет, а вот подружиться с горничной лучше поскорее.

— Лида! Проходи! — Марта широко улыбнулась, распахивая дверь перед новой знакомой. Без своей униформы, в простом сером спортивном костюме, она выглядела лет на шестнадцать. Ее чистое от макияжа личико казалось совсем детским, и только игривый огонек в глазах намекал на определенный взрослый опыт.

— Смотри, что тут у меня, — Лида достала из целлофанового пакета бутылку вина, полную больше чем на половину, и гордо продемонстрировала ее Марте.

— Ух ты! — восхитилась она и, выглянув в коридор, посмотрела по сторонам. — Заходи скорее, пока никто не видит! Я так понимаю, вино тут запрещено...

— Ой, мы уже не на работе, — отмахнулась Лида и по-своейски прошла в комнату, поставила бутылку на тумбочку и плюхнулась на кровать. — Там в пакете еще стаканчики. Бокалы брать с кухни не стала. Хотя мы не делаем ничего противозаконного, лучше без лишних свидетелей.

— Валентина Михайловна мне показалась такой строгой. Она сказала, что даже вечером никакого алкоголя...

— Ой, Валентина... — Лида снова скривилась при упоминании управляющей. — Она старая грымза, и как дядя Леня ее терпит столько лет...

— Дядя Леня — это кто? — нахмурилась Марта.

— Ее муж. Леонид Борисович. Ты его видела за ужином.

Кстати, Валентина вечером чуть ли не ядом плевалась, когда узнала, что наша Пчелка тебя на ужин с собой позвала.

— Пчелка? — переспросила Марта.

— Мы с девочками так зовем Майю Александровну. Ну, знаешь, Пчелка Майя⁸...

— А-а-а, поняла... Так значит, Валентине не понравилось, что Майя Александровна пригласила меня на ужин?

— Неа...

Лида села, потянулась к пакету, достала из него два пластиковых стаканчика и стала разливать вино.

— Ей, типа, не понравилось, что Пчелка тебя выделила из всех служащих. Мол, ты ничем не лучше меня или Тамары, а она приглашает тебя за свой стол, как члена семьи. Ну, знаешь... Хотя дело тут совсем в другом. — Последнюю фразу Лида произнесла шепотом.

— В другом? В чем? — Марта взяла из рук новой приятельницы стакан с вином и немного отпила. Эта кислятина не шла ни в какое сравнение с Кьянти из семейного погреба, но пришлось изобразить, что ей вино по вкусу.

— Валентина хотела, чтобы Пчелка наняла ее племянницу. Таня чуть помладше тебя. Кстати, тебе сколько?

— Двадцать пять.

— Вот. Тане — двадцать три. Только выпустилась из уни-

⁸ Пчелка Майя — главная героиня немецкой детской книги Вальдемара Бонзельса. Книга была опубликована в 1912 году, а в 1975 году экранизирована в виде анимационного сериала.

вера, а работает где-то в торговле. Парня тоже нет. Валентина надеялась, что здесь племянница будет под присмотром, а потом еще продвинется куда благодаря связям Нестеровых, но — облом, — Лида театрально пожала плечами. — Пчелка наотрез отказалась брать компаньонку среди знакомых. Те девушки, что приходили до тебя, все Валентине не понравились, но их не взяли, а вот тебя...

Значит, Марте не почудилось, что Тетя-шкаф ее невзлюбила. Сама того не желая, она перешла дорогу ее племяннице. По своему горькому опыту Марта знала, что такое нажить врага в лице обиженной родственницы. При поступлении в университет она набрала достаточно баллов и прошла на бюджет, а вот другая девушка, чья мать там преподавала, попала на платную основу. Новоявленная преподавательница решила отыгаться на Марте за неудачу дочери и всячески заваливала ее на экзамене. Марте ничего не оставалось, как обратиться в деканат, тогда на пересдачу собрали комиссию, которая признала, что студентка знает предмет на отлично.

Со следующего семестра преподавательницу сняли с их курса, но она не унималась и всячески пыталась настроить против девушки другой педагогический состав. В результате Марте пришлось поздно вечером подстеречь в переулке ее обожаемую доченьку. Они «мило» пообщались, и девица убедила мамашу умерить свой гнев. Марте не хотелось с самого начала портить отношения с персоналом особняка, но если Тетя-шкаф не оставит ей выбора, придется думать, как

от нее избавиться.

— Лид, а расскажи, как вообще тут все устроено? В доме много работников? Пока я видела только тебя, Сергея, кстати, он мне понравился, Леонида Борисовича и Валентину.

— Да, Серега классный. Хотя ему уже сорок один, но он держится с нами наравне... А так, да. Народу у нас много, но мы все стараемся быть незаметными — убираемся, когда дома никого нет, возимся на кухне или еще где. В общем, сейчас обо всех по порядку...

Для Лидинога рассказа пригодился бы блокнот, но за неимением оного Марте пришлось запоминать. Над всем персоналом в доме стояли Валентина Михайловна и Леонид Борисович Сурко. Их обоих звали управляющими, но по сути она скорее являлась эконожкой, а он — дворецким. Сдержанный, интеллигентный и добродушный мужчина совсем не походил на свою супругу-фурию, и если ее сотрудники побаивались и не любили, то его уважали. Супругам Сурко была выделена большая отдельная спальня в западном крыле, которая находилась в самом конце коридора.

Кухней заведовала Тамара Игоревна Фомина. Все обращались к ней просто по имени. Когда-то она работала шеф-поваром ресторана в Москве, где любил обедать Александр Борисович, сын Майи Александровны. Именно он позвал Тамару в особняк, и она охотно согласилась, потому что устала от городской суеты и постоянного стресса на работе. Свою двушку она уступила сыну с молодой женой и без со-

жалений перебралась сюда. Тамаре, естественно, выделили отдельную спальню, не такую большую, как супругам Сурко, зато с просторным балконом.

Конечно, она одна не могла справиться с готовкой на такой большой дом, поэтому в помощь Тамаре наняли двух кухарок, которые выходили посменно. Катерина и Света редко пересекались друг с другом и виделись только если в доме намечалось какое-нибудь торжество. Тогда им в подкрепление привозили поваров из ресторана, но часто это были разные люди, и Лида их не запоминала.

За садом следили Илья Архипов и его помощник, девятнадцатилетний Петька. Как выразилась Лида, они были из местных, а именно жили в поселке рядом с особняком. Несмотря на то, что Илья был на десять лет старше Катерины — в этом году ей только стукнуло двадцать восемь, он всячески выказывал ей знаки внимания. Ни разница в возрасте, ни наличие жены и двоих детей его совершенно не смущали. Садовник приносил кухарке цветы и делал недвусмысленные намеки, но всякий раз получал отказ.

— Катьке вообще не везет на мужчин, — вздохнула Лида. — Этот — женатик с огромным брюхом. А еще у нее есть парень. Три года как встречаются, а предложение он так и не сделал. Скоро ей тридцать, и что?

Марта промолчала, ведь не считала, что целью женщины обязательно должно быть замужество. Да и если не знаешь, что творится в паре, нельзя так просто ставить клеймо

неудачницы, как это сделала Лида.

Дальше горничная перешла к своей сменщице Насте. Обе девушки ночевали в общей женской спальне вместе с младшими кухарками в рабочие дни, а в выходные уезжали. Коллегу Лида не жаловала и первым делом сообщила, что та работает спустя рукава: пропускает уголки, оставляя их пыльными, и как следует не просушивает «косички» на швабре. На закономерный вопрос Марты, почему же такую нерадивую горничную терпят в особняке, Лида со вздохом сказала, что Настя очень крупная и сильная. Кроме уборки она может браться за мужскую работу — что-нибудь передвинуть или поднять, например, если пылесосит.

Марте показалось, что Лида скорее завидует девушке, которую в доме ценили за эту уникальность. Не исключено, что она просто на нее наговаривала. Как бы там ни было, дружить с Лидой против Насти Марта не собиралась.

Девушки занимались только уборкой главного особняка, а за чистотой коттеджей Михаила и Юрия следили две входящие горничные — Анфиса и Елена, обе средних лет и крупного телосложения. Лида считала, что Майя Александровна специально наняла этих «теток», чтобы у внуков не возникло соблазна поразвлечься с прислугой, однако Марте эта теория показалась притянутой за уши.

Вдруг она вспомнила про Геннадия Петровича, пожилого водителя, который подвозил ее на станцию в день собеседования. При упоминании мужчины Лида поморщилась. Она

считала его странным, поскольку он ни с кем особо не общался, жил в отдельной маленькой комнатке, которая раньше была кладовой, и почти все время проводил либо в ней, либо в гараже. Лида пояснила, что таким одиночкой Геннадий Петрович стал после того, как овдовел, но с тех пор прошло уже десять лет, а он не изменился.

Лиде явно было невдомек, как это — терять любимого человека. Жизнь перестает играть красками, превращаясь в простое существование, наполненное болью и несказанными словами. Наверное, девушке повезло этого не знать, а вот Марта очень хорошо понимала этого несчастного старика.

— Слушай, ты что-то и не пьешь совсем... — протянула Лида, доливая остатки вина в свой стакан.

— Нет, что ты? Пью... Просто я не так быстро. Пчелка за ужином меня напоила, — Марта театрально усмехнулась. Она специально повторила за Лидой прозвище Майи Александровны, чтобы той польстить, и это сработало. Лида прыснула в кулак, услышав «пчелка» из уст новой подруги.

— Ладно... тогда слушай дальше. Я тебе, в принципе, про всех рассказала... Есть еще охрана, но они отдельно. Вадим нанял какой-то ЧОП. В особняк они не заходят, если только их главный — Артурчик. Так, кого еще забыла?.. А! Ваня!

Помимо общей женской спальни, в доме была мужская комната. Ее делили Сергей, с которым Марта успела познакомиться, и Иван, помощник по дому.

— Не только же Настюхе выполнять мужскую работенку,

— хихикнула разругавшаяся Лида, порядком захмелевшая от дешевого пойла.

Как поняла Марта, Иван, скорее, был мастером на все руки: мог починить кран, поменять лампочку в люстре под трехметровым потолком, прибить полку, повесить идеально ровно очередную картину, купленную Майей Александровной для домашней галереи.

— Ну ладно, про них всех — скука смертная. Вот кто интересный, так это Мирослава — медсестра, которая приходит к Пчелке давление там померить, укольчик сделать. Тут у нас была настоящая мелодрама! — Лида поудобнее уселась на Мартиной кровати. — Мишка, средний внук Пчелки, в нее влюбился по уши! Мира бывает тут раз-два в неделю. Вся такая милая, правильная, все такое... А Миша таких и любит.

— Вот как? — наострила уши Марта.

— Да. Сначала они просто подолгу беседовали, потом он стал ее подвозить до станции. Как-то их видели гуляющими по саду, когда все Пчелкины процедуры уже закончились. По особняку пошли слухи, ну сама понимаешь, тут и так все у всех на виду, а эти двое не особо прятались. Но самый перчик в другом: у Миры в Москве есть парень. Он, конечно, ничего не знал о том, что его девушка тут шуры-муры крутит. Она его бросать не спешила. Вроде как с Мишей они официально не того, хотя я не верю, что у них ничего-таки и не было. Так вот, она так несколько месяцев ни туда, ни сю-

да, а в мае, когда наш хозяин устал ждать и поставил вопрос ребром, выбрала своего парня!

— Seriously? Эта медсестра предпочла обычного парня Михаилу Нестерову? — удивилась Марта.

— Угу... Типа он птица не ее полета, лучше синица в руке, выше головы не прыгнешь и все такое, но на самом деле Мира просто испугалась Вадима. Когда он понял, что его брат настроен серьезно, решил поговорить с Мирославой, и после этого она дала от ворот поворот нашему Мишке. Только все равно, всякий раз, когда она приезжает к Пчелке, вздыхает по нему, а он бросает в ее сторону такие взгляды...

Еще не познакомившись с этой Мирославой, Марта ее невзлюбила. Сегодня днем Михаил вел себя так учтиво, что она ошибочно решила, будто Нестеров проявил к ней интерес. Ей казалось, что главной проблемой на пути к его соблазнению будет Майя Александровна, которая не должна заметить, что ее компаньонка крутит шашни с любимым внуком, а выходило, что сердце Михаила уже занято. Раз так, нужно убрать с пути это препятствие в белом халатике — любым способом избавиться от медсестры Мира.

Глава 4

В первую ночь в особняке Марта практически не сомкнула глаз. Несмотря на сильную усталость и выпитое вино, калейдоскоп мыслей в голове никак не давал уснуть. Сначала перед взором проносились обрывки прошедшего дня, а потом стали всплывать воспоминания из другого времени: от беззаботного детства до дня, когда она превратилась в ту, кем является сейчас.

Марта выросла в счастливой семье, несмотря на то что ее родители сами были сиротами. Они познакомились в детском доме и с тех пор расставались лишь однажды, чтобы встретиться вновь. Их любовь стала для девочки примером того, какими должны быть отношения мужчины и женщины. Конечно же, она мечтала о таком муже, как ее папа: красивом, верном, заботливом. Он всегда и во всем поддерживал маму, приносил завтрак в постель и брал на себя значительную часть домашней работы. Правда, тогда Марта не знала, что ее мать сама не могла справиться с хозяйством. Только когда после недолгой борьбы с раком папа умер, девочка узнала страшную тайну о здоровье матери.

Ксения Валентиновна, мама Марты, попала в детский дом в девятилетнем возрасте после того, как при страшных обстоятельствах потеряла обоих родителей. Единственной ее родственницей была тетка матери, в честь которой ее назва-

ли, но из-за преклонного возраста той отказали в опекуновстве. Оказавшись среди десятков других сирот, тихая девочка Ксюша превратилась в невидимку, поэтому воспитатели не сразу замечали, когда девочка заболела, а она до последнего стеснялась своего плохого самочувствия, ведь в первую очередь ценили здоровых деток.

Когда Ксения выпустилась из детского дома, на ее плечи легла забота о престарелой тетке Ксении Ивановне. Несмотря на то, что она души не чаяла в единственном своем родном человеке, совмещать работу, учебу на вечернем отделении и дела по дому было непросто. Поэтому, простудившись, Ксения попыталась перенести болезнь на ногах, но в результате попала в больницу. Врачи в один голос твердили, что если девушка не станет себя беречь, то ее сердце просто-напросто не выдержит. Однако, как бы ей ни хотелось уделять себе больше внимания, беды продолжали сыпаться одна за другой. Ее тетя слегла, и Ксения была вынуждена уйти с работы, чтобы за ней ухаживать. Несколько месяцев она кормила, мыла, причесывала, водила в туалет пожилую родственницу и, хотя та к концу жизни весила как пушинка, Ксюша ежедневно надрывалась.

Ксения Ивановна ушла весной восемьдесят шестого, ее похоронили рядом с Ксюшиными родителями. Так вся семья мамы Марты собралась в одном месте — на участке двадцать семь Ново-Люберецкого кладбища. Единственной ее отрадой оставался Олег Чернов, высокий, статный юноша,

без памяти влюбленный в Ксению.

Они познакомились в детском доме, где Олег воспитывался с рождения. Там же они полюбили друг друга и начали встречаться. Олег был на два года старше Ксении и, когда выпустился из детдома, они потеряли связь. Ксения никогда не спрашивала, а он не говорил, что происходило в его личной жизни в те два года разлуки, но когда и она вошла во взрослую жизнь, Олег разыскал свою первую любовь, чтобы снова быть вместе.

В то время считалось неприличным жить с мужчиной вне брака. Ксения никогда не позволяла Олегу ночевать у нее, даже после смерти тетушки, а он не осмеливался пригласить возлюбленную в свое общежитие. Вскоре Олег решился и сделал ей предложение. Несмотря на то, что с похорон Ксении Ивановны миновало всего два месяца, в конце лета они поженились.

Наконец, Ксения почувствовала, что ее жизнь налаживается. Теперь у нее появилась своя семья, правда, слишком маленькая и чересчур тихая без детского смеха. Забеременеть получилось быстро — после свадьбы прошла всего пара месяцев. Однако мечта стать матерью ускользнула от Ксении одним ранним утром, когда она проснулась от острой боли внизу живота и обнаружила кровь на ночной сорочке.

Врачи сошлись во мнении, что Ксении не стоит рожать: вероятность выносить ребенка минимальна, а последствия для организма серьезные. Это стало для супругов Черновых

страшным ударом. Ксения даже хотела уйти от Олега, но он не позволил. Они начали думать об усыновлении, но в сложное перестроечное время оба остались без работы и в глазах сограждан выглядели неблагонадежными. Втайне от мужа Ксения лелеяла мечту забеременеть снова, ведь вердикт врачей не был окончательным, и спустя два года после первой попытки у нее получилось. К сожалению, и в этот раз Ксения не смогла выносить малыша.

Черновы смирились с тем, что останутся бездетными. Они жили работой, домом и редкими поездками за город. И пусть их отношения оставались безоблачными, каждый из них по-своему был несчастлив. Ксения не могла простить себе, что лишила Олега шанса стать отцом, а он злился на себя, что не в состоянии помочь жене справиться с грустью.

Третья беременность оказалась случайной. Ксения несколько месяцев не признавалась в этом мужу и только когда живот стало невозможно скрыть, сообщила новость. Олег не обрадовался. Его больше всего заботило здоровье супруги, ведь он понимал, что если и сейчас ничего не выйдет, она этого просто не перенесет. Каждый день Черновы ждали беды, но она пришла только в последний день марта, когда у Ксении раньше срока отошли воды.

Роды шли тяжело. Когда стало ясно, что роженица сама не справится, врачи решили провести экстренное кесарево сечение, после которого она оказалась в реанимации. Вопреки опасениям за жизнь ребенка, девочка родилась здоровой,

хоть и недоношенной. Акушерка сказала Олегу, что его жена так мечтала родить, что отдала дочери все свои силы, чтобы малышка появилась на свет крепенькой. Сама Ксения находилась между жизнью и смертью, потом долго лежала в реанимации, и Олегу пришлось самому давать имя дочери. Он назвал ее в честь последнего дня месяца, когда та появилась на свет.

Несмотря на то, что родители Марты не были людьми обеспеченными, они давали ей все самое лучшее. Олег мог выйти на работу в свой выходной, Ксения — взяться за какую-нибудь халтуру, но дочери покупали новое платье, оплачивали учебу в музыкальной школе, не экономили на кино и парках. В свою очередь Марта платила родителям безграничной любовью и отличными отметками. Ничто не должно было разрушить их заслуженного и такого выстраданного счастья, но судьба оказалась слишком жестока...

Марта перевернулась на другой бок, подложила руку под подушку и крепко зажмурилась, чтобы не заплакать. Ей было шестнадцать, когда мать рассказала горькую правду об их семье.

— Марта, все женщины в нашем роду погибали молодыми: моя бабушка, мама, теперь я. Если бы я не осталась сиротой, то не загубила бы здоровье. Если бы твоему отцу не приходилось заботиться о нашей семье за двоих, мы бы узнали о его раке раньше, и, может быть, тогда... — Ксения тяжело сглотнула и крепче сжала руку дочери. — Во всех на-

ших несчастьях виноваты они... Эти Куприяновы-Нестеровы! Они убили моих родителей! Они убили моих бабушку и дедушку! Никогда не забуду, как Майя Александровна выставила меня вон, еще и грозила милицией, хотя у меня было право заявить на нее, на всех них! Как бы я ни хотела тебя уберечь ото зла, ты должна знать правду и помнить о трагедии своей семьи... — С этими словами Ксения отдала дочери письмо своей бабушки, которое бережно хранила долгие годы.

Марта пообещала матери, что никогда не забудет того, что сделали Куприяновы-Нестеровы, а еще в тот день она зареклась, что заставит каждого из них страдать. За грехи отцов заплатят сыновья, за преступления дедов — внуки. Ее фамилия — Чернова. Она досталась ей от отца, которому ее дали только потому, что подкинутый в дом малютки младенец родился с черными волосами. Но для Марты она имела иной смысл: Чернова — черная, как ее душа. *Черная Марта.*

Семь сорок одна... У Марты оставалось всего четыре минуты, за которые нужно было успеть добежать до спальни Майи Александровны, чтобы помочь ей спуститься к завтраку. В первое утро ни в коем случае нельзя опаздывать, а она так долго собиралась! Проснувшись после недолгого, тревожного сна и увидев в зеркале бледное нечто с темными кругами под глазами, Марта битый час пыталась привести себя в порядок. Душ, освежающая маска, крем... ничего

не помогло, пришлось накраситься и использовать консилер плотнее, чем обычно. И вот, наконец, она осталась довольна своим видом, но теперь приходилось спешить, чтобы явиться к начальнице вовремя.

Марта выскочила в коридор, плюнула на то, чтобы закрыть дверь на ключ, и помчалась к лестнице, но стоило ей свернуть за угол, как прямо на первой ступени она налетела на суровую Валентину Михайловну. Сегодня на ней был другой серый костюм, на который переключалась жемчужная брошь с прошлого. Кинув ей быстрое «доброе утро», Марта хотела обогнуть женщину, но та преградила ей путь.

— В этом доме не бегают! — прошипела Тетя-шкаф.

— Я опаздываю, — кинула в ответ Марта и снова попыталась обойти Валентину Михайловну, но та выставила руку, уперев ее в стену, продолжая не пускать девушку на лестницу.

— Нужно лучше планировать свое время, вставать раньше, быть организованной, — начала перечислять Тетя-шкаф, растягивая каждое слово.

Марта быстро сообразила, что дамочка хочет снова подставить ее перед начальницей, но если вчера она взяла очко, не дав ей переодеться после дороги, то сегодня получит гол в свои ворота. Ничего не ответив, Марта нагнулась и быстро юркнула под рукой Валентины Михайловны и, с трудом подавив желание пнуть ее, устремилась вверх по лестнице. Тетя-шкаф продолжала громко возмущаться, но теперь Марте

не было до нее никакого дела.

Минута в минуту она явилась к спальне Майи Александровны и, переведя дыхание и наспех поправив блузку и юбку, негромко постучала. Королева-бабушка ответила не сразу, и Марта испугалась, что она уже ушла в столовую, но к ее облегчению, начальница просто не услышала стук из своей гардеробной.

— Марта, помогите мне выбрать...

Майя Александровна подняла вверх два практически идентичных шелковых шейных платка, отличных разве что тем, что на одном по кайме шла широкая темная полоса, а на другом — тонкая волнистая. Но самым странным было не это: Марта вообще не понимала, зачем Королеве-бабушке надевать шейный платок для завтрака. Гостей, насколько она знала, не ожидалось, а в столовой было достаточно тепло, чтобы прикрывать шею. Очередная причуда богатых...

— Тот, что слева, — ответила Марта и кивнула на платок с волнистой линией.

— Думаете? — нахмурилась Майя Александровна, поднеся выбранный Мартой платок к глазам.

— Он кажется нежнее, — зачем-то выпалила Марта, и Королева-бабушка громко рассмеялась.

— Вы забавны. Ну что ж, значит, этот, — она подошла к большому зеркалу и повязала аксессуар на шею, закрепив узел булавкой с темно-синим камнем на кончике. — Марта, детали очень важны для образа, запомните это. И еще, даже

если мы собираемся на завтрак с семьей, нужно выглядеть подобающе. Дать себе поблажку можно, только если перекушиваете в спальне одна или с любовником.

Щеки Марты мигом залились краской. Она не была невинной скромницей, но отчего-то упоминание любовника из уст Майи Александровны ее смутило, как если бы об этом говорила ее родная бабушка. Дама заметила реакцию своей компаньонки и добродушно рассмеялась.

— Марта, я вас смутила? Вот уж не думала... Привыкайте. Я говорю, как есть. Кстати, в отношениях мужчины и женщины нет ничего постыдного, если речь идет не об адюльтере.

Она поправила свой идеальный пучок и, критически рассматривая прическу, повертела головой в разные стороны. Потом взяла с туалетного столика прозрачный экран на длинной ручке, прикрыла им лицо и обратилась к Марте:

— Лак. Прошу вас, аккуратно сбрызните мои волосы.

Марта видела такое только в старых голливудских фильмах, где какая-нибудь Рита Хейворт или Лорен Бэколл, сидя перед большим овальным зеркалом, увешанным длинными жемчугами, фиксирует локоны лаком и, чтобы не испортить макияж, закрывает лицо подобным экраном. Наверняка это приспособление используется и сейчас в салонах или студиях, но впервые Марта встретила его у кого-то в домашнем обиходе.

Она подошла к Майе Александровне, взяла в руки лак,

названный в честь кого-то, чье французское имя ей не было известно, и стала аккуратно распылять на волосы. Комната тут же наполнилась сладким цветочным ароматом.

— Спасибо, Марта. Теперь я готова. — Майя Александровна положила на столик экран. — Сейчас спустимся вниз, проводите меня до столовой. Надеюсь, что за завтраком внуки составят мне компанию.

В отличие от ужина, который подавали Сергей и Леонид Борисович, обслуживая каждого сидящего за столом, завтрак был организован как самообслуживание. На длинной тумбе выставили в ряд три мармита⁹ с готовыми блюдами. Марте показалось, что в одном из них — омлет, в другом — что-то мясное, а в третьем — овощи. Рядом в широкой круглой миске лежали белоснежные отварные яйца. Далее разместился диспенсер с хлопьями и кувшин с молоком. Обстановка в столовой напомнила Марте завтрак в отеле, где каждый постоялец мог выбрать себе еду по вкусу. Только напитки сразу поставили на стол, как и вазу с фруктовой нарезкой.

На этот раз у Майи Александровны была компания. Оба внука: и Михаил, и Юрий уже сидели за столом. В отличие от Михаила, который выглядел выспавшимся и довольным, его младший брат был похож на человека, кутившего всю ночь напролет. Мужчины почтительно поздоровались с ба-

⁹ Мармит – специальная емкость для кратковременного хранения в подогретом виде и подачи приготовленных блюд. Часто используется для сервировки шведского стола.

бушкой, а вот Марте пожелал доброго утра только старший брат, Юра ограничился кивком. Майя Александровна недовольно поморщилась:

— Отвратительный мальчишка.

— Уж какой есть, ба! — усмехнулся Юра. — Марта, чего мнешься? Садись с нами!

— Будь добр, не смущай девушку, — процедила Майя Александровна и перевела взгляд на Марту: — Если хотите, можете позавтракать с нами или пойти на кухню.

Марта понимала, что это приглашение вынужденное, и начальница бы даже не подумала позвать ее за свой стол, если бы не Юра.

— Большое спасибо, но я позавтракаю с коллегами, — деликатно ответила она.

— В таком случае встретимся в гостинной в девять, — одобрительно сказала Майя Александровна.

— Спасибо. Приятного аппетита.

Марта уже хотела уйти, как вспомнила, что снова оплошала, завалив вчерашний урок этикета Королевы-бабушки, и тут же смутилась.

— Ой, извините... Я не хотела.

Майя Александровна покачала головой, но девушка не поняла, что это значит — то ли, что начальница ею недовольна, то ли, что прощает этот «косяк». Марта продолжала стоять, не решаясь двинуться с места, но тут ей на выручку пришел Михаил.

— Бабушка, если хочешь знать, то вчера, при знакомстве с Мартой, я первый подал руку. Когда я бываю в издательстве и мы ходим перекусить, то желаем друг другу приятного аппетита. Это нормально для молодых современных людей.

— Что ты хочешь этим сказать? Чтобы я закрывала глаза на правила хорошего тона?

— Нет, я хочу, чтобы ты не запугивала девушку, которая согласилась с тобой работать. Ты бываешь невыносима, и если Марта это поймет, то уйдет от тебя, а Вадим не станет хлопотать, чтобы найти тебе новую компаньонку.

— Вы, молодежь, непоправимы! Такие своевольные, — покачала головой Майя Александровна, — Марта, дорогая, отправляйтесь завтракать и не переживайте из-за небольшого промаха. Пройдет время, и вы обязательно всему обучитесь.

— Хорошо. Спасибо.

Наконец Марта смогла уйти из столовой. Стоять там перед этой троицей и быть предметом их разговора — хуже, чем сдавать экзамен комиссии, а главное, приходилось себя сдерживать. Начался только второй день ее работы на Королеву-бабушку, а ей уже хотелось сбить с нее спесь. Ничего, наступит день, когда она заставит дамочку подавиться своим хорошим тоном.

В итоге Марта опоздала к завтраку персонала. Когда она вошла в кухню, все уже собрались за длинным столом. Всего она насчитала семь человек. Валентина Михайловна и Лео-

нид Борисович сидели напротив друг друга, каждый во главе стола. По левую руку от Тети-шкаф разместились Сергей, женщина средних лет с ярко-рыжими пружинистыми волосами в белой поварской форме и молодой человек лет тридцати. По правую руку от управляющей — Лидочка и другая молоденькая девушка в переднике, видимо, одна из помощниц повара. Собравшиеся вовсю уплетали жареные яйца с сосисками, но как только Марта вошла в кухню, тут же оторвали головы от тарелок.

— Марта! А мы боялись, что и завтракать тебя с нами не отпустят! — воскликнула рыжеволосая женщина и моментально подскочила со своего места. — Иди садись к Лиде, вы уже познакомились, а я тебе положу яичницу. Кстати, я — Тамара, повар.

Она могла бы не представляться, Марта сразу поняла, что это та женщина, что кормит весь особняк и печет восхитительные плюшки. Она ей сразу понравилась. Хотя Тамара была совершенно не похожа на Ксению, Марта почувствовала в ней материнское тепло.

Лида отодвинула стул рядом с собой и похлопала по нему, приглашая новую приятельницу сесть рядом, а заодно демонстрируя всем, что успела с ней подружиться. Как только Марта заняла свое место, перед ней появились тарелка с глазуньей и приборы. Тамара указала на аппетитные блюда:

— Марта, у нас самообслуживание. Накладывай сколько хочешь и не стесняйся. Сосиски — домашние. Я сама делаю

из птичьего фарша. Салат из своих овощей. Илья у нас занимается не только садом, но и огородом. Так что все свежее, полезное. Хлеб, масло, джем...

— Тамара, спасибо!

— Чай, кофе, сок, — повариха поочередно указала на напитки.

— Тамара, сядь! — прогремела Валентина Михайловна, и женщина послушно опустилась на свой стул. — Не нужно превращать завтрак в цирк. Марта — взрослая девушка и в состоянии сама взять сосиску.

— Валя, ну девочка еще не освоилась, — возразил ей Леонид Борисович и улыбнулся Марте.

— Нечего здесь осваиваться. Но в одном ты прав: Марта — новый для нас человек, и будет хорошо, если мы лучше узнаем друг друга. Лида наверняка вчера о каждом из нас рассказала, нам же о тебе ничего неизвестно. Откуда ты? Из какого города? Где работала, училась? Кто твои родители?

— Валентина Михайловна, пусть девочка поест, — вмешалась Тамара.

— Ничего. Я могу рассказать о себе вкратце, это совсем недолгая история, — улыбнулась Марта, стараясь показать всем, что настроена дружелюбно. — У меня образование социолога, в прошлом году закончила магистратуру Социальной академии, работала по специальности, но, к сожалению, за слишком маленькую зарплату. Случайно увидела вакансию Майи Александровны и решила попробовать.

— Марта, а ты училась в Социальной академии с первого курса или пришла в магистратуру? — продемонстрировала неподдельный интерес Тетя-шкаф.

— С первого курса, — ответила она, и Валентина Михайловна странно поджала губы, словно ответ Марты ее обидел.

— Слушай, Март, только не обижайся, окей? — встряла Лида. — Скажи, кто ты по национальности? Просто на русскую ты не похожа, у тебя такие черные волосы...

— Лида, ну разве так можно? — покачал головой симпатичный молодой человек, которого Марта приняла за Ивана и, как выяснилось, верно.

— Ой, Вань, отстань. Она знает, что я не со зла, — отмахнулась Лида и снова обратила все свое внимание на Марту.

— Я — русская, а темная в отца. Только его происхождения мы не знаем. Папа был сиротой. Его младенцем подкинули в дом малютки пятнадцатого сентября, в день Вещего Олега, поэтому ему дали такое имя, а так как у него на голове уже росли черные-черные волосы, придумали фамилию Чернов.

— Так значит, по отцовской линии ты своих родных не знаешь? — сочувственно произнесла молоденькая девушка, помощница Тамары.

— Нет, только по маминой, и то со слов. Когда я родилась, у нее уже никого не осталось.

— Печаль... — протянула Лида.

— А твои родители чем занимаются? — на этот раз во-

прос задала Тамара.

— К сожалению, мама и папа... — Марта тяжело сглотнула. — Они умерли.

— О боже! — повариха в ужасе прикрыла рот рукой. — Прости, Марта! Прости, я не знала.

— Ничего, это же не тайна, — грустно улыбнулась она. — У папы был рак, а мама не смогла справиться с тем, что он ушел, сама заболела.

— И сколько же тебе было лет, девочка? — мягко и очень тихо поинтересовался Леонид Борисович.

— Я осталась сиротой в шестнадцать и попала в детский дом.

— В какой?! — вдруг спросила Валентина Михайловна своим командирским тоном, и все резко замерли.

— В каком смысле в «какой»? — не поняла Марта.

— Номер. Где находится? — раздраженно уточнила Тетя-шкаф.

— Номер шесть. Детский дом «Родник», — ответила она, удивленная таким необъяснимым напором Валентины Михайловны.

— «Родник»... — повторила Тетя-шкаф и бросила в Марту такой уничижительный взгляд, что той захотелось залезть под стол.

— Валя, ты знаешь это учреждение? — удивился ее муж.

— Нет. Не знаю, — процедила она и, кинув прямо в тарелку с недоеденной яичницей салфетку, поднялась, при этом

громко отодвинув стул. — Тамара, завтрак никакой. Совершенно никакой. Надеюсь, что обед будет более съедобным.

Тамара ничего не ответила на этот выпад. Леонид Борисович вроде бы хотел возразить, но сидящий рядом Иван доглотнул до его руки и покачал головой. Пока Валентина Михайловна не вышла из кухни, никто не проронил ни слова, зато, как только мегера скрылась из поля зрения, все наперебой стали успокаивать Тамару.

— У гримзы, видимо, раньше времени началось осеннее обострение, — шепнула Марте Лида. — Она вечно срывается на ком-то, если настроение дурное. И как дядь Леня ее терпит?..

Бурные похвалы в адрес Тамариной стряпни неожиданно прервались грохотом распахнувшейся двери. Марта испугалась, что Валентина Михайловна решила дать второй раунд, но нет. В кухню со всех ног влетела маленькая девочка в пышном розовом платье с короной на голове. С громким воплем «Тамара!» она бросилась в объятие повара. Следом за ней в кухню вбежал Михаил:

— Варя, ты мешаешь завтраку! — с напускной строгостью сказал он.

— Нет. Тамара уже поела, да? — девочка посмотрела на Тамару, и та ей кивнула. — Вот видишь, не мешаю.

С этими словами Варя придвинула табуретку к столу рядом с Тамарой и по-деловому заглянула ей в тарелку. Если младшая дочь Вадима в особняке, значит, здесь и ее папочка,

а следовательно, Марту ждет знакомство с последним внуком Майи Александровны.

Вадим был сыном Александра Борисовича от первого брака и носил отличную от братьев фамилию — Куприянов. Из многочисленных интервью Марта заключила, что больше всех родных он ценил своего прадеда Куприянова и бессовестно пользовался его фамилией для своих амбициозных целей.

Отпрыски Вадима были эгоистичными и избалованными, и поведение Вари это подтверждало. Правда, Тамара, казалось, искренне любила девочку. Тем не менее, Марта не собиралась жалеть даже детей этого семейства.

— Какая ты у нас красивая! Сегодня ты принцесса?! — поинтересовалась Тамара, с удовольствием наблюдая, как девочка уплетает сосиску, которую сама не успела доесть.

— Угу, — пробормотала она, впиваясь зубами в мясное лакомство.

— Извини, Том, ты же знаешь, с ней ничего нельзя поделаться. Только влетела в дом, как сразу к тебе, — Михаил виновато пожал плечами, хотя Марте показалось, что вся ситуация его скорее умиляет.

— Ничего, я уже соскучилась по своей булочке! Неделю ее не видела, — Тамара прижала к себе девочку.

Тут Варя заметила Марту и насторожилась. Она стала с интересом разглядывать новую девушку и даже забыла, что у нее во рту лежал кусочек сосиски, который моментально

выпал обратно на тарелку. Варя отложила вилку в сторону, высвободилась из Тамариных объятий и деловито направилась к Марте. Михаил последовал за племянницей.

— А ты кто? — спросила девочка.

— Я — Марта, новый сотрудник. Компаньонка твоей бабушки... прабабушки, — ответила Марта.

— М-м-м ка... капаньока? — переспросила она.

— Ком-па-ньо-н-ка, — по слогам произнес Михаил, подхватив девочку на руки. — Марта проводит время с твоей бабушкой Майей, чтобы она не скучала, пока мы все заняты.

— А! Нянечка! — догадалась малышка и заерзала, чтобы Михаил ее отпустил, но тот только крепче перехватил племянницу. — Дядя Миша, пусти! Пусти меня на пол! Пусти, мне надо посмотреть!

В результате этой забавной борьбы Михаил сдался и поставил Варю на пол. Она одернула юбочку своего платья и тут же подлетела к Марте.

— Марта, извините ее. Эта маленькая заноза до невозможности любопытная, — с улыбкой произнес Михаил, и она задумалась, кому эта улыбка предназначалась — ей или малышке. Тем временем девочка продолжала разглядывать новую сотрудницу бабушки.

— Варюша, ну ты чего? — ласково спросила Лида.

— Она красивая, да? — вопросом на вопрос ответила Варя, теперь во все глаза уставившись на Лиду.

— Ну да, — согласилась горничная неожиданно холодно

и вернулась к своему завтраку. Марту позабавила такая реакция девушки. Неужели завидно?

— Дядя Миша, она красивая, да? — не унималась Варя, повернув кудрявую головку к Михаилу. Благодаря этому вопросу она стала значительно меньше раздражать Марту.

— Да, красивая, — чуть помолчав, наконец сказал Михаил. Его щеки вдруг порозовели от смущения. Очко в пользу Марты, причем без ее стараний.

— Ты мне нравишься, — наконец заключила Варя. — Я хочу с тобой дружить. Ты будешь со мной дружить?

— Эм... да... — пробормотала Марта и вопросительно посмотрела на Михаила, но он только продолжал улыбаться.

— Так, Варвара, мне кажется, тебя папа сейчас потеряет, — наигранно строго сказала Тамара.

— Да, Тамара права. Идем к папе и Юле, — подтвердил Михаил и неожиданно добавил: — А Марту захватим с собой.

Когда они втроем вышли из кухни и Варя поскакала вприпрыжку вперед них, Михаил вдруг коснулся локтя Марты. Она замерла. Как в дешевых штамповых мелодрамах, сердце пропустило удар, а дыхание перехватило. Такое случается, когда кто-то, кто нравится, оказывает неожиданный знак внимания, но ведь это не тот случай? Марта не может быть увлечена Михаилом... никак.

— Постой, — тихо сказал он. — Хочу предупредить насчет брата. Он довольно строгий и относится к вам с самого

начала предвзято. Сейчас Вадим не в духе и наверняка собирается устроить допрос, чтобы... не знаю... запугать.

— Запугать?!

— Да, но только потому, что ему не нравится, что вы числитесь официальным сотрудником его компании. К тому же он против чужих в доме. Простите за откровенность, это не в обиду.

— Эм... хорошо. Я поняла. И что мне делать?

— Быть собой, не пасовать перед ним и не бояться. В любом случае вы работаете на бабушку, а ей вы очень нравитесь. И еще... Я буду рядом. Если что, вмешуюсь...

— Зачем вам это нужно? — нахмурилась Марта и посмотрела Михаилу в глаза.

— Я не люблю несправедливость, Марта. А пытаться заставить вас уйти при том, что он с вами даже не знаком — нечестно.

Про себя Марта усмехнулась. Михаил Нестеров, борец за правду? Что ж, пусть он видит в ней слабую и беззащитную девушку, так лучше. Она позволит ему защитить ее, а потом заставит об этом горько пожалеть.

— Спасибо, Михаил, — прошептала Марта, глядя на него из-под опущенных ресниц. — Идемте к вашему брату.

Глава 5

Вадим вальяжно сидел в кресле, закинув ногу на ногу, критически осматривая Марту с головы до пят. Под его взглядом хотелось скукожиться до миллиметровых размеров. Видимо, это был хорошо отрепетированный годами прием для запугивания простых смертных, и будь Марта обычной компаньонкой, наверняка сработал бы. Просчет Вадима никому не был замечен, ведь всем своим видом Марта старалась показать страх перед старшим внуком своей начальницы. Имея в распоряжении не более полминуты на раздумья, она пришла к выводу, что ей может быть выгодно подыграть самолюбию Вадима. Пусть думает, что одержал верх, тогда ложная уверенность в своих силах сделает его слепцом, и Марта нанесет удар.

Она переминалась с ноги на ногу, стоя в центре гостиной прямо напротив Куприянова, словно двоечница, вызванная на ковер. Рядом с ним на пуфике устроилась его невеста Юлия — шикарная блондинка с длинными ногами, которые она беспардонно вытянула в сторону. Она почти лежала на мягкой невысокой табуретке, как одалиска, уставшая от ласк любовника. Это выглядело пошло и некрасиво. Майя Александровна бы не поощрила подобную позу, однако ее в гостиной не было. Единственной Мартиной поддержкой оставался Михаил, который, несмотря на просьбу брата уйти, решил

поприсутствовать на этом странном ритуале знакомства. Малышка Варя тоже была в гостиной, но, получив от отца телефон, потеряла всякую связь с реальностью.

— Я искренне не понимаю вас, Марта. С хорошим образованием и такими внешними данными вы решили прозябать вдали от города, ухаживая за... извините, говорю как есть, старухой? — уподобляясь своей бабушке, Вадим изогнул бровь.

— Да... Я еще молода, у меня будет время построить карьеру и заняться личной жизнью, а эта работа для меня как еще одна ступень образования. Работать в этом доме на Майю Александровну... Боже, да если я потом на собеседовании скажу, что жила с Куприяновыми-Нестеровыми и была личным помощником...

— Компаньонкой, — поправил Марту Вадим.

— Да, компаньонкой, но на собеседованиях в дальнейшем я могу назвать свою должность несколько иначе...

— Значит, вы планируете врать будущему работодателю и использовать славу нашей семьи, чтобы продвинуться по карьерной лестнице? — Кажется, Вадима начинал забавлять этот разговор, но Михаил его одернул:

— Не нагнетай, Вад. Марта говорит все правильно. Работа здесь для нее как трамплин дальше, тем более бабуля взялась ее обучать этикету и всяким своим дамским штучкам, а она — кладезь знаний в этой области.

— Миша, будь добр, не мешай мне беседовать с девуш-

кой, — даже не повернув головы в его сторону, сказал Вадим, однако на его лице промелькнуло легкое недовольство тем, что брат пытался его осадить.

— С Мартой, Вадим. Ее зовут Марта... — раздраженно сказал Михаил, однако тот его проигнорировал.

— Марта, я узнал от Майи Александровны, что вы сирота и воспитывались в детском доме...

— В детдоме?! — с ужасом переспросила Юлия и чуть ли не скривилась от отвращения.

— Да. Я два года провела в детском доме после того, как мама умерла. Папы не стало раньше, — спокойно ответила Марта.

— Не каждый детский дом дает своим воспитанникам все, что нужно. Воровство, наркотики, ранний секс — к сожалению, все это бич многих подобных заведений. Насколько я знаю, судимости у вас не было, но мы не спрашивали вас о наркотиках...

— Я никогда не принимала наркотики, — выпалила Марта, с трудом сдерживая ярость.

Этот мужчина в дорогой рубашке, в джинсах, стоящих как ее месячная зарплата, с часами, инкрустированными настоящими бриллиантами... он не имел ни малейшего представления о том, что значит жить в детском доме. Куприянов даже не догадывался, через что пришлось пройти Марте, чтобы выжить, на какие мерзости согласиться и чем пожертвовать! Вадим был красив, но его красота отталкивала. Блед-

ная кожа, голубые глаза с длинными темными ресницами, суровые брови и орлиный крючковатый нос — все это досталось ему от матери, такой же холодной высокомерной дамы. Марта знала, что почти с рождения Вадим воспитывался бабкой и прабабкой, пока его родители делали карьеру. Возможно, именно отсутствие материнской любви превратило его в глыбу льда, чуждую человеческому сочувствию, а может быть, дело в генах, доставшихся ему от деда-убийцы, которого он так чтит.

— Вадим, ты переходишь грань! — разозлился Михаил и шагнул к Марте.

— Мы впустили в дом чужого человека. В дом, где живем мы, где живут мои дети. Безопасность семьи превыше всего. Марта должна это понимать. Так ведь? — Вадим обратился к ней, улыбнувшись, как гиена.

— Да, я все понимаю, — покорно ответила Марта. — Я не принимала наркотики. Сигареты — да, но начала курить студенткой, потом бросила, сейчас не курю. Что до раннего секса, то в детский дом я попала девственницей. Мне было шестнадцать, а это возраст согласия.

— Вадим, ты же не заставишь Марту делиться с тобой такими подробностями?! — Михаил почти перешел на крик, даже Варя оторвалась от телефона и посмотрела на взрослых.

— Конечно, о подобных вещах я спрашивать не собираюсь, — процедил Вадим и вдруг замер, глядя за спину бра-

та. Все, как по команде, обернулись и увидели в саду Майю Александровну, вышагивающую под руку с парнем-подростком.

— Смотри, дорогой, ей удалось найти Артемку, — громким шепотом произнесла Юлия.

— Это ничего не меняет, — отрезал Вадим.

Когда Майя Александровна вошла с правнуком в гостиную, атмосфера в комнате моментально изменилась. Пусть Вадим продолжал вести себя, будто он тут главный, Марта отметила, что в присутствии бабушки у него поубавилось спеси. Продолжая держаться за локоть Артема, Майя Александровна смерила Юлию строгим взглядом, после чего девица тут же выпрямилась на пуфе, а потом обратилась к старшему внуку:

— Твой сын рассказал мне о вашей ссоре. Я объяснила Артему, что он вел себя непозволительно по отношению к Юлии. Грубить женщине нельзя ни при каких условиях, и за это он извинится, — Королева-бабушка обернулась к мальчику.

— Извини, Юля, — выдавил из себя он. Невеста Вадима тут же горделиво заулыбалась и вздернула вверх носик, над которым явно поработали хирурги.

— Однако замечу, — продолжила Майя Александровна, — что реакция Артема вполне естественна для мальчика его возраста. Юля сама его спровоцировала, и его вина лишь в том, какие выражения он выбрал, чтобы выказать свое

негодование ее невоспитанностью. Надеюсь, что конфликт на этом исчерпан.

— Бабушка, ты не можешь так разговаривать с моей невестой. При всем уважении к тебе, не забывайся, — разозлился Вадим.

— В своем доме я поступаю так, как считаю нужным, — отчеканила Майя Александровна.

Вадим поднялся с кресла, подал руку Юлии и, намереваясь уйти, решил оставить за собой последнее слово:

— Я тоже поступаю в своем доме так, как считаю нужным. И пока не пришел к окончательному выводу, как быть с твоей детдомовской служанкой, — он бросил быстрый взгляд на Марту и повел невесту прочь.

Буря миновала. Артем ушел обратно в сад. Майя Александровна громко выдохнула, прошла к дивану и медленно на него опустилась.

— Миша, отведи Варю к Тамаре, пусть за ней присмотрит, — распорядилась Королева-бабушка, и Михаил, не подумав возразить, подхватил племянницу на руки и понес в сторону кухни.

— Терпеть не могу, когда она в телефоне, — заметила Майя Александровна. — Тамара единственная, кто сможет переключить Варюшу на что-то другое и отобрать этот гаджет. Купить пятилетнему ребенку мобильный — идея Юли. Ей так проще занять девочку, чтобы та не мешалась. К сожалению, мой внук выбрал себе женщину, которая совершенно

не желает найти контакт с его детьми.

Майя Александровна рассказала о том, что произошло между невестой внука и Артемом. По дороге сюда мальчик рассказывал отцу о новом школьном проекте по информатике, благодаря которому сумел отличиться. Однако Юлия перебила будущего пасынка разговорами о предстоящей помолвке, а когда тот попытался вернуть внимание отца, заявила, что его домашние задания не так важны, как будущий прием. Артем, который и без того не любил отцовскую пассивность, послал ее на... Да, именно на тот самый орган, который имелся у всех мужчин. Вадим не стерпел подобной выходки и, когда они приехали к особняку, отвесил сыну оплеуху.

При том что Марте совершенно не нравился малолетний Артем, она живо представила, как мальчику стало обидно. Она не испытала к нему ни толики жалости, и, может быть, даже была немного рада, что ему не дали прихвастнуть. И все же в этой ситуации встала на его сторону. А на будущее нужно запомнить, что нелюбовь детей Вадима к Юлии может помочь ей отомстить старшему внуку великой Королевы-бабушки.

Суббота и воскресенье прошли для Марты без происшествий. Несмотря на то, что это были выходные, почти все время девушка проводила в компании Майи Александровны, слушала ее наставления на тему женственности, умения подать себя в обществе и прочего, прочего. С внуками Ко-

ролевы-бабушки она практически не пересекалась. Вадим ее игнорировал, Юра почти не появлялся в особняке, а Михаил либо возился с невоспитанной племянницей, либо сидел на своем патио за работой. Кстати, Артема Марта тоже встречала всего пару-тройку раз: дома ему было скучно, поэтому он торчал в беседке в наушниках и с ноутбуком — типичный современный подросток. Тетя-шкаф не досаждала Марте, хотя это больше походило на временное перемирие, чем на дружественный союз. С остальными служащими девушка нашла общий язык и весело болтала за одним столом.

В понедельник утром Вадим уехал на работу в Москву, прихватив с собой детей, чтобы на неделю сдать их матери. Сам же он вечером должен был вернуться, ведь Юлия специально взяла отпуск для подготовки помолвки. Это мероприятие, пусть и чисто семейное, должны были освещать два известных модных журнала: один планировал выпустить статью об убранстве праздника, другой — о самих виновниках торжества, их истории любви, заслугах в шоу-бизнесе и, конечно, стиле жизни.

Девушка пригласила дизайнера интерьера, повара и event-менеджера, разместила их в гостиной второго этажа, обзвав ее «помолвочным штабом», и не показывалась до обеда. Майя Александровна насмешливо заметила, что ее будущая невестка репетирует роль хозяйки особняка, но решила не мешать, ибо лучше так, чем компания Юлии. Марта не могла с этим не согласиться.

Прогуливаясь после обеда по саду, Куприянова-Нестерова сообщила своей компаньонке, что вечерний чай они будут пить в компании. В чьей, она не уточнила, но, когда женщины встретили Михаила, погруженного в свои мысли так глубоко, что он не заметил ни бабушку, ни ее сотрудницу, Марта стала догадываться, кто к ним пожалует. И действительно, в половине пятого к особняку подкатило такси, из которого вышла худенькая девушка лет тридцати в бледно-розовом платье и с большим кожаным ридикюлем, какие можно увидеть у докторов в старом кино.

— Марта, позвольте представить вам Мирославу, моего ангела-хранителя! — высокопарно заявила Майя Александровна.

— Здравствуйте, — произнесла Марта.

— Мирослава, это Марта, моя компаньонка. Чудесная молодая девушка с огромным потенциалом.

— Марта, приятно познакомиться! — широко улыбнулась Мирослава.

— Ну, девушки, дайте в дом, — Майя Александровна взмахнула руками, приглашая в гостиную через сад. — Знаете, Мирослава, я себя чувствую превосходно, но правое колено все-таки подводит, а еще...

Пока начальница рассказывала медсестре про свои болячки при «превосходном самочувствии», Марта рассматривала Мирославу, пытаясь понять, чем она сумела зацепить Михаила. Внешне они с медсестричкой совершенно не были по-

хожи. Марта из кожи вон лезла, чтобы выглядеть скромно и неприметно, а Мире этого не требовалось. Мышиного цвета волосы, убранные в худенький пучок, большие глаза неопределенного цвета с длинными, но редкими ресницами, тонкие губы, острый подбородок, почти впалые щеки, выпирающие ключицы, плоская грудь и полное отсутствие попы. Живи она в девятнадцатом веке, славилась бы аристократичной красотой, но сейчас... Неужели такая девушка могла очаровать Михаила? Видимо, имелось нечто иное — скромность, тихий нрав, покладистость? Снова полное противопоставление Марте.

Майя Александровна пригласила Мирославу в гостиную, а компаньонку отправила на кухню распорядиться, чтобы подали чай. Желая выслужиться перед начальницей, а заодно и перекинуться парой слов с Тамарой, Марта решила помочь с заваркой и сама отнести поднос.

— А Мира кажется милой, — завела тему Марта, высыпая в заварочник сухие чайные листья.

— Да, она очень хорошая девушка, и пусть здесь не живет, нам как своя, — Тамара сняла с плиты большой чайник и стала лить кипятка на чай.

— Не хочу показаться сплетницей, но Лида кое-что о ней рассказала... о ней и Михаиле.

— Ох, Лидка! Ладно, все равно до тебя дошли бы слухи... Все верно, наш Миша по уши влюблен в Миру, до сих пор ее забыть не может. А она скоро выходит замуж... Конечно,

если не передумает в последний момент.

— Думаешь, она может? — встревожилась Марта.

— Вполне, если Миша будет более настойчив. Не верю, что у Миры нет к нему чувств. Жених для нее — тыл, опора, постоянство... Такие, как она, часто выходят замуж из чувства долга, потом заставляют себя полюбить мужа или хоропят глубоко в сердце чувства к другому. Наша Мирослава всегда считала себя недостойной Миши, еще и Вадим на нее стал давить, когда понял, что брат влюбился. В общем, Марта, сплошная мелодрама.

— Да... вот это история.

Когда Марта с подносом появилась в гостиной, Михаил уже был там. То, как он смотрел на Мирославу и с каким благоговением ловил каждое ее слово, вдребезги разбило уверенность девушки, что она понравилась Нестерову. Видимо, он действительно относился к бабушкиной компаньонке по-доброму, но не больше. Однако Марта не привыкла сдаваться. Сейчас она тактично ушла в сторону, но лишь для того, чтобы придумать, как возвести непреодолимые баррикады между Мирой и Михаилом.

После чаепития Майя Александровна с Мирой удалились в спальню, чтобы там, без лишних глаз, измерить давление, пульс, сделать уколы и выписать рецепт на лекарства. Марта с Михаилом остались одни, и в гостиной повисло неловкое молчание. Было ясно, что мужчине больше нечего здесь делать, но он хотел дожидаться возвращения своей возлюб-

ленной медсестрички. Когда тишина стала невыносимой, он все-таки начал разговор:

— У бабушки хорошее здоровье, но Мира все равно еженедельно ее осматривает.

— Да, это правильно. Майя Александровна — огромный молодец, что так заботится о себе. Кстати, мне очень понравилась Мира...

— Да, она чудесная, — выпалил Михаил и тут же осекся, сообразив, что излишняя горячность выдала его чувства.

— К сожалению, у меня нет подруг. В институте было не до того, на работе как-то тоже не сложилось. Если честно, то мне бы хотелось подружиться с Мирой. Почему-то мне кажется, что мы бы с ней хорошо ладили.

— А почему нет? Вы могли бы куда-нибудь сходить вместе. Например, в субботу, когда в доме будет дурдом из-за помолвки... Хотите, я спрошу Миру?

Марте никак нельзя было пропускать помолвку старшего внука начальницы. Она хотела понаблюдать со стороны за всем семейством, понять, где есть трещинки, которые она может превратить в пропасть. В то же время следовало хвататься за любую возможность подружиться с Мирой, в ней Марта видела прямую угрозу своим планам.

— Да, Михаил, буду вам благодарна. Только не знаю насчет дня помолвки. Возможно, мне нужно будет помочь на кухне, сами сказали, нас ждет дурдом... — соврала Марта, ведь никто и словом не обмолвился, что она может понадо-

биться.

— Марта, и вас впрягли в это дело? Но это совсем не ваша работа! Я поговорю с Юлей! — возмутился Михаил и вскочил с дивана. Марта поняла, что нужно немедленно действовать, чтобы его остановить:

— Нет-нет! Никто меня не впрягал! Я сама подумала помочь на кухне. Лишние руки не повредят, и девочкам помогут...

— Знаете, Марта, бабуля в вас не ошиблась, — улыбнулся Михаил и снова сел на диван. Он чуть прищурился и как-то по-особенному на нее посмотрел. У Марты побежали мурашки по спине от его взгляда, но это было приятно. — Марта, хм... вы в этом доме недавно, поэтому мы соблюдаем формальности, хотя моему младшему брату они неведомы. Я вот к чему... Давайте перейдем на «ты»? В принципе, мы так со всеми, кроме Валентины Михайловны, она у нас дама суровая. Ну, что скажете?

Марта опустила взгляд, чтобы скрыть довольную улыбку. Пусть Нестеров думает, что она стесняется. Раз он любит невинных овечек, она будет для него самой белой и пушистой, но затягивать с молчанием не стоит...

— Да, я согласна, и мне будет приятно, — Марта наконец подняла голову и посмотрела Михаилу в глаза.

— В таком случае, Марта, договорились, — просиял Нестеров, и ей вдруг показалось, что воздух между ними наэлектризовался.

Как назло, в этот самый момент на лестнице слышались шаги Майи Александровны и Мирославы. Михаил обернулся и заулыбался еще шире, завидев двух женщин. Марта почувствовала легкий укол ревности и одновременно с этим совершенно незаслуженную неприязнь к медсестричке.

Мирослава пробыла в особняке до ужина. Вместе с Майей Александровной и Мартой они устроились в беседке, обсуждали книги, фильмы, суетливую жизнь в Москве и размеренную здесь, в Подмоскovie. Михаил не хотел уходить, но Королева-бабушка непрозрачно намекнула, что ему не место в дамском обществе. Марта заметила, что его это задело, но возражать Нестеров не стал.

Ближе к семи, когда из дома стал доноситься звон посуды, а на подъездную дорожку въехал огромный внедорожник Вадима, Мирослава засуетилась. Майя Александровна предложила ей услуги своего водителя, но медсестра отказалась от этой любезности и вызвала такси.

— Скоро приедет машина? — поинтересовалась Куприянова-Нестерова.

— Да, так что я, пожалуй, пойду к воротам, — ответила Мира, спешно убирая телефон. Марта успела разглядеть, что ждать такси еще тринадцать минут.

— Я тебя провожу, не возражаешь? — предложила она и повернулась к начальнице: — Можно?

— Да, Марта, это замечательная идея. Не хотелось бы,

чтобы наша Мирослава стояла одна под воротами. Потом вы можете быть свободны.

Пока девушки шли через сад, они почти не разговаривали. Но стоило выйти за территорию особняка, как беседа потекла сама собой. Без лишних свидетелей Мира поинтересовалась у Марты, как ей работается у Майи Александровны. Та начала с восторженных отзывов, но в конце пожаловалась, что чувствует себя немного одиноко. Михаил успел замолвить словечко и предложил Мирославе как-нибудь в выходной встретиться с Мартой. Тогда девушка ответила только улыбкой, которую можно было трактовать как «да» или как «нет», но теперь она сама завела об этом речь. Марта с радостью приняла приглашение сходить вместе в кино, и они условились на будущее воскресенье.

Несмотря на то, что на небе еще светило солнце, в особняке зажгли свет. Прогуливаясь через сад, Марта смотрела на величественный дом, где семейство Куприяновых-Нестеровых собиралось на ужин. Она видела Юру, спешащего к столовой, Михаила, бредущего туда же, но с другой стороны, знала, что Вадим и Юлия уже внутри, а Майя Александровна цедит аперитив в ожидании внуков. Ей вдруг стало так тоскливо от мысли, что, в отличие от них, у нее не осталось никого из близких. Единственная мысль, которая ее утешала — это то, что, если после своей мести она окажется за решеткой, некому будет по ней лить слезы.

Будни прошли в суете, которой заразили и Марту. Нехотя Майя Александровна дала добро на то, чтобы ее компаньонку ангажировали в помощь Алексу Бруксу, модному дизайнеру интерьера. У него, как у профессионала высокого класса, были свои люди, но девушка, которая отвечала за расстановку букетов с цветами, заболела, а Юлия требовала, чтобы этим занялся отдельный человек. В пятницу, накануне праздника, в особняк привезли десятки букетов английских пионовидных роз, и новой помощнице Алекса Брукса вручили план-размещение каждой вазы.

Майя Александровна в очередной раз напомнила, что Марта не обязана этим заниматься, но она уверила, что ей не в тягость, тем более этот праздник так много значил и для Вадима, и для его невесты. Королева-бабушка театрально вздохнула, но на ее лице промелькнул намек на улыбку.

Конечно, Марте было глубоко наплевать на Вадима, его заносчивую невесту и все это никчемное торжество. Однако заниматься цветами казалось веселее, чем слушать нравоучения начальницы, да и лишний раз выслужиться перед Вадимом не повредит. Все эти дни он практически не замечал Марту, достаивая ее лишь легким кивком в качестве приветствия. Зато Михаил дважды прогуливался с ней и Майей Александровной. Он был немногословен, но весьма дружелюбен. Теперь Марта не обманывалась на его счет, понимая, что сердце парня занято, но дружба поможет завоевать его, как только с горизонта исчезнет Мирослава.

Но не только Миша был расположен к Марте. Неугомонный блоггер Юра несколько раз налетал на нее, когда снимал видео. Первый раз Марта растерялась, но он повернул все в шутку, да еще развеселил ее так, что она долго смеялась и не могла успокоиться. Потом всякий раз, завидя ее, Юра отвечивал какую-нибудь шутку и, даже если она была несмешной, Марта не могла сдержать улыбки. Незаметно для себя самой, она стала и с Юрой общаться на «ты» и даже где-то в глубине души признала, что он не такой уж противный, как думала сначала.

— Марта, цветы на том столе расставляете по точкам три, четыре, пять, шесть, семь. С них начинаете. Один-два оставляем мужчинам, — распорядился Алекс Брукс, сверяясь со своей папкой. — Так, потом переходите в тот холл и так до столовой. Я — на втором этаже.

Как только дизайнер со своей свитой скрылись на лестнице, Марта не спеша приступила к работе. Она не торопилась, тем более до ужина оставалось целых два часа, а если она справится раньше, придется отправляться к Майе Александровне. Вставив наушники с любимой музыкой, она, пританцовывая, понесла первую вазу в холл.

Марта почти закончила с цветами, когда услышала из гостиной громкий плач и ругань. Она выглянула из-за угла и увидела разъяренного Вадима, что-то доказывающего своему сыну. Артем стоял, насупившись, скрестив руки на груди

и глядя в пол. Рядом с братом рыдала Варя, которая, скорее всего, не понимала, что происходит, и просто испугалась отца. Марта убрала в карман наушники, чтобы лучше слышать, в чем суть ссоры, но Вадим схватил дочь за руку и потащил в сторону кухни, оставив Артема в гостиной одного. Тогда она решила вернуться к своей работе, взяла очередную вазу и пошла с ней в холл, но не успела туда дойти, как услышала грохот и звон бьющегося стекла. Поставив вазу на ближнюю тумбочку, Марта ринулась обратно и застала Артема на месте преступления.

Парень стоял рядом с осколками хрустальной вазы, некогда идеально собранные розы понуро валялись на полу, в ковер медленно впитывался бледно-голубой раствор для цветов, благодаря которому они должны были стоять по меньшей мере неделю. Испуганный Артем поднял взгляд на Марту, и в его огромных голубых глазах она увидела смесь ужаса и мольбы. Это было красивое фиаско мелкого избалованного мальчишки. После скандала с отцом так легко обвинить его в том, что он сделал это нарочно. Одного букета не хватит в идеальном плане Алекса Брукса, на ковре останется заметное пятно, Юлия будет в ужасе.

Стоило только о ней подумать, как блондинка в розовом плюшевом спортивном костюме моментально нарисовалась перед ними. Сначала она недовольно посмотрела на Марту, потом перевела взгляд на Артема и лишь затем увидела разбитую вазу. На ее лице за несколько секунд сменились са-

мые разные эмоции: от удивления и злости до, как показалось Марте, некоторого злорадства.

— Я говорила твоему отцу, что от тебя будут только неприятности! Говорила, что тебя нельзя приглашать на помолвку! Будь моя воля, тебя бы и на свадьбе не было! Ты! Ты! Мелкий гад!

Юлия шагнула к Артему, и мальчишка совсем вжал голову в плечи. Он крепко зажмурился, будто сдерживал слезы или готовился к удару, хотя от этой злобной гадины можно было ждать чего угодно. Еще шаг — и Артем распахнул глаза, набрал в рот воздуха, но ничего не произнес.

— Это не он! Это я разбила! — вдруг выкрикнула Марта. — Артем, наоборот, хотел помочь собрать осколки...

— Ты?! Бездомная шавка! У тебя руки вообще откуда растут?! Эта ваза стоит больше, чем ты можешь себе представить! Про чистку ковра — молчу! Стоимость всего этого, — она обвела пальцем по воздуху бедлам на полу, — будет вычтена из твоей зарплаты при увольнении, а если зарплаты не хватит, будешь мне возмещать. А тебя уволят. И немедленно.

На визг невесты сбежались домочадцы и прислуга. Даже Майя Александровна вышла среди остальных. Она сурово посмотрела на разбитую вазу, потом на правнука, Марту и Юлию.

Глава 6

Марте казалось, что она стоит голая на центральной площади пуританского городка, где собрались жители, чтобы забросать ее камнями. Добрая Тамара, суровая Тетя-шкаф, грустный Леонид Борисович, Света и Катя — две кухарки, Настя, горничная, которая в тот день работала вместо Лиды, Сергей. Практически все служащие были здесь — на ее суде, но они представляли массовку. Первые ряды заняли Вадим, Юра, Миша и сама Майя Александровна. Мерзкая Юлия выступала в роли обвинителя, а Артем — свидетеля, правда, безмолвного.

У Марты навернулись слезы на глаза, но не от страха перед мерзкой, крикливой девицей. Ей было обидно от собственной глупости: взять и разрушить одним необдуман-ным поступком то, к чему она шла долгие годы: проникнуть в особняк Куприяновых-Нестеровых, приблизиться к Майе Александровне и ее семейству. Еще досаднее было то, что ее уволят по вине мальчишки, которого Марта собиралась подставить первым. Она посмотрела на него, но отчего-то не почувствовала ничего, кроме жалости. Сейчас вся ее злость сосредоточилась на Юлии, чьи жестокие слова полоснули по сердцу.

— Вадим, немедленно рассчитай эту девушку, — прошипела разгневанная невеста.

— Марта, это вышло случайно? — холодно спросил Куприянов. — Вы же понимаете, что вам придется возместить ущерб?

— И все это из-за какой-то вазы? — вмешался Михаил. — Между прочим, Марта вызвалась помочь с этим сама, ее не нанимали расставлять по дому розы!

— Вадим, скажи ему, — метнула гневный взгляд в жениха Юлия.

— Миша, будь добр... — Вадим махнул рукой в сторону брата, словно хотел отогнать назойливую мошку. — Марта, если вы не умеете заниматься подобными вещами, зачем брались? Это был ваш выбор.

— Не ее... — негромко пробормотал Артем, но его отец услышал.

— Я не с вами разговариваю, молодой человек! Вас я вообще попрошу уйти! — возмутился праведным отцовским гневом Вадим.

— Но, пап, Марта не виновата! — пролепетал мальчик.

— Марш отсюда! — Вадим указал сыну на дверь, и тот послушно поплелся на улицу.

— Извините, я действительно не хотела. Сейчас все уберу. — Марта наконец нашла в себе силы заговорить.

— Уберешь?! А что ты сделаешь с тем, что нам не хватит вазы?! Между прочим, она должна была стоять у окна в сад, и там мы с Вадимом собирались фотографироваться для журнала!

— Слушайте, кончайте этот сыр-бор, а? — с кривой ухмылкой заявил Юра. — Ничего же не произошло. Подумаешь, ваза! Этот твой напoмаженный пижон что-нибудь придумает. Поставите к окну другие цветы, эти розы сунете в наш хрусталь, у бабули тут ваз навалом...

— Юра, вот не лезь, а! — прорычала блондинистая фурия.

— В любом случае, у тебя нет права оскорблять Марту! — снова вклинился Михаил.

— Тебе тоже, кажется, сказали проваливать! — взъелась Юлия. — И вообще, я не понимаю, что вы все тут забыли! Дело касается меня, Вадима и этой... Также мне, на представление явились!

— Дорогая, прошу тебя, — попытался урезонить невесту Вадим, но она его проигнорировала.

— Не понимаю, за что мне все это?! Я столько времени потратила на то, чтобы праздник был идеальным...

— Я увидела и слышала достаточно, — наконец нарушила молчание Майя Александровна, и все замерли в трепетном ожидании. На ее лице не отразилась ни одна эмоция, и Марта не могла понять, какой вердикт собирается вынести Королева-бабушка. — Прошу всех разойтись. Останутся только Юлия и Марта.

Вадим попытался возразить, но Майя Александровна осталась непреклонна. Персонал быстро разошелся по своим делам, а вот братья покинули арену действий нехотя. Ухо-

дя, Михаил посмотрел на Марту и легко ей улыбнулся. Этот незначительный жест придал ей уверенности. Что бы ни решила Королева-бабушка, она будет бороться за то, чтобы остаться в особняке.

— Надеюсь, вы поступите по справедливости, — уже без былой уверенности сказала Юлия.

— Знаешь, дорогая, есть одна старая китайская мудрость. Она помогает отличить благородного человека от простака, который лишь метит высоко, но до вершины не дотягивает. Так вот, благородный человек не разменивается по мелочам. Его не заботят незначительные, не играющие особой роли вещи, такие... как, например, разбитая ваза. Создавать важность из подобной ерунды будет лишь простак, желающий выглядеть на статус выше, чем он есть на самом деле...

— Я не понимаю, — промямлила Юлия.

— Разбитая ваза — не повод для истерики. Устраивать сцену перед семьей и сотрудниками особняка недостойно женщины того положения, на которое ты претендуешь, — отчеканила Майя Александровна и посмотрела на свою компаньонку. Марте показалось, что в глазах начальницы вспыхнул недобрый огонек, но Королева-бабушка все еще не теряла своей выдержки. — Что касается Марты, то ее я не уволю. Во-первых, она не сделала ничего предосудительного. Более того, сама вызвалась помочь, хотя от нее этого никто не требовал. Ты же это приняла как должное и даже не поблагодарила. А во-вторых, Марта будет нужна мне завтра на празд-

нике.

— В смысле, нужна? — нахмурилась Юлия.

— Марта будет меня сопровождать в гостиной и за ужином сядет рядом со мной.

— Но вы не понимаете... Майя Александровна, это же семейный ужин. Только близкие. И потом, сажать прислугу за стол...

— Дорогая, ты же не станешь указывать мне, как себя вести? — ухмыльнулась Куприянова-Нестерова.

— Нет. Конечно.

— А сейчас разыщи своего дизайнера, пусть придумает, как заменить разбитую вазу. Полагаю, что Марта может быть свободна от обязанностей цветочного декоратора?

— Да, — смиренно произнесла девица.

— Хорошо, тогда я поднимусь к себе. Вся эта сцена совершенно лишила меня сил, — проговорила Гран-бабушка и собралась уходить, но замешкалась. — Марта, с вами мы завтра все обсудим. Сейчас отдыхайте.

Марта понимала, что ее приглашение на помолвку Вадима и Юлии — всего лишь способ осадить зарвавшуюся невесту. Не случись всей этой истории со злосчастной вазой, Майе Александровне не пришло бы в голову звать ее на торжество. Так небольшое фиаско привело к значительной победе: Марте выпал случай лучше познакомиться с членами Святого семейства.

Раздираемая самыми противоречивыми чувствами, Мар-

та решила немного проветриться. Ей не хотелось идти на кухню, где бы она обязательно оказалась в центре внимания коллег, но и подниматься к себе еще было рано. Она вышла из главного дома и не спеша побрела по подъездной дорожке. Вдруг ее кто-то окликнул. Марта подняла взгляд и увидела Артема. Он махал ей из беседки, приглашая подняться к нему. Посмотрев по сторонам, она решила составить компанию этому сорванцу, тем более теперь они почти что оказались в одной лодке.

— Марта, тебя же не уволили? — встревоженно спросил парень. — Я правда хотел сознаться, но папа меня прогнал, и в конце концов я струсил.

— Нет, Тем, все в порядке. Вмешалась твоя прабабушка, и кончилось тем, что я завтра буду сопровождать ее на празднике.

— Правда? — широко улыбнулся Артем.

— Правда, — подтвердила Марта.

— Знаешь, я потом все равно скажу правду, — немного помолчав, сказал он. — Только попозже, когда они не будут так злиться.

— Не думаю, что это хорошая идея. Все разрешилось, зачем снова ворошить осиное гнездо?

— Ну это же нечестно. Все будут думать, будто ты разбила вазу, и папа теперь на тебя сердится, а когда он на кого-то сердится, то это надолго.

Марта была поражена честностью парнишки. Он открыл-

ся для нее совершенно с другой стороны, бывшая неприязнь начала медленно отступать.

— Мне совершенно наплевать, что будут обо мне думать. Одна разбитая ваза — это такой пустяк!

— Но Юлька кричала, как истеричка...

— Ты ее не любишь, да?

— Это вообще-то взаимно. Ей никто не нравится, кроме папы. Нас с Варей она не любит. Говорит, что мы — обуза. Недавно я подслушал, как она говорила папе, что нам лучше все время жить с мамой и не приезжать на выходные. А знаешь, что папа? — Артем выжидающе посмотрел на Марту, но она понимала, что ее ответа не требуется. — Папа ничего не сказал. Он не стал с ней спорить, не стал говорить, что мы вроде как и его дети, и он нас любит. Вот так.

— Может быть, он просто не хотел идти на конфликт с невестой? — предположила Марта.

— Мне все равно. Он постоянно не хочет с ней ссориться, а на мне срыгается. Варю папа не трогает, она маленькая и еще ничего не понимает, а я у него, как бельмо на глазу...

— Не говори так.

— Но это правда! Вот на той неделе я стал рассказывать ему о своем школьном проекте, над которым, между прочим, работал с того года. В ноябре будет конкурс, я подал заявку, меня отобрали, а папа не захотел слушать. Ему важнее, что подадут завтра на стол: кролика или утку. Фу... Кролики и утки такие прикольные, как их вообще можно есть?

Марта грустно улыбнулась, вспомнив себя в детстве, когда с родителями отправилась на ферму, где разрешалось поводить с животными. Тогда она просто влюбилась в очаровательных меховых кроликов и с тех пор даже слышать не желала, что их можно есть. К уткам подобной любви она не испытывала, но все равно жалела этих неуклюжих птиц, пускаемых на убой. Марта любила животных, и даже сложные жизненные испытания не лишили ее трепетного отношения к братьям нашим меньшим. Возможно, когда-нибудь она даже станет вегетарианкой, но пока приходилось есть то, что дают или на что хватает денег.

— О чем ты задумалась? — спросил вдруг Артем, и Марта сообразила, что уже давно витает в своих мыслях.

— Не поверишь... о животных. Я тоже не ем кроликов. Мне их жалко.

— Круто. Мы похожи.

Марта бы никогда так не сказала, но вдруг поняла, что в чем-то мальчик оказался прав. Несмотря на то, что у него была большая семья, Артем был одинок.

— А твои родители вместе или в разводе?

— Мои родители умерли.

— Ой, прости. Я не знал. Точнее... блин, вот я дурак. Юлька же говорила, что ты из детского дома. Блин, прости опять.

— Ничего, — Марта подбадривающе похлопала парня по плечу. — Я не скрываю правду. У меня были замечательные

родители, я их очень любила, но потеряла обоих.

— А они друг друга любили? — продолжил расспросы Артем.

— Очень.

— Повезло. А мои почти не общаются.

— Зато у тебя они есть, а еще дяди, бабушки, дедушки и даже прабабушка...

Марта перечисляла членов семьи с таким упоением, будто бы речь шла о ее собственных родственниках. Снова накатила волна грусти, что у нее никого не осталось, а еще легкая зависть к этому мальчишке, ведь у него такое большое семейство. Она бы отдала все на свете, только бы почувствовать себя нужной кому-то — троюродной бабушке или дальней тетке...

Вдали, от одной из сосен отделилась тень. Медленно она стала приближаться к беседке. Артем не сразу ее заметил, а вот наученная горьким детдомовским опытом Марта моментально подметила, что кто-то движется в их сторону. Войдя в свет фонаря, Михаил стал узнаваем.

— Кажется, к нам идет твой дядя, — взволнованно сказала Марта, не в силах перестать на него смотреть.

Михаил был серьезен, даже немного мрачен, и сейчас походил на героя готического романа авторства Джейн Остин или сестер Бронте. В памяти моментально всплыл момент, когда Миша заступился за Марту перед братом и Юлией — эдакий рыцарь в блестящих доспехах.

— Привет, я не помешаю? — спросил Нестеров, заглядывая в беседку.

— Нет, Мишань, заходи.

Этот слегка фамильярный тон слегка покорибил Марту. Отчего-то она решила, что все в благовоспитанном семействе должны общаться по правилам этикета, навязываемым Королевой-бабушкой. Ее бы меньше удивило обращение «дядюшка Михаил», чем это плебейское «Мишань».

— Я вышел немного пройтись. Сегодня мне не работается, и увидел вас. Что тут за свидание в ночи? — пошутил он, но, кажется, смутил племянника.

— Просто дружеская посиделка. Я тоже вышла подышать воздухом, и Артем позвал сюда, — ответила Марта.

— Как ты? — уже без толики задора поинтересовался Миша. Его брови снова сошлись к переносице, а взгляд медово-карих глаз проник под напускную Мартину броню. От этого у нее свело живот. Кто-то бы назвал подобное ощущение «порхающими бабочками», но к черту розовую романтику. Марта ощутила нечто похожее на тягучую боль и одновременно с этим влечение.

— Нормально, спасибо. И спасибо, что ты за меня вступился, — Марта отпустила взгляд, стыдясь собственных чувств.

— Юля не должна была так себя вести, — холодно произнес он. — Какая-то дурацкая ваза — не повод, чтобы оскорблять человека.

— Тем более Марта ее не разбивала! — выпалил Артем.

— Что? — Миша с удивлением посмотрел на племянника.

— Тем, не надо, — предостерегающе сказала Марта.

— Это я разбил вазу. Сшиб ее, когда надевал рюкзак. Я честно не хотел, — стал оправдываться мальчишка.

— Но почему тогда все накинудись на Марту?!

— Потому что она меня спасла. Я хотел потом рассказать правду, ну... когда папа и Юлька набросились на Марту, но испугался.

— Тем, ты должен во всем сознаться. Нечестно, что Марте за тебя досталось, — строго сказал Миша.

— Понимаю. И расскажу, только попозже...

— Слушайте, не надо никому ничего рассказывать! — влезла в диалог Марта. — Все разрешилось: меня не уволили, Майя Александровна, кажется, не злится. Для чего снова поднимать эту тему? Давайте просто забудем? Если честно, я вообще не понимаю, как можно разыгрывать такую драму из-за какой-то вазы. Да, я понимаю, что она дорогая и привезена в аренду, но серьезно?

— Здесь речь идет не о вазе, Март, а о честности, — Михаил потрепал племянника по волосам, но тот быстро увернулся.

— Тема и хотел быть честным, он говорил мне, что собирается рассказать, как все было на самом деле, но я попросила его этого не делать. Пожалуйста, давайте обо всем за-

будем. Это я разбила дурацкую вазу, и точка.

— Ты классная! — с восхищением выпалил мальчишка.

— Ладно, убедили. Давайте обо всем забудем, — сдался Михаил. — Кстати, Тем, тебе домой не пора? Время позднее. Папа будет искать.

— Не будет. Ему все равно. Он с Юлькой, — вздохнул паренек. — Но я пойду, а то что-то холодно. — Артем соскочил с лавочки, сделал пару шагов и обернулся. — А вы идете?

— Я немного посижу здесь, — ответил Михаил и посмотрел на Марту. — Составишь мне компанию?

— Да, конечно. — Марта почувствовала, как ее лицо заливают краской. Хорошо, что на улице уже стемнело, и Нестеров не мог этого видеть.

Когда Артем ушел, Михаил и Марта некоторое время сидели молча. Где-то вдалеке послышался шум проезжающей машины (наверное, фура съехала по ошибке с главного шоссе), но вскоре он стих, и безмолвие вечера нарушали лишь пение птиц и стрекот сверчков. Уже было по-осеннему прохладно, и Марта поежилась. Михаил, заметив это, снял с себя кожаную куртку и накинул ей на плечи. Если забыть, зачем она явилась в особняк, и не думать, что Миша влюблен в другую, можно было бы представить, что у них свидание. Марта позволила себе недолго об этом помечтать.

— Ты выручила моего племянника. Спасибо, — развеивая приятные романтические грезы, заговорил Михаил.

— Мне стало жаль его. Как я поняла, у них с Юлией не

заладилось...

— Она не любит детей Вадима, не знаю, будет ли любить своих. Юля неплохая, но эгоистичная и самовлюбленная. Брат потерял от нее голову. Иногда мне кажется, что она превращает Вадима в идиота, и это при том, что из нас троих он всегда был самым умным и расчетливым, — признался Михаил.

— Но Вадим же любит Тему и Варю?

— Конечно, любит. Дети для него все, но при Юле он этого не показывает, а зря. Темка тяжело переживал развод родителей, замкнулся в себе, часами сидел за компьютером. Кстати, ты знаешь, что он у нас маленький гений?

— Гений? — удивилась такой характеристике Марта.

— Он придумывает компьютерные игры. Сам пишет коды, а сюжетом иногда просит моей помощи. Тема сейчас разработал квест: поиски сокровищ, путешествие на корабле, поезде, воздушном шаре и даже вагонетке! Очень сильно. Игру он отправил на конкурс, и, если победит, то ее официально выпустят.

— Так вот о каком проекте он говорил! — догадалась Марта.

— Он тебе рассказывал?

— Только то, что хотел поделиться этой новостью с отцом, но тот не стал слушать. Тему это задело.

— Еще бы... — вздохнул Миша. — Ему здесь совсем тоскливо. В Москве хотя бы есть друзья, а тут только дядьки,

занятые своими делами, и прабабушка. Не лучшая компания для подростка, поэтому, когда я увидел вас вместе, обрадовался. Понимаю, что вы не подружитесь, но все-таки, если ему будет с кем поболтать, кроме семьи — хорошо. С другим персоналом он не особо общается. Это Варюшка — всеобщая любимица. Тема — другой. Марта, не знаю, как и просить... — Нестеров смущенно отвернулся и, откашлявшись, продолжил: — В общем, если Тема захочет с тобой поговорить, не отталкивай его, ладно?

— Ладно... Если честно, то сначала он мне показался другим и не особо понравился, но сегодня я получше его узнала, и... твой племянник мне понравился. Я буду рада болтать с ним иногда.

Марта говорила искренне. Артему удалось тронуть ее за душу, и, черт возьми, она к нему прониклась. С ним оказалось легко и хорошо, потому, что мальчишка говорил открыто, не юлил, не пытался что-то выдумать и оправдать себя. Он совершенно точно не заслужил ее мести, и Марта решила пересмотреть список тех, кому собиралась причинить вред.

— Спасибо, Марта, — Михаил вдруг сжал ее ладонь. Это было похоже на удар электрического тока, но он тут же отпустил ее руку. — Уже поздно. Думаю, и тебе, и мне пора по домам.

— Да... — не без грусти согласилась девушка.

Михаил проводил Марту до главного дома. Она сняла с плеч его куртку, протянула ему и, будто бы случайно, косну-

лась Мишиной руки, снова почувствовав тот самый разряд тока.

К сожалению, Нестеров не почувствовал ничего. Не было ни долгого взгляда, ни прерывистого дыхания, ни попытки приблизиться к ней... Без всякого намека на романтику Миша попрощался с Мартой, пожелал ей добрых снов и поспешил к себе, ни разу не оглянувшись.

Войдя в особняк, Марта налетела на Тамару. Повариха скромно сидела на банкетке в прихожей, а не хлопотала в своем кухонном царстве.

— Я ждала тебя, Марта! — женщина подскочила с места. — Боялась, что ты войдешь через сад, но когда Темка сказал, что ты с Мишей в беседке, поняла, что встречу тебя тут.

— Что-то случилось? — встревожилась Марта.

— Нет, моя девочка! — Тамара неожиданно заключила девушку в объятия и по-матерински стала гладить по голове. — Как на тебя накинута эта фурия! Но ты не переживай, не принимай все близко к сердцу...

Тамара продолжала успокаивать совершенно нерасстроенную Марту, но делала это так вдохновенно и с такой любовью, что отстраниться не было сил. Как давно она не чувствовала ласки, сколько лет никто вот так не обнимал Марту. Хотелось раствориться в теплых, пропахших кухней Тамариных руках, но, к сожалению, всему приходит конец, и повариха отстранилась.

— Ты проголодалась? На ужин не пришла... Пойдем тебя

накормлю.

— Нет, спасибо. Если честно, я совсем не голодна, — ответила Марта.

— Хорошо, но учти: в холодильнике, в лотке под синей крышкой — лазанья. Проголодаешься — смело бери.

— Спасибо, Тамара.

— Пожалуйста, дорогая, — женщина улыбнулась, но как-то замялась, будто хотела еще что-то сказать, но не решалась.

— Что?

— Марта, если вдруг тебе будет грустно, или захочешь поговорить — не стесняйся, заходи ко мне. Хорошо?

— Спасибо, — Марта широко улыбнулась, с трудом сдерживая пытавшиеся навернуться на глаза слезы.

— А теперь беги к себе, отдыхай. Завтра сложный день. Нам уже донесли, что ты будешь ужинать со всеми, — Тамара подмигнула Марте. — Но ты не переживай, все будет отлично.

— Спасибо, Тамара.

Марта совершенно не волновалась из-за будущего ужина, напротив, испытывала трепетное волнение и не в последнюю очередь потому, что будет сидеть за одним столом с Мишей. Нестеров с каждым днем нравился ей все сильнее, но прощать его она не собиралась. Придет время, и Марта нанесет ему удар в самое сердце, и пусть сама при этом погибнет от рикошета.

Марта поднялась на свой этаж, завернула в коридор и по-

лезла в карман за ключом от спальни, как вдруг застыла на месте. Дверь в ее комнату была приоткрыта, и из широкой щели на ковер падал луч света. Подойдя чуть ближе, она поняла, что внутри кто-то есть. Тогда Марта шагнула вперед и резко распахнула дверь. Валентина Михайловна замерла, сжимая в руках розовую Мартину блузку.

— Что вы здесь делаете?! — Марта окинула взглядом комнату и увидела разбросанную повсюду одежду. Шкаф практически пустовал. — Почему роетесь в моих вещах?!

— Майя Александровна отпустила меня удостовериться в том, что тебе есть, что надеть завтра вечером, — отчеканила Тетя-шкаф и отшвырнула блузку.

— Но она явно не подразумевала того, что вы делаете! Вы могли спросить у меня, вместо того чтобы лезть в мой шкаф!

— Тебя не было. Шляешься непонятно где. Я не собиралась ждать тебя до ночи. И из твоих тряпок ничего не подходит.

— Я сама разберусь, что мне надеть. В ваших советах не нуждаюсь, — Марта презрительно осмотрела управляющую. — Поверьте, давать советы по стилю — точно не ваше призвание.

— Что?! Да как ты смеешь?!

— Это как вы смеете! Вошли без спроса в мою комнату, сунули нос в мой шкаф! Думаю, когда Майя Александровна завтра узнает, каким образом вы решили исполнить ее поручение, то вряд ли останется довольна.

Валентина Михайловна вмиг побелела — то ли от ярости, то ли от страха. Марта знала, куда бить. И хотя она блефовала, что обо всем доложит начальнице, чувствовать власть над Тетей-шкаф было приятно. Она сложила руки под грудью, наслаждаясь своей небольшой победой.

— А ты, я смотрю, осмелела. Пришла к нам такой милой скромной девочкой, а теперь показала настоящее лицо, — выплеснула яд Валентина Михайловна.

— Вы сами меня провоцируете. Решили, что я буду молча терпеть?! Может быть, другие девочки вас и боятся: Лида, Настя, Катя, но не я! — Марта шагнула к Валентине Михайловне, и та неосознанно попятилась назад. — Вам не получится меня извести и выкурить из этого дома. Я уйду отсюда только на своих условиях. Все, что вы можете сделать, — это не лезть ко мне, иначе пожалеете.

— Ты слишком много на себя берешь! Если я расскажу об этом разговоре...

— ...то я выверну все так, что вас же обвинят в несправедливом ко мне отношении. Ни для кого не секрет, что вы мечтали устроить к Майе Александровне свою племянницу и, судя по всему, до сих пор не потеряли надежду, что ваша обожаемая Танечка займет мое место. Готовы ради этого меня подставить?

— Ладно. Сейчас твоя взяла. Но не думай, что я забуду все, что ты наговорила. Остерегайся, девочка, ты обязательно оступишься, и тогда: пока-пока! — Тетя-шкаф театрально

но помахала рукой, развернулась и направилась к двери, но задержалась на пороге. — И еще, Марта, я пока не знаю, зачем и почему ты пришла в наш особняк, но ты здесь не просто так. Десяток более подходящих кандидаток Куприянова-Нестерова развернула после получасовой беседы, а тебя сразу же взяла. В какую игру ты бы ни играла, наша Майя Александровна тебя переиграет.

Глава 7

Этой ночью Марта практически не сомкнула глаз. Она никак не могла выбросить из головы слова Тети-шкаф о том, что Майя Александровна вела свою игру. Если это было так, чего тогда ждать дальше? Но как дамочка могла выяснить, кем Марта была на самом деле? Конечно, у них с матерью одна фамилия, но мало ли Черновых в Москве? И все же нельзя списывать со счетов такую вероятность, нужно быть начеку на случай, если Куприянова-Нестерова решит... избавиться от нее.

Все утро Марта чувствовала себя разбитой. Не помог даже крепкий тамарин кофе. К тому же Майя Александровна с самого пробуждения была не в духе и, забыв, что суббота — оговоренный Мартин выходной, вела себя как капризная старуха. Сначала она отказалась завтракать в столовой и потребовала, чтобы компаньонка осталась с ней в спальне, но вела себя холодно и только жаловалась на погоду, шум с улицы и отвратительную цветочную арку в саду для фотосессии жениха и невесты. Потом, когда Валентина Михайловна подала завтрак, Майя Александровна недовольно заметила, что он сервирован на одну персону. Тетя-шкаф стала оправдываться, что ее никто не предупредил о Марте, ведь предполагалось, что до вечера девушка будет свободна. Майя Александровна на это только хмыкнула, и подчинен-

ным оставалось лишь гадать, что она этим имела в виду.

После завтрака Куприянова-Нестерова спохватилась, что ее управляющая права, и компаньонка действительно может быть свободна на день, но, учитывая вечернюю загруженность, предложила поработать весь день, а в обмен устроить выходной в понедельник. Марте ничего не оставалось, как согласиться. Обед им тоже подали в «покои» Майи Александровны. Женщина явно не желала показываться в гостиной раньше вечера, и в этом Марта ее поддерживала. Она знала, что Юлия спозаранку на ногах, а ее свита шныряет по всему дому и не дает покоя никому из персонала. Учитывая вчерашнюю сцену, Марта была рада не попадаться им на глаза.

— Марта, я так и не уточнила, вам есть что надеть на ужин? — вдруг спохватилась Майя Александровна, рассматривая свой наряд. Она выбрала строгое светло-бежевое платье с коротким жакетом в тон. Слишком деловой и холодный образ, как показалось Марте, но, может быть, этим будущая свекровь-бабушка хотела показать свое отношение к происходящему?

— Да, у меня есть шелковая блузка, она выглядит нарядной, и юбка-карандаш. Темно-синяя. Помните?

— Моя одежда вам будет мала. К сожалению, природа не наградила меня пышными формами, но я хочу предложить вам одно коктейльное платье, которое мне подарили лет пятнадцать назад, когда я приезжала в Японию. Его особенность — в дизайне-конструкторе: его можно надеть разными спо-

собами и подогнать под любую фигуру. Подарок я взяла, но так ни разу и не надела. Для меня этот наряд был чересчур вычурным, а вот на вас будет смотреться интересно.

Майя Александровна отвернулась от шкафа, где висела ее повседневная одежда, и направилась к своей гардеробной, поманив за собой Марту. За неделю, что девушка работала на Куприянову-Нестерову, она ни разу сюда не заглядывала, хотя ее снедало любопытство. Это было царство дизайнерской одежды: на вешалках, рассортированные по цвету и оттенкам, шли ряды платьев и костюмов; в небольших полках-ячейках, чуть ли не до потолка, стояла самая разная обувь, а рядом с большим зеркалом висели ремни, пояса и шейные платки. То, что Майя Александровна собиралась надевать в ближайшее время, она перевешивала в свой шкаф, остальное же покоилось в этой святой святых.

Женщина прошла вглубь гардеробной и сняла с вешалки черное платье с ярко-красными вставками. Оно действительно выглядело необычно и даже чем-то напомнило Марте карнавальный костюм. Майя Александровна приложила наряд к своей компаньонке и довольно кивнула головой.

— Переодевайтесь и выходите в комнату, я взгляну на вас. Застежки, если что, можно подвязать как спереди, так и сзади, — с этими словами Королева-бабушка удалилась, оставив Марту наедине с этой инопланетной вещью.

Она не сразу разобралась, что делать со странным куском дорогой материи, и сначала натянула его задом наперед.

Но потом, сообразив, что таким образом вырез будет слишком вызывающим, перевернула платье и увидела, как заиграл на ней этот наряд. Асимметричная юбка, широкие рукава и крой — все это было плодом фантазии какого-то сумасшедшего японского дизайнера, но так подходило Мартиной натуре, что девушка ахнула вслух. Платье полностью соответствовало и ее внешности, и характеру. Майя Александровна ловко это подметила. Когда Марта вышла к ней, начальница довольно кивнула.

О прическе и макияже своей подопечной Майя Александровна также позаботилась. Она попросила своего стилиста Алека заняться сначала Мартой, а уже потом накрасить и уложить ее. По просьбе Марты Алек сделал ей совсем легкий макияж, хотя и настаивал на «алом цвете помады для таких прекрасных пухлых губ». Еще не пришло время, чтобы демонстрировать себя во всей красе, поэтому девушка расстроила его, упросив остановиться на прозрачном блеске. Правда, вопреки всем ее увещаниям, и без того пышные черные ресницы стилист плотно накрасил тушью, чтобы создать эффект кукольных глаз. Когда Марта взглянула на себя в зеркало, то обомлела. Она действительно выглядела шикарно и дорого.

Майя Александровна осталась верна своему извечному образу: идеальный пучок и легкий естественный макияж. Единственное, в чем она уступила Алеку, — позволила сделать прическу немного выше обычного.

Из спальни начальницы Марта слышала, как собираются гости. Первыми прибыли отец Вадима и его супруга — мать Миши и Юры. Глядя из окна, как пара выходит из блестящего черного автомобиля, Майя Александровна стала посвящать свою молодую помощницу в особенности их семейных отношений, которые Марта прекрасно знала и без нее.

Александр Борисович, стремившийся найти себя в науке, терялся на фоне первой жены, матери Вадима. Ирина Вадимовна всю себя отдавала профессуре, забывая и о муже, и о сыне. Рядом с такой женщиной Александр Борисович чувствовал себя униженным, поэтому в браке начались проблемы, и в итоге он распался. Наученный горьким опытом, Куприянов-Нестеров второй раз женился на женщине статусом ниже — обычной школьной учительнице.

Полина Анатольевна (но для всех просто Полина) была классной руководительницей Вадима и тепло относилась к мальчику, обделенному материнской заботой. Вадим отвечал ей взаимностью, что стало главным фактором в решении Александра Борисовича на ней жениться. По тону начальницы Марта поняла, что Майя Александровна симпатизирует второй невестке, отчего захотелось скорее с ней познакомиться.

Следом за бывшим мужем на такси приехала Ирина Вадимовна. Марта не успела ее рассмотреть, потому что женщина поспешно вошла в дом. Она, кажется, даже не попрощалась с водителем, хотя чему удивляться? Ирина Вадимовна все-

гда вела себя высокомерно. Марта видела пару телепередач, где та выступала в роли эксперта и всем своим видом показывала, как глубоко разбирается в теме, о чем бы ни зашла речь. Вадим внешне очень походил на мать, унаследовав от нее и орлиный нос, и голубые глаза, и острый подбородок.

Почти сразу к особняку один за другим приехали еще два такси. Первое привезло импозантного брюнета в кожаном плаще, видимо, того самого режиссера, собиравшегося снимать в своем фильме Юлию, а второе — пожилого мужчину, который первым делом поднял взгляд на окно Майи Александровны и, увидев ее, почтенно поклонился. Куприянова-Нестерова могла бы и не говорить, что этот старик и есть их семейный врач, а по совместительству друг семьи — Владимир Кириллович Левоненков, но все же она заочно представила его Марте.

Почти сразу после того, как такси выехало с подъездной дорожки, к особняку подкатил лимузин, однако из него никто не вышел. Майя Александровна заметила, как Марта высматривает кого-то в окно, и присоединилась к ней.

— Глядите, Марта, это начало шоу...

Вдруг, откуда ни возьмись, машину окружил десяток фотографов. Облаченный в самую настоящую форму с фуражкой водитель вышел из автомобиля и направился открывать дверцу своим важным пассажирам. В этот момент из дома выскочил Вадим, он сбежал по лестнице и, опередив водителя, сам открыл дверцу главным гостям. Фотографы, как

по команде, принялись за работу. Сначала из лимузина выполз высокий, пузатый мужчина в угольно-черном костюме, он подал руку своей спутнице, и, как только она нарисовалась рядом с ним, парочка начала лучезарно улыбаться камерам.

— Винеры, родители Юли. Теперь вы видите, в кого она.

— Это ее родная мать? — не удержалась от вопроса Марта, поскольку женщина казалась если не ровесницей, то незначительно старше Юлии. На ней было атласное платье в пол, облегающее точеную фигуру, меховое манто и массивные украшения. Под подолом обуви не было видно, но Марта полагала, что женщина надела высокие шпильки.

— Родная. Ей пятьдесят шесть, но выглядит она далеко не на свой возраст, хотя ее молодость — заслуга пластической хирургии.

Как только кончилась фотосессия Винеров, и они двинулись в дом, Вадим помог выйти из лимузина своей невесте. Марта непонимающе нахмурилась. Она была уверена, что Юлия в доме. Майя Александровна поспешила ей объяснить:

— Это Юлин сценарий. В хронике напишут, что невеста прибыла к жениху с родителями, а еще все то, что мы видим вокруг, якобы подготовил Вадим. Красивая сказка для любителей мелодрам.

Майя Александровна махнула рукой и отошла от окна. Марта решила, что теперь и им пора спускаться в гости-

ную, однако Куприянова-Нестерова села в свое вольтеровское кресло¹⁰, взяла с тумбочки томик «Братьев Карамазовых», открыла на заложённой странице и стала читать. Не зная, чем себя занять, Марта продолжила смотреть в окно, но там больше не происходило ничего интересного — жених и невеста уже скрылись в доме, а ей так и не удалось разглядеть наряд Юлии.

Прошел почти час, как в дверь постучали, однако Майя Александровна продолжала делать вид, что кроме Достоевского ее более ничего не занимает. Стук повторился, а потом из-за двери послышался взволнованный Мишин голос:

— Бабушка, тебя все ждут! Все в порядке?

— Марта, будьте любезны, откройте Мише. — Майя Александровна отложила книгу обратно на тумбочку и направилась в гардеробную.

Марта совершенно не понимала поведения Королевы-бабушки. С чего вдруг в такой день она решила стать затворницей? Или же это часть ее коварного плана по избавлению от компаньонки? Девушка послушно направилась к двери, попутно поймав в зеркале свое отражение и оправив прическу. Ненадолго она замерла в нерешительности, но, переведя дыхание, повернула ручку.

— Юля уже... — Михаил не договорил, он замер на поро-

¹⁰ Вольтеровское кресло – кресло с высокой спинкой и округлыми выступами по бокам, которые должны защищать от сквозняков. Модель кресла никак не связана с Вальтером и его философией. Такое название в России закрепилось в эпоху Екатерины II на фоне популярности французского философа.

ге, разглядывая Марту, словно она была чем-то нереальным. — Марта?.. Ты... я не узнал тебя.

— Майя Александровна решила поработать над моим образом, — скромно улыбнулась девушка. Ее щеки вдруг запылали, будто в комнате стояла тридцатиградусная жара.

— Все собрались. Жених и невеста даже закончили с фотосессией. По Юлиному сценарию она должна была явиться последней, а мы все ее встречать, но бабушка не спустилась. Где она? — заглядывая за Марино плечо, спросил Миша.

— В гардеробной, — ответила Марта и посторонилась. — Зайдешь?

— Бабушка еще не готова?! — ужаснулся Миша и шагнул в комнату.

— Нет. Готова, — поспешила успокоить его Марта и добавила шепотом: — На самом деле Майя Александровна уже давно собралась, но почему-то решила не спускаться. До того, как ты зашел, она читала.

Миша вдруг переменился в лице. Он крепко сжал челюсть, отчего на лице заиграли желваки, и, ничего не говоря, двинулся в гардеробную. Даже если бы Марта не хотела подслушивать, его диалог с бабушкой все равно долетел бы до ее ушей.

— Бабушка, ты опять играешь в свои игры?!

— Миша?! Что за тон?!

— Ты специально решила насолить Юле, но сегодня она имеет полное право на свои капризы. Твоя к ней нелюбовь

ни для кого не секрет, но тебе пора бы смириться. Она — будущая жена твоего внука.

— А я что, не смирилась? Эта девушка чувствует себя хозяйкой в моем доме, и я молчу. Однако вчера она перешла все границы. Я просто решила ее проучить. Нет ничего зазорного в том, что пожилая дама не нашла в себе силы участвовать в ее спектакле. Напомню тебе, мой дорогой, что я вообще не хотела присутствовать на ужине.

— Но ты согласилась и настояла, чтобы Вадим с Юлей позвали Владимира Кирилловича.

— Хорошо, — процедила Майя Александровна. Марта ее не видела, но почему-то была уверена, что сейчас Королева-бабушка держит в руках какой-то предмет и яростно его сжимает, чтобы выплеснуть свои эмоции на него, а не вовне.

— Есть еще более серьезная вещь, — прогремел Миша. — Я о Марте...

Сначала Марте подумалось, что ей послышалось, но Миша вновь повторил ее имя. Неужели и ему что-то было известно? Тихо ступая, она сделала пару шагов к гардеробной и замерла.

— Я не стану это обсуждать. Идем вниз, — тихо проговорила Майя Александровна.

— Бабушка, я не хочу, чтобы Марту обидели... Не играй с ней.

— Не беспокойся, я никому не позволю и слова ей сказать, — на этот раз громко, чтобы услышала и ее компаньонка,

произнесла Майя Александровна.

Марта успела отбежать в другой конец комнаты, когда Миша с Королевой-бабушкой вышли из гардеробной. Майя Александровна улыбнулась девушке и кивнула на дверь:

— Пойдемте, Марта. Нас заждались в гостиной.

Этим вечером гостиная напоминала фотостудию. Мебель сдвинули так, чтобы часть помещения отдать под камеры и осветительные приборы. Под потолком даже повесили зонтик или что-то вроде него — Марта не знала, как правильно называется это устройство, но предполагала, что его использовали для рассеивания света. Нарядные гости беседовали, разбившись на тройки-четверки и потягивая аперитив, а фотографы периодически щелкали камерами. Первым Майю Александровну, Марту и Мишу заметил Владимир Кириллович. Он отставил на столик свою рюмку и направился к любимой подруге. Отчего-то Марта подумала, что они расцелуются, но Королева-бабушка и ее верный доктор ограничились легким рукопожатием.

— А это та самая девушка, о которой я тебе рассказывала, — шепнула Майя Александровна, указывая взглядом на Марту.

— Здравствуйте, Марта. Я Владимир Кириллович, добрый друг семьи. Ваша патронесса прекрасно о вас отзывалась.

Он подал руку, и Марта, думая, что врач хочет ее пожать,

протянула свою, однако мужчина галантно поцеловал тыльную сторону ладони. Она совершенно не привыкла к такому обращению, поэтому ее лицо моментально залилось краской. Однако мужчина либо не заметил, либо сделал вид, что не заметил этого, и уже приветствовал Мишу.

Нанятые папарацци не преминули запечатлеть сцену появления мatriарха семьи и вовсю снимали Майю Александровну, и, надо отдать ей должное, она не подала виду, что такое внимание со стороны мелких журналистских сошек ее раздражает. Сама того не желая, Марта восхищалась своей начальницей. Вести себя с таким достоинством могла не всякая дама. Засмотревшись на нее, она не заметила сразу испепеляющий взгляд хозяйки вечера. Юлия не сводила с Марты глаз. Конечно же, она не опустила до приветствия и даже не ответила на легкий кивок, а продолжала молча вглядываться в девушку. Марте ничего не оставалось делать, как отвернуться от Юлии и поздороваться с остальными.

— Мы пропустили аперитив и главное событие, — заговорила Королева-бабушка таким тоном, словно действительно раскаивалась. — К сожалению, у меня поднялось давление, и не было сил спуститься. Марта мне помогала. Вадим, прошу извинить свою старую бабушку.

— Главное, что теперь ты с нами, бабушка, — произнес Вадим, однако Марта не услышала в этих словах ни грамма искренности.

Старший внук наверняка злился на свою важную бабу-

лю, только не мог показать этого перед фотографиями. Марте вдруг показалось, что она очутилась на сцене, где разыгрывается какой-то фарс, только сценария у нее в руках не было.

— Главное событие ты не пропустила. Мы ждали тебя! — важно сообщил Вадим и повернулся к Юлии.

В гостиной все замерли. Фотографы встали на изготовку. Юлия приготовилась: ее рассерженное лицо озарила лучезарная улыбка, такая же фальшивая, как она сама. Вадим достал из внутреннего кармана пиджака бархатную коробочку, совершенно ясно с чем именно, и опустился перед невестой на одно колено. Тут же засверкали вспышки и защелкали затворы камер, и на какое-то время в гостиной ничего не было слышно. Как только все снимки были сделаны, Вадим задал тот самый вопрос.

Юлия изобразила смесь удивления и радости. Видимо, этой бездарной игрой она хотела произвести впечатление на модного режиссера, который даже не следил за происходящим, найдя более увлекательным что-то в своем смартфоне.

— Да! Да! Да! Любимый! — воскликнула Юлия и протянула жениху руку с оттопыренным безымянным пальцем. Вадим стал аккуратно надевать помолвочное кольцо — то самое, с которым недоактриса давным-давно расхаживала по дому.

Где-то среди гостей послышался громкий вздох, смешанный со стоном. Марта быстро отыскивала взглядом виновника и, как только Артем понял, что попался, демонстративно за-

катил глаза и в ту же секунду получил толчок от своей грозной бабушки Ирины Вадимовны.

— Я хочу обратиться ко всем собравшимся! — продолжая демонстрировать вселенскую радость, заговорила Юлия. — Я так счастлива, что в этот особенный день меня окружает семья: мама, папа, — она указала рукой на пару Винер, которые тут же стали позировать на камеры, — а также моя будущая семья и, в первую очередь, дети Вадима. Скоро я стану их мачехой, но мне так не нравится это слово... Артем и Варечка уже стали мне практически родными. Конечно же, у вас есть мама, но теперь в вашей жизни появится еще один человек, который будет рад подарить вам материнскую любовь.

Юлия раскрыла объятия детям, но ни один из них не решился двинуться в ее сторону. Варю держала за руку Полина; она опустилась к девочке, что-то ей шепнула, и та поплелась к будущей мачехе. Артем же остался стоять на месте, несмотря на то что Ирина Вадимовна пыталась его подтолкнуть.

— Дорогая, подростки не любят обниматься, тем более при свидетелях, — отшутился Вадим, стараясь загладить инцидент, хотя по недовольному лицу его сына было ясно, что не любил он не обниматься, а свою почти-мачеху.

— Ну что ж, тогда давайте отметим событие за ужином, — сказала Юлия гостям, выпуская из своих цепких лап малышку Варю и тут же забывая о ее существовании. А после

повернулась к фотографиям: — Я думаю, вы понимаете, что ужин — это семейное мероприятие, но для вас также накрыты столы, чтобы отменить нашу с Вадом помолвку. Сергей вас проводит, а после организует транспорт до Москвы для тех, кто не на машине.

Неведомо откуда взявшийся Сергей указал журналистам в сторону зимнего сада, сам прошел вперед и встал в ожидании, когда те соберутся. Благодетельное семейство направилось в столовую. Варя же решила примкнуть к Марте, совершенно проигнорировав Полину.

— Ты красивая, — с придыханием сказала малышка, хватаясь за Мартину руку. — Я хочу сидеть за столом с тобой, можно?

Марта не успела ответить, как за нее это сделал Артем:

— Нет, мелкая, Марта сидит с бабушкой Майей и со мной. И потом, она же не твоя нянька, чтобы тебя кормить.

Девочка тут же надулась, а Марта растерялась, не зная, как себя повести. Ситуацию спас Юра. Он подхватил Варю на руки и безапелляционно заявил, что усадит девочку с собой. Однако рассадка за столом была четко спланирована без учета чьих-либо пожеланий, как и все этим вечером. В белоснежных фарфоровых тарелках лежали небольшие карточки с именами гостей. Правда, Юлия не подумала, что из-за этого начнется неразбериха, пока каждый поймет, куда ему садиться. Марта осталась в стороне. Она знала, что ее место рядом с Майей Александровной, поэтому дала всем осталь-

ным рассесться. Однако по правую руку от начальницы очутился ее сын, а по левую — Владимир Кириллович.

— Юля, дорогая, я просила рядом со мной посадить Марту! — вежливо, но с легким укором напомнила Куприянова-Нестерова.

— Майя Александровна, но как же? Вы же сами учили меня, что важно придерживаться правил рассадки гостей за столом: муж и жена — напротив, рядом с женщиной — мужчина. И потом, я поддалась уговорам моего дорогого пасынка. Он так хотел ужинать в компании компаньонки, — Юлия усмехнулась, словно глупая тавтология была шуткой.

— Ладно, дорогая. Вечер твой, тебе решать, — Майя Александровна кивнула Марте, чтобы та сделала так, как хочет Юлия.

Марта направилась к пустому стулу между Артемом и отцом невесты. Сергей Эдуардович Винер окинул ее оценивающим взглядом и, кажется, остался доволен такой соседкой, только не понял, кто она, поэтому кивнул дочери. Та сначала закатила глаза, а потом скривилась, чем привела отца в замешательство.

Напротив Марты сидел тот самый модный режиссер. Даже сейчас он не отрывался от телефона и с кем-то активно переписывался. Рядом с ним, будто Джоконду в Лувре, рассматривала свой маникюр мать Юлии. Создалось впечатление, что Елизавета либо захмелела от рюмки аперитива, либо приняла нечто другое, потому что ее глаза блестели че-

рескур неестественно. По правую руку от нее важно восседал Александр Борисович. В его стакане уже переливалось янтарное виски, видимо, в отличие от остальных, он не гнушался начать праздновать до ужина. Стул напротив него, по правилам этикета, заняла его супруга, которой Сергей Эдуардович обещал подливать в бокал, как только тот опустеет. Мише пришлось сесть рядом с матерью, поэтому Марта его даже не видела, а он, словно и забыл о ее существовании, занимался любимой племянницей, которая забралась на три большие подушки и радовалась тому, что с обеих сторон окружена любимыми дядями. Напротив них Майя Александровна слушала какой-то увлеченный рассказ Владимира Кирилловича, а вот Ирина Вадимовна, которой досталось место между семейным врачом и невестой, откровенно скучала, изучая рисунок на кайме своей тарелки.

Юля во главе стола явно чувствовала себя королевой. Она горделиво осматривала собравшихся, но когда на мгновение задержала взгляд на Марте, снова сgrimасничала. Удивительно, сколь злопамятной она оказалась, и все из-за какой-то вазы? А еще Марта удивилась, почему она усадила рядом с собой Юру и Ирину Вадимовну. Нет, мать жениха — еще понятно, но Юру она вроде бы не жаловала. Хотя какая разница, кто разберет, что в голове у этой выскочки?

Не успел Леонид Борисович вкатить в столовую тележку с большой супницей, как режиссер, смачно выругавшись, убрал мобильный в карман и вышел из-за стола. Он напра-

вился прямым к Юлии, громко рассыпаясь в извинениях, ссылаясь на нечто ужасное, что невозможно решить без его личного присутствия.

— Спорим, ему просто скучно, и он списался с кем-то, чтобы провести вечер поинтереснее, — шепнул Марте Артем.

— Я тоже так подумала, — усмехнулась она.

Юлия старалась выказать понимание, но была явно раздосадована, что ее важный гость так спешно покинул праздник. Тем не менее, она не поднялась, чтобы его проводить. Он даже еще не вышел из столовой, как хозяйка праздника дала знак Леониду Борисовичу разносить суп.

Марта взяла салфетку, положила на колени, как того требовали правила приличия, и убрала с тарелки бумажку, где должно было значиться ее имя. Только сейчас заметила, что там написано на самом деле, от руки простой шариковой ручкой, на которую с усилием давили, явно в гневе — «служанка». Очередная бестолковая попытка ее уколоть. Марта гордо подняла голову, встретившись взглядом с невестой, и, подняв вверх свою табличку, улыбнулась краешками губ. Юлия вздернула свой курносый носик и слегка прищурила глаза. Это был молчаливый диалог, понятный лишь им обоим:

— *Вызов принят!*

— *Война началась!*

Ужин проходил мирно, спокойно и до невозможности

скучно. Беседу вели, естественно, о свадьбе, которую после долгих раздумий решили все-таки устроить зимой. Юлия полагала, что выходить замуж в белоснежной шубе будет изысканнее, чем просто в платье. Кстати (или совсем не кстати), с мехом норки прекрасно сочетается бриллиантовая брошь. Такая, как у Майи Александровны.

Несмотря на старательные и вполне прозрачные намеки, Королева-бабушка не спешила одалживать украшение невесте внука, отчего та в конце концов обиженно надула губки.

В какой-то момент Марта перестала вслушиваться в разговор и стала просто наблюдать за членами семьи. Поведение за столом говорило больше, чем слова. Так она заметила, что каждый гость — Куприянов, Нестеров, Куприянов-Нестеров — был занят собой или очередным поданным блюдом. Говорили в основном Юлия и ее родители, Вадим послушно поддакивал, а Майя Александровна вынужденно отвечала на вопросы, отвлекаясь от разговора с Владимиром Кирилловичем. Юра о чем-то мечтал, изредка откликаясь на громкий голос Юлии, Миша занимался племянницей, а она — им. Полина следила за тем, чтобы Варя ела, и нашептывала Мише какие-то указания. Марту это позабавило, ведь Варя не была ее родной внучкой, в то время как настоящая бабушка малышки все время утыкалась в телефон. Александр Борисович с аппетитом уплетал все, что подавали, словно не ел целые сутки. Артема Марта искренне жалела. Мальчишка кривился от каждого радостного окрика Юлии, а когда ре-

шился заговорить с Мартой, чтобы хоть чем-то себя занять, получил выговор от отца: «Помолчи! Не мешай старшим вести беседу!»

Наконец ужин закончился. Десерт решили подать в гостиной, и все постепенно стали выходить из-за стола. Марта вскочила слишком резко, но она больше не могла высиживать перед своей тарелкой с остатками последнего блюда. Артем ей понимающе улыбнулся.

— Марта, не могу не отметить ваше платье! Вы потрясающе выглядите! — по пути в гостиную нагнал ее доктор. — Но, кажется, эта вещь мне знакома...

— Да, платье одолжила Майя Александровна, — смущенно ответила Марта.

— Подарила, — поправила ее начальница, подхватив под руку Владимира Кирилловича. — Марта, вы бесподобны в этом наряде. Будет преступлением забирать его обратно, чтобы платье висело в шкафу.

В этот момент мимо прошла Юлия. Она снова бросила на Марту уничижительный взгляд, а после таким же одарила Майю Александровну. Как ни странно, Королева-бабушка довольно ухмыльнулась и продолжила беседу со своим другом.

Десерт уже подали. На двух сервировочных столиках стояли блюда с пирожными и хрустальные этажерки с конфетами. Пока Сергей, Леонид Борисович и пришедшая им на помощь Тетя-шкаф разливали по чашкам кофе и чай, Варя,

стоя на мысочках и схватившись рукой за нижнюю часть этажерки, пыталась дотянуться до крошечной розовой меренги. Только Полина заметила надвигающуюся катастрофу и поспешила на помощь девочке, остальные, вновь разбившись на группки, говорили о своем.

Марта острее ощущала себя лишней. Миша, единственный человек, с которым ей сейчас хотелось перекинуться хотя бы парой слов, забыл о ее существовании и громко над чем-то смеялся с братьями. Обернувшись к Майе Александровне, она спросила, какое угощение ей принести, но начальница отказалась от сладкого, правда, попросила подать чашечку чая с каплей сливок. Обрадованная пусть даже таким пустяковым заданием, она ринулась его исполнять, но не заметила подлой подножки. Как только она начала терять равновесие, Юлия с воплем негодования отскочила в сторону.

Дальше все происходило как в самом дурацком кино. Марта видела приближающийся угол стола и лишь в последний момент успела выставить вперед руку. По счастливой случайности ничего из угощений не упало, но Юлия тут же во всеуслышание заявила о том, какая неуклюжая компаньонка у Майи Александровны. Королева-бабушка смерила недовольным взглядом Юлию, а потом также хмуро посмотрела на Марту:

— Мне кажется, вы устали, Марта. Думаю, что сегодня мне более не потребуется ваша компания. Отправляйтесь к

себе.

Чувствуя себя нашкодившей школьницей, Марта кротко попрощалась с золотым семейством, которому на нее было наплевать. Миша сочувственно улыбнулся и снова вернулся к разговору с братьями. Марта ушла из гостиной, точно зная, что через миг о ней уже никто не вспомнит.

Гостиная опустела после полуночи. Как ни старалась, Марта не могла уснуть. Она слышала, как по лестнице поднимались гости, оставшиеся на ночь в особняке. Мужские, захмелевшие голоса перебивал высокий женский смех. Видимо, после десерта снова подали алкоголь. И пусть оставаться там, в гостиной, Марте совершенно не хотелось, было обидно, что ее фактически выгнали с праздника. Она не верила, что Майя Александровна не заметила, как эта мерзкая Винер поставила ей подножку, но в этот раз Королева-бабушка решила подыграть хозяйке вечера.

Отбросив одеяло, Марта встала с постели, подошла к окну, забралась с ногами на подоконник и стала всматриваться в черноту величественных сосен. К ночи погода испортилась: бушевал ветер и собирался дождь. Ее комната находилась со стороны заднего двора, где не было никаких праздничных украшений и ничто не напоминало о том, что этим вечером в особняке состоялось торжество. Марта решила дожидаться, когда с неба сорвутся первые капли дождя, а потом лечь в кровать, вновь укутаться одеялом и постараться

уснуть. Дождь все никак не начинался, и тут краем глаза она заметила какое-то движение. Облаченная в дождевик поверх куртки фигура быстро двигалась вдоль особняка и, похоже, направлялась в сторону хозяйственной постройки. Возможно, это был кто-то из слуг, но интуиция подсказывала, что нужно пойти за незнакомцем и выяснить, куда и, главное, зачем он направляется. Наспех обувшись и накинув куртку прямо на пижаму, Марта бросилась вдогонку.

Конечно, когда она вышла на улицу, загадочный человек уже скрылся из виду, но, если он двигался к сараю, значит, был там. В отличие от незнакомца, Марта шла вдоль особняка на случай, если кто-то любопытный вдруг выглянет в окно. Пусть она не делала чего-то предосудительного, но лучше не попадаться на глаза другим слугам или членам семьи. Миновав особняк, она стала передвигаться мелкими перебежками от сосны к сосне, пока не оказалась у деревянной стены сарая. Окно было занавешено изнутри, но в одном углу штора немного соборила, и оттуда на улицу падал луч теплого желтого света. Марта аккуратно прокралась к окну и заглянула внутрь. То, что она увидела, фактически выбило у нее почву из-под ног.

Дождевик валялся на полу рядом с теплой курткой и серыми спортивными штанами. Там же виднелась какая-то шелковая ткань — женский пеньюар или халатик, а чуть дальше горкой лежала мужская праздничная одежда. Эти безвольные тряпки стали свидетелями совсем недетской сцены. Об-

наженная Юлия извивалась на мужчине, который вовсе не был ее женихом. Юра поддерживал любовницу за ягодицы, закрыл глаза, откинул голову назад и закусил губу, чтобы заглушить рвущийся наружу стон.

Глава 8

Марта стояла под горячим душем и яростно терла себя мочалкой. Этим она занималась по меньшей мере минут пять, но даже не заметила, что ее кожа стала варено-красной. Мысленно девушка была во вчерашнем дне, все еще пряталась у сарая, продрогнув от холода. Она внимательно вслушивалась в разговор, не предназначенный для чужих ушей. На ее счастье, самое главное действие кончилось довольно быстро. Юлия спешила домой к жениху, которого специально опоила, подбавив в его виски чистый спирт, а Юра не был готов к любовным подвигам после выпитого на празднике. Достигнув пика наслаждения или умело его симитировав, Юлия резво прыгнула с любовника и устроилась рядом с ним в кресле, прикрывшись чьим-то старым плащом. Тут Марта напрягла весь свой слух, чтобы разобрать, о чем будут говорить эти двое.

К ее удивлению, выяснилось, что Юра уже давно крутит роман с невестой брата. Более того, несмотря на репутацию заядлого холостяка и бабника, к этой стерве он испытывал самые настоящие чувства. Подавленный голос младшего Нестерова убедил Марту, что он всерьез был готов сам жениться на Юлии, если та оставит его брата. На браке с Вадимом настаивал Сергей Винер, он и слышать не желал о том, что его дочь может расторгнуть помолвку. Юра обиженно за-

явил, что сорвет чертову свадьбу, но Юлия стала его убеждать не делать того, о чем оба пожалеют. Она назвала свой будущий брак «временной мерой» и поклялась развестись сразу, как только сможет.

Любовники условились повторить ночное randevu на следующую ночь, не обговаривая, где именно, и Марта поняла, что этот сарай и есть их тайное место. Она не стала ждать конца свидания, тем более что Юра отрезвел для второго раунда. Она тихо вернулась домой и тут же уснула сном младенца.

«Утро вечера мудренее» – как верна поговорка! Если накануне Марте не терпелось поделиться с семейством своим грандиозным открытием и выставить Юлию в самом неприглядном свете, то теперь она решила с этим повременить. Следовало лучше присмотреться к милашке Винер, прояснить намерения Юры и убедиться в их серьезности, а потом выбрать наилучший момент, чтобы открыть их грязную тайну, но сделать это не собственными руками.

Укутавшись в свой старый байковый халат, которого Марта стыдилась, но любила, она вышла из ванной, села на постель и стала подсушивать волосы полотенцем. В обед они условились встретиться с Мирославой: кино, кафе и много разговоров. Возможно, медсестричке тоже что-то известно про Юру и Юлию, и, если это так, нужно обязательно все выпытать.

В коридоре слышались шаги, и через мгновение в Мар-

тину дверь постучали. В полной уверенности, что кто-то из служащих по указанию Тамары решил позвать ее на завтрак, девушка резво соскочила с кровати и поспешила открыть. Она была неголодна, но тот факт, что про нее помнили, приятным теплом разлился на душе. Однако, распахнув дверь, Марта увидела перед собой не кого-нибудь, а саму Королеву-бабушку.

Майя Александровна собственной персоной явилась к своей компаньонке. Удивительно, что она вообще знала, где живет прислуга. Гранд-дама, как всегда, выглядела на высоте. В отличие от Марты, по ней нельзя было и предположить, что она легла поздно и могла не выспаться. Майя Александровна походила на монаршую особу в светло-голубом брючном костюме, идеально выглаженном, без намека на складку, с безупречной прической и легким макияжем. Из аксессуаров она выбрала лишь жемчужные пусеты и изящную серебряную брошь в виде цветка.

Марта не могла не восхититься статностью начальницы. Какие бы чувства ни переполняли ее душу, разве можно не восторгаться восьмидесятичетырехлетней старухой, которая могла дать фору любой женщине среднего возраста?

— Простите, что тревожу вас, Марта, в столь ранний час в ваш выходной, но я была уверена, что вы встали. Мне нужно с вами поговорить, и откладывать эту беседу не хотелось бы. Позвольте войти? — заговорила Майя Александровна.

«Вот и конец всему», — подумала Марта, но вслух ничего

не сказала, лишь сдавленно кивнула и посторонилась.

Куприянова-Нестерова вошла в комнату и огляделась. Она слегка поморщилась, заметив влажное полотенце на незаправленной кровати, и Марта тут же подскочила, чтобы его убрать.

— Я только что из душа, — смущенно произнесла она, хотя не должна была оправдываться.

— Марта, я могу сесть? — Майя Александровна бросила взгляд на кресло, но не двинулась без разрешения.

— Конечно.

Компаньонка наспех расправила на кровати одеяло и села сама, чтобы не стоять над начальницей, а заодно не потерять равновесие, когда та объявит, что хочет ее выгнать.

Майя Александровна не спешила начать разговор. Казалось, она не может подобрать нужных слов, что было совершенно на нее непохоже. Наконец, Королева-бабушка обратилась к своей компаньонке с самым неожиданным вопросом:

— Марта, вы работаете у меня совсем недолго, но знаете, у меня такое чувство... что я знаю вас давно. Чуть ли не с детства, словно вы моя двоюродная внучка или внучатая племянница. Мне бы хотелось обращаться к вам на «ты». Вы не будете против?

— На «ты»? Нет, я, конечно, не буду против. Откровенно говоря, мне так даже будет комфортнее.

— Вот и замечательно. Однако, я пришла не только за

ЭТИМ.

«Ну конечно! Вот теперь начнется. Сначала ослабила мою бдительность, а потом нанесет удар!» — промелькнуло у Марты в голове, но и тут Куприянова-Нестерова преподнесла сюрприз.

— Я хотела извиниться за вчерашний вечер. Марта, я бесовестно использовала тебя в отместку невоспитанной Винер. Видишь ли, у нас с невесткой не задались отношения, хотя тебе это и так известно. Мои правнуки — для меня все. Правду говорят, что внуков любишь в два раза больше, чем детей, чего уж вести речь о правнуках... Юля слишком холодно относится и к Артему, и к Варе, но главное — вбивает клин между ними и Вадимом. Мы разговаривали на эту тему с внуком, но он в упор не видит того, что на глазах у остальных. Вадим одурманен Юлией. Он не замечает недостатков этой девушки, и я опрометчиво решила, что, раззадорив невестку твоим присутствием, заставлю ее показать свое истинное лицо.

— Но ничего не вышло, — закончила за начальницу Марта.

— Да, не вышло. Да еще я обидела тебя, — Майя Александровна подняла взгляд к потолку, будто собралась помолиться, но потом снова посмотрела на Марту и улыбнулась.

— Твое платье. От Миякэ. Когда Юля узнала, что оно пылится в моем шкафу, стала упрашивать подарить ей. Скажу честно, оно мне и вправду не нужно, и я думала о том, чтобы

его подарить или отдать на благотворительность, но только не Юле. И тут появилась ты.

— Поэтому она вчера так на меня злилась! Дело не только в вазе и приглашении на ужин! — поняла Марта и вдруг почувствовала себя использованной, вываленной в грязи на потеху другим. Майя Александровна, к которой она невольно начала проникаться уважением, оказалась именно такой, какой и должна быть — эгоистичной и жестокой самодуркой, которой глубоко плевать на других. Значит, Марта права, что решила ей мстить.

— Да, Марта. Я подлила масла в огонь, который и без того полыхал. Признаюсь, я думала, что мой подарок в виде платья окупит мерзкий поступок, но нет... Когда Юля подставила тебе подножку, и ты чуть не упала, я поняла, что все вышло из-под контроля. Ты ничем не заслужила подобного отношения. Более того, — Майя Александровна перевела дыхание, — я знаю, что ты выручила Артема. Это он разбил злополучную вазу. И зря ты все это мне не рассказала!

— Какое это имеет значение, ведь все разрешилось? — проговорила Марта.

— Огромное. Даже не представляешь, насколько. Когда ты ушла, точнее, когда я тебя так грубо отправила к себе, Миша не выдержал. Он позвал Артема, и тот во всем мне признался.

— Миша? — удивилась Марта, ведь ей показалось, что ему вчера совершенно не было до нее дела.

— Миша у нас благородный. Он не терпит несправедливости. Он, как и ты, подумал, что я отослала тебя за провинность, в то время как мне хотелось тебя уберечь от новых унижений.

— Я не знаю, что сказать...

— Скажи, что не собираешься увольняться.

— Я не собираюсь увольняться, что вы? Даже не думала, но мне казалось, что вы мной недовольны.

— Нет, Марта, это не так. Более того, теперь я вижу, что в тебе не ошиблась.

Майя Александровна поднялась с кресла, и Марта тут же вскочила на ноги.

— У тебя сегодня выходной. Надеюсь, вы с Мирославой славно проведете время. Она чудесная девушка. — Королева-бабушка достала из кармана жакета конверт и протянула его Марте. — Это твоя премия.

— Но, Майя Александровна, я не могу, — попыталась возразить Марта, но была остановлена одним лишь взмахом руки начальницы.

— И слышать ничего не желаю. Ты заработала эти деньги. Сегодня тебе потребуются средства на прогулку, — с этими словами Майя Александровна вложила конверт в Мартину руку. — И я не забыла, что завтра ты тоже отдыхаешь в счет вчерашнего.

Мирослава встретила Марту у выхода из метро. Они

горячо поприветствовали друг друга, словно были давними подругами, после чего двинулись в сторону кинотеатра. «Небольшой» премии Майи Александровны должно было с лихвой хватить и на кино, и на кафе, и на такси от станции до дома, но все же Марта рассчитывала тратить по минимуму. Она отдала Мирославе деньги за билет, а от попкорна и газировки отказалась. Когда-то давно, будучи маленькой девочкой, Марта обожала смотреть на большом экране фильмы, есть карамельный попкорн, запивая его сладкой колой и облизывая липкие пальцы. Папа всегда баловал ее угощениями, несмотря на то, как скромно они жили. Сейчас даже самый сладкий попкорн казался Марте горьким, ведь напоминал ей о любимом отце, которого она потеряла.

Фильм выбирала Мирослава, поэтому они шли на отечественную романтическую комедию, которую Марта ни за что бы не стала смотреть. Однако, чтобы скорее подружиться с медстричкой, она театрально сыграла восторг и соврала, будто наслышана об этом кино. Про себя же Марта злорадствовала: если Мирослава любит столь неглубокие «киношки», значит, не блещет ни хорошим вкусом, ни интеллектом. Это было надуманно и высокомерно с ее стороны, но девушке отчаянно хотелось принизить Миру пусть даже в собственных глазах.

К несчастью, фильм длился без малого два часа. Главная героиня перевоплотилась из серой мышки в красотку, а герой, который сначала не воспринимал ее как девушку, вдруг

влюбился без памяти. Естественно, не обошлось без основных клише: коварных интриг соперницы, неожиданного разоблачения, погони в аэропорту и счастливого финала.

Мирослава осталась в восторге от шедевра современной кинематографии и с упоением пересказывала моменты, которые особенно запали в душу. Марте приходилось ей поддакивать, лишь бы не разрушить их зарождающуюся дружбу. Когда они дошли до кафе и сделали заказ, Мира перешла к другим своим любимым фильмам и искренне удивлялась, что новая подруга их не знает. Улучив удобный момент, Марта все же сумела сменить тему. Она подошла к обсуждению семейства Куприяновых-Нестеровых издалека и сначала аккуратно высказала предположение, что Владимир Кириллович может питать романтические чувства к Майе Александровне. Во всяком случае, так ей показалось накануне.

Мирослава сразу оговорилась, что не любит сплетничать, но все же подтвердила Мартину догадку. Ни для кого в доме не секрет, что семейный врач уже много лет влюблен в Королеву-бабушку, вот только никто не знал, взаимны ли его чувства. Майя Александровна считала связь с мужчиной на десять лет младше себя моветоном, и совсем неважно, что в их годы грани возраста размыты.

Снова заговорив о прошлом вечере, Марта высказалась о Вадиме и Юлии. Здесь она пошла чуть дальше и заметила, что Куприянов влюблен в невесту куда сильнее, чем та в

него. Мирослава ничего не ответила, но по хмурому выражению лица стало понятно, что эти двое ей не нравятся. Тогда Марта вспомнила, что именно Вадим говорил с Мирой относительно их наклевывающегося романа с Мишей. Эту тему тоже следовало обсудить, но позже: первоначально нужно выяснить все про Юлию и Юру.

— Знаешь, мне кажется, Вадим такой со всеми серьезный. Только с невестой держится более или менее расслабленно. А вот Юра — его полная противоположность. Кстати, Юля вчера усадила его рядом с собой за столом. Так странно. Мне казалось, они даже не общаются...

— Наверное, она просто не знала, кого куда усаживать, — усмехнулась Мира. — Майя Александровна любит ее покритиковать, а Юля хочет перед ней выслужиться, потому что знает, как важно расположение бабушки Вадима. Всегда на званых ужинах и обедах Майя Александровна четко следит за рассадкой гостей, Юля в курсе, поэтому заморочилась над этим правилом: мужчина, женщина — рядом, муж и жена — напротив друг друга. Только не подумала, что нужно учитывать интересы людей и их общение между собой.

— Кстати, они с Юрой почти не разговаривали. Они не общаются?

— Не знаю. Честно говоря, я не помню их вместе. Юра такой бойкий, веселый, увлекающийся... Хотя Юля вполне может быть в его вкусе. Ему нравятся такие... гламурные. Когда она только стала бывать в особняке, они могли иногда

болтать, но потом как-то прекратили общаться. Думаю, Юля перестала быть ему интересна. Сначала — вроде как новое лицо, но потом: как девушка — ему не доступна, приятельницей точно стать не может.

Официант принес заказ. Пока он выставлял перед каждой тарелки с салатом и разливал по чашкам чай, разговор прервался, а когда ушел, Марта снова переключилась на тему. Было очевидно, что Мире ничего неизвестно о связи Юлии с братом жениха. Значит, следует взяться за самую медсестричку. Разговорить ее о личной жизни оказалось совсем несложно. Когда с салатами было покончено и им принесли горячую пищу, Марта уже знала о Мирославе главное: они с женихом вместе чуть больше двух лет, летом он сделал Мире предложение, она его приняла, но дату свадьбы не назначили. Егор, так звали парня, был на три года старше Мирославы, работал барменом и мечтал когда-нибудь открыть свое дело.

По тому, как Мира отзывалась о Егоре, Марта догадалась, что девушка не пылала к жениху страстью. Возможно, она все еще его любила, но скорее как друга, или же была с ним по привычке. Ее глаза не горели, дыхание не перехватывало, и в голосе не звучало ноток гордости. Тут же в памяти появилась сцена в особняке, когда медсестричка таяла от каждой Мишиной фразы.

«Идиотка!» — подумала Марта, продолжая улыбаться новоявленной приятельнице. — «Отказывается от мужчины, в которого по уши влюблена, ради того, к кому давно остыла.

Что ж, это ее выбор. Ей за него и платить».

Стоило Марте только подумать о Мише, как ее телефон зазвонил. И, хотя на дисплее появился незнакомый номер, что-то ей подсказывало, что это именно Нестеров объявился так неожиданно. Ей нечего было скрывать от Мирославы, поэтому Марта ответила прямо за столом, предварительно извинившись перед собеседницей.

— Алло, Марта? Здравствуй, это Миша. Миша Нестеров.

— Миша? Привет! — Марта широко улыбнулась, отмечая про себя, как тут же зарделись щеки Мирославы.

— Я сегодня в Москве. Встречался с редактором по поводу рукописи и тут вспомнил, что ты тоже в городе. Может быть, хочешь поехать домой вместе?

Марта не питала надежд на то, что Миша действительно хотел подвезти ее в особняк, как и понимала, что это предложение продиктовано отнюдь не благородством. Конечно же, ему хотелось найти повод, чтобы пересечься с Мирославой, а потом из первых уст узнать, о чем она рассказывала Марте.

— Ой, это было бы здорово! Мы с Мирой в «Пиццаменто» на Тверской.

— Я в пяти минутах от вас! — чересчур радостно ответил Миша.

— Отлично. Ждем.

Марта сразу заметила, как напряглась Мирослава. И, как бы ей ни хотелось подольше ее помучить, все же пришлось сообщить, что скоро к ним присоединится Нестеров. Мира

попыталась изобразить равнодушие, но у нее это плохо вышло. Тогда Марта решила идти ва-банк:

— Прости, что спрашиваю, но мне кое-что рассказали про тебя и Мишу. Пожалуйста, не думай, что я какая-то сплетница, да и вообще это не мое дело, но если мы с тобой подружмся, будет нехорошо, если смолчу.

— Да, про нас с Мишей ходили слухи в особняке, но это только слухи. Между нами ничего не было, правда! — горячо воскликнула Мира.

— Ой... такого мне не говорили. Просто Лида обмолвилась, что вы нравились друг другу...

— Лида. Конечно, кто же еще? — рассерженно пробубнила под нос Мирослава. — Ты с ней держи ухо востро. Она в доме — главная сплетница. Чуть что — сразу выбалтывает, еще и привирает с три короба.

— Я это уже поняла, хотя мне и болтать о себе нечего. У меня такая скучная жизнь...

— Для нее это неважно. Лида может состряпать сенсацию на пустом месте. Мы с Мишей действительно хорошо общались. Из всех, кто живет в особняке, он единственный не смотрит свысока и общается с тобой на равных. С ним рядом чувствуешь, что тебя уважают. Но, как ты понимаешь, мужчины семейства Куприяновых-Нестеровых не для нас. Когда благодаря Лидочкиному языку слухи о нас с Мишей дошли до Вадима, он вызвал меня на серьезный разговор, — Мирослава грустно хмыкнула и отвела взгляд. — Никогда рань-

ше не слышала о себе таких вещей: «охотница за деньгами», «лицемерка», «ушлая». Вадим ясно дал мне понять, что о его брате нечего и мечтать.

— Но ты могла бы бороться! — эмоционально возразила Марта, но тут же удержала свой пыл: — В смысле, если бы действительно испытывала чувства.

— Марта, ну какие чувства? У меня есть жених, замечательный, целеустремленный, верный. С ним как за каменной стеной. Я не из тех, кто может променять надежность на страсть. И потом, бороться с Вадимом, Майей Александровной и остальными, что-то им доказывать — нет, это не для меня.

Марта решила, что пришло время поддержать Миру в ее выборе:

— Наверное, ты права. Если твой жених такой, как ты говоришь, то за него нужно держаться. Сейчас нечасто встретишь парня с серьезными намерениями и...

Тираду в защиту Егора оборвал вошедший в пиццерию Миша. Марта сразу увидела его статную фигуру в дверном проеме. Как он был красив: высокий, широкоплечий, в шоколадно-бордовом свитере с V-образным вырезом, зауженных брюках и распахнутом темно-сером пальто. Не зная она, что перед ней писатель, приняла бы за актера или молодого бизнесмена... Хотя, о чем это Марта? Никакой он не писатель! Мошенник, пускающий пыль в глаза, но все же очень красивый.

Окинув взглядом заведение, Миша заметил девушек как раз тогда, когда к нему подошел администратор. Отказавшись от его помощи, Нестеров указал на ожидающих его знакомых и направился к их столику. Марта старалась не смотреть прямо на Мирославу, но даже боковым зрением заметила, как та покраснела. Миша же, напротив, держался чресчур уверенно. Возможно, удаленность от особняка и бабушки придавали ему храбрости.

Они обменялись приветствиями и дежурными фразами о погоде. Казалось бы, теперь можно было бы и распрощаться, но Миша явно никуда не спешил. Он подозвал официанта и заказал большую кружку капучино.

— Девочки, вы же не торопитесь расходиться? Мы сейчас обедали с Женей, там был такой ужасный кофе, что хочется чем-то перебить вкус.

— Нет, не торопимся, — слету ответила Мира и тут же смутилась.

Они говорили о всякой ерунде. В основном беседу вел Нестеров, который рассказывал о новых «фишках» своего агента: больше внимания соцсетям, общение с читателями в интернете, прямые включения с рабочего места. Мише это было не по нраву. Ему хотелось просто сочинять свои романы, черпать вдохновение из окружающего мира и изливать мысли на бумаге. Слушая это, Марта с трудом сдерживала смех: как ловко этот Нестеров играет роль писателя! Ни его разговоры о поиске сюжета, ни сетования на проблемы с вы-

бором имен для героев для нее не были убедительны. Возможно, этот агент Женя на самом деле был его негром? Или же за Мишу писала целая нанятая команда анонимов?

Зато Мирослава ничуть не сомневалась в таланте «золотого мальчика». Пусть она утверждала, что выбрала Егора, любила — Михаила. В какой-то момент Марта даже засомневалась, что встреча этих двоих вне особняка — хорошая идея. Она сама перестала для них существовать. Миша видел и слышал только Мирославу.

Капучино давно было выпито, а Миша все не собирался уходить. Марта заметила, что Мира украдкой посматривает на свой мобильный, и мысленно взмолилась, чтобы сейчас, вот прямо сейчас ей позвонил Егор. Лучше, чем жених медсестрички, никто не вернет этих двоих на Землю. И Мартины молитвы были услышаны. Как только ее телефон разразился громким рингтоном, оба чертовых влюбленных замерли, будто их застали за чем-то непотребным. Миша кинул взгляд на дисплей ее сотового и тут же помрачнел. Извинившись, Мира резко схватила мобильный и выскочила из-за стола.

Ее отсутствие чувствовалось даже кожей: от воцарившегося молчания у Марты по телу побежали мурашки. Теперь ее план трещал по швам. Разве поверит Миша, что Мирослава на самом деле любит жениха, а к нему не испытывает пылких чувств? Нужно быть слепым или круглым дураком, чтобы не видеть ее обожания! Под стук каблучков спеша-

щей назад Миры Марта окончательно убедилась в том, что ей нужно срочно нейтрализовать медсестричку.

— Извините, ребят, но теперь мне действительно пора, — виновато проговорила Мирослава, убирая телефон в сумочку.

— Егор тебя потерял? — не удержалась от колкости Марта.

— Да, — хмыкнула она и тут же переменила тему, будто старалась стереть из памяти собеседников упоминание о женихе. — Марта, мы здорово посидели. Буду рада, если как-нибудь соберемся повторить.

— И я тоже! — наигранно воодушевилась Марта. — Договоримся, когда ты приедешь в особняк, идет?

— Конечно.

— Мира, может быть, тебя подвезти? — вмешался Миша, которому совершенно не хотелось отпускать от себя эту девушку.

Мирослава на секунду задумалась, но потом отказалась. Марта решила, что та боится Егора, которому совершенно точно не понравится, если его возлюбленную привезет домой тот, к кому он так сильно ее ревнует.

Миша достойно смирился с отказом, но настоял, что сам посадит Миру в такси. Он вызвал машину, открыл девушке дверцу, наказал водителю везти ее аккуратно и смотрел ей вслед, пока красные габаритные огни не потерялись в потоке других на оживленном шоссе. Про Марту Нестеров вспом-

нил лишь тогда, когда его пассия окончательно исчезла из вида.

Какое-то время они ехали молча: Миша наверняка проигрывал в голове их разговор с Мирославой, а Марта раздумывала, как лучше себя вести. Если она не вызывала у Нестерова никаких чувств, кроме дружеского участия, то именно на этом стоило сыграть. А как вернее всего сблизиться с человеком? Дать ему понять, что на нее можно рассчитывать.

— Миша, это не мое дело... но тебе ведь нравится Мира, да? — поинтересовалась она, старательно изображая неловкость.

— Это так видно? — досадливо спросил он.

— Если честно, то да. Но на самом деле, в твоей симпатии нет ничего плохого. Я могу тебя понять: Мира такая замечательная и очень симпатичная.

— Да, только ей я не нужен. Она любит другого.

Вот так новость! Неужели Нестеров действительно не замечает, как эта медсестричка по нему сохнет? Влюбленные воистину слепы.

— Знаю, — с деланной грустью ответила Марта. — Ты нравишься ей как друг, хотя мне кажется, что Мира совершает глупость, выбирая Егора.

— Я пытался, Марта, но мои ухаживания оказались ей не нужны. Иногда мне кажется, что Мира тоже испытывает ко мне что-то, но потом вдруг становится холодной. В начале

лета я надумал с ней поговорить откровенно, но только решился завести речь о нас, как Мира тут же меня осадила. Прямо сказала, что собирается замуж, а нам лучше остаться друзьями и вести себя так, будто этого разговора не было.

— Но ты не смог смириться, да?

— Пытаюсь, но это сложно... Знаешь, мой агент Женя вообще против каких-либо серьезных отношений. Говорит, образ холостяка играет мне на руку. Хм... можно подумать, я хочу, чтобы мои книги читали из-за того, что я мифически выгодная партия, — усмехнулся Миша.

— Почему «мифически»? Ты завидный жених для любой девушки.

— Как видишь, не для любой...

Марта восхищалась актерским талантом Нестерова. Он так искусно изображал не только настоящего писателя, но и безответно влюбленного, что она могла бы поверить в этот обман, если бы не знала его лживой сущности. Миша выглядел слишком идеальным, что могло бы набить оскомину или... окончательно и бесповоротно влюбить в себя. Однако, если в планы Марты и входил роман с Нестеровым, испытывать к нему глубокие чувства она не собиралась.

Распрощавшись с внуком начальницы на пороге особняка, Марта направилась к себе. Она была полна решимости начать действовать. Мирослава – не Юлия, с которой следовало держаться осторожно и не спешить. Избавиться от медсестрички нужно как можно скорее. Здесь можно попробо-

вать рискнуть головой... естественно, не своей.

Оказавшись в спальне, Марта тут же заперла дверь на ключ. Пусть никто не зайдет, но она хотела наверняка себя обезопасить. Из ящика тумбочки Марта достала свой старенький, выдавший виды ноутбук и подключилась к Wi-Fi. Пока компьютер подгружался, в ее черной голове зрел план.

Испытывала ли Марта хоть толику сожаления, собираясь окончательно разлучить влюбленных, провоцируя одного мужчину на ревность и подставляя при этом девушку, которая совершенно не имела отношения ко всей этой истории? Нет, ни грамма. Правда, на осуществление своего плана у Марты ушло целых два с половиной месяца.

Глава 9

Москва.

Октябрь 1993 г.

За пять с половиной лет до рождения Марты

Ксения шла по Новоарбатскому мосту, оставляя за собой серый Кутузовский проспект. В отличие от зевак, стянувшихся сюда посмотреть на почерневший после обстрела Белый дом¹¹, ее совершенно не заботила обстановка в столице. Она размышляла о своей сломанной жизни и покалеченных судьбах родных. Все, о чем она мечтала, — это стать матерью и подарить своему ребенку ту любовь, которой сама была лишена по воле людей, чьи имена оказались вписаны в историю кровью ее деда.

Шесть лет назад, после первого выкидыша, врачи запретили ей пытаться выносить ребенка. Однако спустя три года Ксения снова почти стала мамой. Второй выкидыш убедил ее отказаться от мечты о своем малыше, но они с мужем сошлись на том, что смогут полюбить, как родного, ребенка, взятого из детского дома.

После гибели родителей Ксения попала в детдом, где вос-

¹¹ 4 октября 1993 года с Новоарбатского моста по приказу Бориса Ельцина танки обстреляли Белый дом. Это событие стало кульминацией внутривнутриполитического конфликта, явившегося следствием конституционного кризиса, имевшего место с 21 сентября по 4 октября.

питывался Олег. Их юная дружба вскоре переросла в первую любовь, и впоследствии они стали мужем и женой. Горький сиротский опыт помог обоим принять это непростое решение, и Ксения не могла и подумать, что им откажут в усыновлении.

«Ее слабое здоровье, их низкий заработок, маленькая жилплощадь... Нет, они должны понимать, что не смогут дать ребенку все необходимое».

— Все необходимое, — Ксения грустно усмехнулась, а потом вдруг разразилась диким, истеричным смехом.

Рядом стоящие подвыпившие мужчины опасливо на нее покосились и, перекинувшись между собой парой слов, поспешили прочь от этой сумасшедшей.

— Каждому ребенку необходима любовь. Каждому ребенку нужна забота, — вслух произнесла она и, перегнувшись через перила, посмотрела в мутные воды вечно спешащей Москва-реки. — Любовь и забота! Ясно вам!

Горячие слезы катились по ее щекам, падали вниз, теряясь в серости осеннего дня, а река продолжала игнорировать боль молодой женщины.

«Броситься бы вниз! — подумала она. — Раствориться в грязной воде, пойти на дно, как ненужный груз!»

И вот в миг, когда Ксения почти решилась перелезть через ограждение, она вспомнила об Олеге. Сколько они пережили вместе, со скольким справились, идя рука об руку. Значит, и сейчас смогут выстоять. Сдаться и покончить с собой

будет равносильно предательству, на которое она никогда не пойдет.

Ксения утерла слезы, глубоко вдохнула, стараясь успокоить продолжающиеся рваться наружу рыдания, и растянула губы в подобии улыбки. Со стороны Арбата подул ледяной ветер, но женщина не поежилась и даже не попыталась укрыться от него за высоким воротом пальто. Напротив, Ксения подставила лицо холодному, порывистому воздуху, чтобы осушить слезы, и направилась ему навстречу.

Каблуки потертых сапог отстукивали ритм, напоминающий начало какой-то дикой современной композиции, где вместо пения звучал речитатив. Ксении это придавало уверенности. Она провела рукой по пыльному перилу и растерла на кончиках пальцев черные песчинки.

Этот мост построили в конце пятидесятых, но задумывался он еще в тридцать пятом году как часть Генплана¹². Кто знает, возможно, если бы ее деда не расстреляли, он был бы задействован в его строительстве. Если бы так случилось... Если бы дед остался жив, тогда бы и бабушка не сгинула, и ее мать с отцом не поплатились бы жизнью за то, что решили пролить свет на ту страшную историю. А виноваты во всем они: Куприяновы!

¹² Генплан – генеральный план реконструкции Москвы 1935 года, первый в истории градостроительства документ, в котором план социалистической реконструкции крупнейшего столичного города был разработан на основе научно обоснованной программы. Генплан был утвержден 10 июля 1935 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б).

Чертов Александр умер несколько месяцев назад, и вся страна трубила о том, какая это трагедия. Культурное достоинство Советского Союза, гениальный писатель, кинематографист. А на самом деле вор, обманщик и убийца! Где справедливость?! Почему она, потомок Макара Абрамова, влачит свои дни в нищете? Почему не имеет права выполнить свое главное женское предназначение – стать матерью? Как так вышло, что потомки Александра Куприянова купаются в роскоши?! Высокомерно приписывают себе заслуги, которых не совершали?

Ксения открыла свою сумочку, достала кошелек, некогда принадлежавший тетке ее матери, и пересчитала несколько новых купюр 13¹³ и немногочисленные монеты. Этого должно хватить на билет туда-обратно до дачи Куприяновой-Нестеровой. Ксения решила не откладывать и немедленно отправиться к этой женщине, чтобы открыть ей правду о ее родителях.

Дорога заняла несколько часов: метро, электричка и долгий путь по проселочной дороге. Но вот она оказалась у больших чугунных ворот, за которыми просматривался тенистый участок с высокими мачтовыми соснами. Вживую он выглядел еще более зловещим, чем в той телепередаче, которую она смотрела с мужем пару лет назад, где пожилой

¹³ 1993 году была проведена денежная реформа, цель которой состояла в укреплении инфляции и обмене денежных знаков 1961—1992 годов на купюры нового образца.

Александр Куприянов рассказывал о своей молодости.

— Вы, часом, не заблудились? — прогремел из-за ворот суровый голос грузного мужчины в кожаной куртке.

— Мне нужно встретиться с Майей Александровной Куприяновой-Нестеровой, — проговорила Ксения. Она хотела, чтобы это прозвучало уверенно, но ее голос предательски дрогнул.

— Кем ей будете? — окинув ее высокомерным взглядом, поинтересовался охранник.

— Мой дед... был знаком с ее отцом, — ответила Ксения.

— Деда как величать?

— Абрамов. Макар Петрович Абрамов.

— Ждите!

Не спуская глаз с Ксении, охранник отошел к небольшой будке, похожей на ту, что обычно стоит у подножья эскалатора в метро, снял трубку и дважды прокрутил диск. Он кратко описал одежду непрошенной гостьи весьма обидными, но правдивыми словами: грязная обувь (а какая еще после нескольких километров по слякоти?), дешевое пальто с потертыми рукавами (ему было невдомек, каких трудов стоило его достать пять лет назад!), страшненькая беретка (самая обычная, какую можно найти на толкучке). Потом он перешел к ее внешности: невысокая, тощая, бледная.

— Девушка говорит, что ее дед был знаком с самим Александром Константиновичем... Да... Макар Абрамов... Да... Жду...

Охранник положил трубку и вернулся к воротам.

— Ну что? – не выдержала Ксения.

— Сейчас узнаем, сможет ли Майя Александровна вас принять, — только он договорил, как телефон в будке зазвонил. Охранник поспешил ответить, но слушал молча, а потом, когда вернулся, отрицательно покачал головой.

— Что это значит? – нахмурилась Ксения.

— Хозяйка знать не знает ни тебя, ни твоего деда, так что давай... канай отсюда!

— Не знает, ну так я ей расскажу! – не испугалась Ксения и сделала шаг вперед.

— Не слышала?! Давай шагай отсюда, девочка. Знаем таких, как ты, проныр!

Мужчина что-то нажал сбоку от ворот, и они приоткрылись. Ксения попыталась протиснуться внутрь, но бугай тут же ее схватил, до боли заломил руки, а потом отшвырнул, словно букашку. Не удержавшись на ногах, она упала на асфальтовую дорожку. Правую коленку пронзила боль, но страшнее ссадины было то, что она порвала колготки.

— Как вы так можете?! С женщиной! – закричала Ксения, поднялась и бросилась на закрывающиеся ворота. На ее счастье, охранник уже вошел внутрь, и она налетела лбом на чугунную воротину.

— Вали давай. Вали-вали, — отмахнулся охранник, но Ксения не послушала. Тогда он распахнул куртку и продемонстрировал кобуру с пистолетом. — Газовый, но тебе ма-

ло не покажется. В милиции заявим, что проникла на чужую территорию.

— Хорошо. Я поняла, — сухо произнесла Ксения, — но передайте Майе Александровне, что я все равно заставлю ее меня выслушать. Она узнает, кем на самом деле был ее отец и какие страшные вещи на его совести. *Макар Петрович Абрамов*. Пусть она запомнит это имя.

Ксения развернулась и похромала обратно в сторону электрички.

Подмосковная дача Куприяновых-Нестеровых.

Конец октября 2024 г.

Марта посмотрела на высокие ворота особняка и подумала о матери. Тридцать один год назад ее, как паршивую собаку, выбросили на улицу, а теперь...

Ворота открылись, Марта шагнула на территорию особняка и улыбнулась охраннику. Тот учтиво ей кивнул.

...а теперь она, дочь Ксении Черновой, не просто спокойно входит внутрь, но и живет здесь. Майя Александровна относится к ней как к своей протеже, Миша Нестеров считает ее приятельницей, Юра вечно подтрунивает, но всегда по-доброму, словно они хорошие друзья, правнук Королевы-бабушки ее обожает, а правнучка ею восхищается. За два с половиной месяца работы в особняке ей удалось найти подход к большей части Святого семейства. Единственный, кто

с ней оставался холоден, — Вадим, но и он держался показательно вежливо. Юлию Марта не считала: в конце концов, не ровен час, когда она избавится от мерзкой блондинки, ведь эта выскочка продолжала изменять своему важному жениху.

Когда встречаться в сарае стало холодно, Юлия и Юра облюбовали другое место. Теперь их свидания проходили у закрытого домашнего бассейна. Летом им практически не пользовались, отдавая предпочтение отдыху на свежем воздухе. Марта удивилась, почему Куприяновы-Нестеровы не организовали зону пляжного отдыха на территории особняка, но вездесущая Лида объяснила, что Майя Александровна категорически запретила трогать природу участка и высокие вековые сосны, а вот на пристройку к главному дому дала свое королевское позволение.

Как только погода на улице стала по-настоящему осенней, домашний бассейн вдруг обрел популярность. На выходных здесь любил проводить время Артем, если гостил у отца; в будни по вечерам не менее получаса плавал Миша, а в дневное время расслаблялась и настраивалась на съемки, которые все время оттягивались, Юлия. Майя Александровна не любила хлорированную воду и с трудом выносила влажную духоту помещения, поэтому они с Мартой практически никогда здесь не бывали. «Они» не бывали, потому что с наступлением ночи Марта приходила сюда, чтобы понаблюдать за встречами любовников. Естественно, ее интересовали не их утехы, а разговоры. Юра не терял надежды уговорить свою

пассию бросить жениха и уйти к нему, а Юлия продолжала упираться, при этом уверяя несчастного влюбленного в своих к нему чувствах.

На ближайшие несколько дней эти свидания пришлось прекратить, потому что у госпожи Винер родилась очередная гениальная идея: устроить вечеринку у бассейна в честь дня рождения Вадима, празднование которого намечалось на ближайшую субботу. Марта с усмешкой представила достопочтенную публику, потягивающую коктейли в плавках. Однако оказалось, что на вечеринке никто не будет купаться и щеголять в купальниках. Бассейн был нужен как часть декорации. Юлия собиралась заказать более сотни плавающих фонариков, украшенных живыми цветами, и пустить их по воде. Нечто подобное она видела в журнале в одном из многочисленных салонов красоты, которые посещала. Так отмечали совершеннолетие дочери восточного миллионера. Правда, там над головами гостей было звездное небо, а не плексигласовый потолок.

Этот праздник Марта могла бы использовать для разоблачения любовников, но у нее не хватило времени как следует разработать план, потому что голова была занята другим. Сейчас она бросила все свои силы на избавление от Мирославы.

Марта и медсестричка стали самыми настоящими подружками. Они встречались по выходным и созванивались в будни. Постепенно Марта привязалась к Мире и в глубине ду-

ши корила себя за подставу, которую готовила. Хотя, стоило увидеть вместе с новоявленной подружкой Мишу, как голос совести замолкал.

Для осуществления своего плана в течение последних пары недель Марта приобрела все необходимое: пальто с леопардовым принтом, косметику, тяжелые духи и светлый парик. В день «икс» она сообщила Королеве-бабушке, что собирается на день рождения приятельницы по университету, поэтому никто не удивился, что из особняка Марта вышла с огромным подарочным пакетом. По пути в Москву, прямо в электричке, не гнушаясь правилами приличия, она ярко нарядилась, а в дамской комнате на вокзале переоделась, оставив свою одежду в камере хранения.

Марта заранее посмотрела дорогу от метро до бара, где работал Егор. Она надеялась, что успеет до основного потока людей и займет место за стойкой, и это ей удалось. Бармены еще не были загружены работой, поэтому уделяли должное внимание каждому гостю. Марта заказала стакан минералки, сославшись на то, что ждет парня. Около получаса она цедила воду и грустно вздыхала, глядя на двери бара, до того как Егор с ней заговорил. Ему стоило сказать лишь слово, как на него потоком посыпались Мартини сетования на то, что ее кинули.

Если бы тот злополучный режиссер, что собирался снимать в своем фильме Юлию, был здесь, то точно отдал бы главную роль не Винер, а Черновой — так умело она изобра-

жала Лидочку. Егор несколько раз уходил налить пиво и сделать коктейли, но надолго Марта его не отпускала. В конце концов, она выдала самую главную, заготовленную заранее фразу: «Мне кажется, у нас в особняке Куприяновых-Нестеровых только мне не везет на любовном фронте».

Егор заметно напрягся и переспросил, не ослышался ли он о том, откуда приехала Лида. Тут Марта принялась рассказывать о знаменитом семействе, не уточняя, что сама всего-навсего служащая.

— Так ты родственница Майи Куприяновой? — в конце концов, прямо спросил Егор.

— Родственница? Ты что?! — Марта громко рассмеялась. — Я там работаю, — и, не давая Егору вставить ни слова, продолжила: — Знаю-знаю, надо искать жениха там: у Пчелки Майи три внука. Честно говоря, я была бы не прочь, но: у Вадима есть невеста, такая вся гламурная стерва-актриса; Миша влюблен в медсестру Пчелки, проходу ей не дает, грозитя увести у жениха; а Юрка — бабник.

— Что-что? Миша?! Тот, что писатель?

— Ну да, а почему ты спрашиваешь? — нахмурилась Марта и снова, не давая Егору заговорить, ответила за него: — А, ну да! Он же типа холостяк, — на последнем слове она изобразила пальцами кавычки. — Короче, это все происки его агента, а на деле Миша ухлестывает за Мирославой, приходящей медсестрой Пчелки Майи. У нее есть жених, она вроде как собралась замуж, но, между нами, если Миша про-

должит действовать, то уведет Миру у жениха.

— Так она и он?..

— Ну нет! Мира не из таких. Она девушка верная, но кто устоит, когда такой красавец, еще и при деньгах, тебя обхаживает. Если бы ее жених знал...

— Если бы знал, то что?!

— Да наверняка потребовал бы, чтобы она уволилась. И правильно бы сделал.

Марта посчитала, что разговор пора прекращать. Она загрозила зерно сомнения, заставила Егора заволноваться, а заодно подала идею, как надо действовать, дальше дело оставалось за ним. Взглянув на часы, она грустно вздохнула и объявила, что ждать дольше смысла не имеет, и, оставив тысячу рублей за стакан минералки и не взяв сдачи, ушла.

На вокзале псевдо-Лидочка вновь превратилась в Марту. Парик и леопардовое, как у горничной, пальто отправилось в мусорку. К полуночи Марта вернулась в особняк. Смена Егора заканчивалась в четыре, значит, Мирослава объявится не раньше следующего утра. И лучше бы медсестричка ограничилась звонком, а не личной встречей.

Как правило, Марта просыпалась рано. Она считала непозволительной роскошью спать позже девяти утра, но в этот раз разрешила себе отключить будильник. Тем не менее, ровно в девять ее разбудила неприятная трель. В первый миг пробуждения Марта не сообразила, что именно вырвало

ее из томительной, сладкой дремы. Она потянулась к телефону, чтобы отключить раздражающую мелодию, но увидела на дисплее имя медсестрички. На Марту словно вылили ушат ледяной воды и заставили резко принять дозу кофеина: от сна не осталось и следа. Она села на кровати, перевела дыхание и ответила.

Сначала Марта решила, что у нее или Мирославы проблемы со связью: вместо внятного приветствия она слышала только непонятный шум и бормотание. Вскоре она поняла, что на заднем фоне журчит вода, а Мира громко всхлипывает. Марте потребовалось по меньшей мере пять минут, чтобы заставить девушку внятно говорить. Медсестричка просила совета, хотя, как показалось Марте, решение уже приняла.

Подстава сработала: Егор потребовал у Мирославы уволиться. Он поставил вопрос ребром: либо он, либо ее работа в особняке. Мира, естественно, выбрала жениха, но теперь сомневалась и спрашивала Мартиноho мнения, как быть.

— Мира, у тебя есть только один выход, если не хочешь разрывать помолвку, — сообщила Марта очевидную им обоим вещь.

— Это все Лида! Какого черта ей было нужно в том баре?! Как так могло совпасть?! И зачем она полезла к Егору с разговорами?! – взъелась Мирослава.

— Подожди, ты же сама сказала, что Лидочка оказалась там случайно, пришла на свидание и, если бы ее кавалер

явился, не заговорила бы с твоим женихом, — раздраженно заявила Марта.

Ей надоело, что медсестричка то и дело перекладывает ответственность на других. В сложившейся ситуации винила болтливую горничную, не подумав, что сама довела дело до беды, желая усидеть на двух стульях. Окончательно выбрать Егора тоже не могла: молила Марту о совете. Будь они настоящими подругами, Марта не стала бы ее щадить, а заставила самой определить, какой мужчина ей важен на самом деле. Мирослава была трусихой, она не желала выходить из зоны комфорта и бороться за свою настоящую любовь. А ведь счастье так близко!

Собрав волю в кулак, вспомнив, что необходимо направить девушку по нужному ей пути (подальше от особняка), Марта принялась ругать Лидочку, доказывая тем самым Мирославе, что целиком и полностью на ее стороне:

— У нее язык без костей, а голова без мозгов! Слов нет! Мира! Из-за этой непроходимой дуры ты не сможешь у нас работать!

— Марта, я не знаю, что делать...

— Как не знаешь? К сожалению, у тебя не осталось выбора. Ты же не можешь порвать с Егором.

— Что бы ты сделала на моем месте?

— Честно? — спросила Марта и, не дожидаясь положительного ответа, продолжила: — Я бы позвонила Майе Александровне, сослалась бы на возникшие личные проблемы и

сказала бы, что не могу больше у нее работать. Она наверняка станет настаивать, чтобы ты лично приехала в особняк, но этого делать не стоит...

— Почему?! — взволнованно спросила Мира, явно лелея надежду на последнюю встречу с Мишей.

— Егор этого не поймет.

— Я могу ему не говорить...

— Мира, ты честная и открытая девушка. Прости, но ты не сумеешь соврать. Он узнает, вы поссоритесь. К тому же, если приедешь, тебе будет сложнее уволиться.

— Ты права, Марта... Пожалуй, не буду тянуть и сейчас же позвоню Майе Александровне.

«Куй железо, пока горячо!» — подумала про себя Марта и довольно улыбнулась.

Королева-бабушка редко пользовалась мобильным, поэтому Мирослава станет звонить на домашний телефон. А поскольку сейчас достопочтенная патронесса наверняка пьет кофе в гостиной, то говорить уйдет в кабинет. Марта решила поспешить вниз, чтобы стать свидетельницей реакции Майи Александровны на уход медсестрички, к тому же она лелеяла надежду, что там будет Миша. Для Нестерова это будет удар, но тут ничего не поделать — сам влюбился не в ту девушку.

Все сложилось как нельзя лучше. Марта еще не успела выйти на лестницу, как услышала, что Майю Александров-

ну зовут к телефону. Дождавшись, пока патронесса уйдет в кабинет, она бесшумно спустилась и заглянула в гостиную, где бабушку ждал Миша. Гордая собой, Марта прошмыгнула в галерею за лестницей, где стоял большой книжный шкаф. Месяц назад Королева-бабушка разрешила Марте брать любые книги при условии, что по прочтении она вернет их на место. Оттуда Марта могла слышать все, что происходит в гостиной, оставаясь незамеченной, а даже если бы ее укрытие обнаружили, она легко бы оправдалась тем, что выбирает чтиво на вечер.

Разговор с Мирославой длился достаточно долго, и Марта стала волноваться, что медсестричка поддастся уговорам своей нанимательницы и продолжит за ней ухаживать. Но, к ее счастью, все обошлось. Майя Александровна выскочила из кабинета, словно разъяренная фурия. Такой Марта ее еще не видела. Она сходу сообщила внуку, что Мирослава больше не появится в особняке и, не щадя его чувств, рассказала, что та, не вдаваясь в подробности, решила объявить о своем уходе по телефону и даже не захотела попрощаться лично. Миша начал расспрашивать бабушку о том, что именно, а главное, как говорила Мирослава, но Майя Александровна лишь отмахнулась. Тут настал выход Марты.

Прихватив томик Томаса Манна, она показалась в гостиной. Девушка учтиво поздоровалась с начальницей и ее внуком и сделала вид, будто собирается уходить, но Майя Александровна ее задержала.

— Марта, ты знаешь, что твоя подруга от нас уходит? — холодно спросила она.

— Мира? Да, она звонила мне этим утром, — ответила Марта, напустив на себя скорбный вид.

— Она объяснила тебе, почему?

Марта отвела взгляд, потом нервно оправила волосы и, не глядя на Майю Александровну, произнесла кроткое «нет». Естественно, ни Куприянова-Нестерова, ни Миша ей не поверили, однако патронесса не стала расспрашивать дальше и отпустила компаньонку догуливать свой законный выходной. Миша нагнал Марту на крыльце. Он даже не дал ей сойти с лестницы и сразу же потребовал объяснений:

— Ты знаешь, почему Мирослава уходит! Я видел это по твоему лицу. Зачем ты врешь?

— Я не вру, — Марта снова не смотрела Мише в глаза.

— Врешь, иначе бы не прятала взгляд. Ну! Говори, в чем дело!

— Миша, не надо! — взмолилась она.

— Марта, говори, я не отпущу тебя, пока не расскажешь, почему Мирослава так поступает!

— Я не хочу делать тебе больно!

— Марта!

— Мирослава уходит, потому что считает, что так будет лучше для ее отношений с Егором. Они скоро поженятся, к тому же она хочет сразу после свадьбы забеременеть, и работать здесь, учитывая твоё к ней отношение... — Марта

вздыхнула и покачала головой.

— Но я же ничего от нее не требую! — отчаянно воскликнул Нестеров.

— Да, но Мира не хочет больше с тобой видеться. К тому же, она подумывала сократить рабочие часы, а поездки сюда отнимают слишком много времени. В деньгах она не нуждается, Егор в принципе хочет, чтобы она стала домохозяйкой, но Мира решила сначала родить...

— Ясно, — Миша остановил поток Мартиной лжи, развернулся и вбежал обратно в дом.

Он был не просто подавлен, Марта раздавила его ложными признаниями Мирославы. И самое страшное, что она ничуть не жалела о Мишиных страданиях, напротив, радовалась его боли. Это была своего рода вендетта за ревность к Мирославе, которая два с половиной месяца съедала Марту изнутри.

Прижимая к груди книгу Манна, Марта направилась за главный дом в дальнюю часть сада, где среди яблоневых деревьев стояла одинокая лавочка. Там она хотела побыть в одиночестве, почитать книгу и на время забыть о своей подлости. Она сделала всего несколько шагов, как услышала стук в одном из окон. Обернувшись, Марта подняла взгляд и увидела улыбающуюся Лиду, которая махала ей рукой из игровой комнаты, где мыла раму. Марта ответила ей тем же и только сейчас по-настоящему устыдилась своей подставы, ведь глупышка-горничная считала, что они приятельницы.

Марта дошла до лавочки, открыла книгу и начала читать, но слова никак не складывались в предложения и не доходили до ума. Она не понимала смысла романа и вскоре его отложила. К тому же промозглая осенняя погода не располагала к долгим сидениям на улице. Правда, дома тоже делать было нечего. Чертов выходной, в который совершенно нечем заняться, а без дела в голову лезли дурацкие мысли и накатывало чувство вины. Тут у Марты зазвонил мобильный. Она не сомневалась, что Мирослава звонит, чтобы рассказать о том, как пообщалась с Майей Александровной и после осчастливила своим увольнением Егора. Однако сейчас общаться с медсестричкой совершенно не хотелось. Марта скинула звонок, но через пятнадцать минут, когда она уже была в доме, телефон зазвонил снова. «Лучше быстро и резко оторвать пластырь, а не мучаться», — пронеслось у нее в голове, и она ответила.

— Марта! Как хорошо, что ты взяла трубку! – голос Мирославы казался звонче на пару октав, либо она чему-то радовалась, либо была взволнована.

— Да. Я не ответила раньше, была занята на кухне.

— Разве у тебя не выходной?

— Да, но я вызвалась помочь Тамаре, — в сотый раз за день соврала Марта.

— Ясно. Значит, ты дома. Хорошо. Так мне будет проще.

— Что проще? — тут уже встревожилась Марта.

— Я все-таки решила приехать и лично попрощаться с

Майей Александровной. Буду минут через пятнадцать.

Глава 10

Марта судорожно соображала, что ей делать. Главное — не дать Мирославе встретиться с Мишей и пересечься с Лидой. Прощание с Майей Александровной тоже грозило разоблачением, но если Марта окажется рядом, беду можно предотвратить. Избавиться от Лиды казалось на первый взгляд проще — достаточно загрузить ее работой, а вот с Мишей дела обстояли сложнее. Марта почти сгрызла ноготь, когда вдруг вспомнила, как несколько лет назад, будучи выпускницей детского дома, отравила слабительным парня, жаждущего с ней близости. Заглянув в свой органайзер с лекарствами, который она на всякий случай привезла в особняк, Марта нашла старую упаковку с несколькими таблетками. Срок их годности давно истек, но в нынешней ситуации выбирать не приходилось. Марта раздавила в блюдце чайной ложкой три таблетки и получившийся порошок сыпала в небольшой кулек, который свернула из канцелярского стикера. Спрятав отраву в карман, она вышла из комнаты.

Мирослава прибудет раньше, чем в гостиной подадут кофе, а Миша должен выпить слабительное уже сейчас. Перебирая в голове все возможные варианты, Марта шла в сторону кухни. Тут она увидела большой глиняный горшок с фикусом. Цветы поливали горничные, и сегодня эта ответственность лежала на Лиде. Марте совершенно не хотелось

в очередной раз подставлять девушку, но делать было нечего. Она юркнула в ближайшую кладовую, взяла ведро и аккуратно, стараясь никому не попасться на глаза, прошмыгнула с ним в туалетную комнату, где почти до краев наполнила водой.

— Несчастное растение... — пробормотала Марта, выливая во влажную землю все семь литров из ведра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.